

М. Н. ЗАЛЕВСКИЙ

НИКОЛАЙ I



М. Н. ЗАЛЕВСКИЙ

Император
Николай Павлович
и его эпоха

(по воспоминаниям современников)

Обложка работы Л. Гл. Скуратовой

© by the author
Printed in Germany by Polyglott-Druck GmbH



Император Николай I

ОТ АВТОРА

Взявшись изложить настоящую тему, я руководствовался добной памятью к императору Николаю I, патрону Николаевского кавалерийского училища, из которого вышли такие знаменитости русской культуры, как М. Ю. Лермонтов и Модест Мусоргский, не говоря уже о крупных российских военачальниках. Кроме того я руководствовался желанием очистить память об императоре, так замазанную либералами и социалистами и вообще красненькими и розовенькими историками и литераторами.

Конечно, мой труд компилятивного стиля, но именно так я и намеревался его написать, ведь если бы я нарисовал портрет Николая Павловича самостоятельно, своими красками, написал бы от себя, то у всякого, взявшего в руки книгу, явилось бы сомнение и недоумение: что за новоявленный историк этот М. Залевский, можно ли ему доверять? Поэтому я просмотрел обширную литературу, как историческую, так и мемуарную; причем в особенности я ценил воспоминания современников императора Николая I или материалы, написанные по записям, дневникам, рассказам таких современников.

Оговорюсь, что я почти не пользовался материалами историков, наиболее известных читателям, чтобы не повторять их, а охотнее пользовался материалами забытых или вообще малоизвестных историков. Таким образом я представляю настоящим трудом историческую личность на основании многочисленных свидетельств, что видно из биографических справок, приведенных к каждой главе в отдельности и в целом в конце нашего труда.

Как видно из моей цели, я не претендую на полную объективность, да, кроме того, замечу, что редкие историки объективны в своих писаниях, о чем можно судить хотя бы из различной трактовки тех или иных событий, из различной обрисовки ими исторических личностей, как, например, Петра Великого или Ивана Грозного.

Представляя мозаичный портрет императора Николая Павловича, надеюсь, что читатели поверят многочисленным свидетелям и воздадут должное рыцарю-императору, человеку по душе и характеру истинно русскому, любившему свое отчество и свой народ, отдававшему им все свои помыслы, всю недюжинную энергию.

тателям скажу: прочтите предлагаемый труд и задумайтесь над вопросом — что было бы с нами, с нашим народом, с нашей страной, если бы в 1917 году царствовал не Николай II, а Николай I?

M. Залевский

ВВЕДЕНИЕ

Писатель Евгений Чириков указывает на наш русский грех: «Ни памятью к своему прошлому, ни благодарностью к предкам — творцам своей культуры и государственности, мы, русские, не отличаемся». Разве это не так, разве Е. Чириков не прав? Наша интеллигенция, наши представители образованного слоя, как пишет генерал Головин, были в большей степени европейцами, нежели русскими. Мы увлекались западничеством, забывая своё. Мы спросим: где в России стоят памятники М. М. Сперанскому, деятелям по освобождению крестьян от крепостной зависимости, в частности — генералу Киселеву, братьям Милютинным, Ростовцеву, Ланскому, — а в Киеве, где трагически погиб реформатор П. А. Столыпин, и вообще в России, поставлен ли ему памятник или памятник дипломату Горчакову? Нет, своих деятелей не ценили, мы больше их критиковали. Мы неблагодарны, мы их забываем с необычайной легкостью, а то и охаяваем.

Конечно, верх неблагодарности, клеветы, умыщенного чернения находим у Сталина, который, говоря о прошлом России, с необыкновенной наглостью клеветал: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость... Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную». Так оценивать русскую историю могут лишь клеветники и невежды, не замечая или не отмечая, что Россию били, а она от этого росла, расширялась, становилась всё богаче и могущественнее.

На такую трактовку Русской истории ответил наш великий русский писатель и мыслитель Ф. М. Достоевский: «Наши Потугины бесчестят народ наш насмешками... Тут причины (некоторой отсталости. — М. З.) географические, этнографические, политические, тысячи причин, и всё ясных и точных. Никто из здравых умов не станет укорять и стыдить тридцатилетнего за то, что ему не двадцать пять лет».

Да и вообще надо сказать, не любим мы вникать глубоко в наше прошлое и, если говорим, а то и критикуем свое прошлое, то, увы, на основе своих поверхностных знаний и легкомысленных суждений.

Один наш русский мыслитель сказал, что «без прошлого нет

настоящего», а мы добавим: без прошлого не может быть и будущего. Ведь для будущих поколений станет прошлым как опыт наших отцов и дедов, так и наш собственный опыт, с той лишь разницей, что одно как перфектум, другое как плюсквамперфектум.

Да, не любим мы своих заслуженных деятелей... И. Е. Забелин, критикуя Н. И. Костомарова, ссылается на римских историков, умевших показать своих героев, говоря: «Они умели различать золотую правду заслуг героев от житейской лжи и грязи, в которой каждый человек (следовательно, и каждый герой) необходим проживает и всегда больше или меньше ею мается».

Так замарали и личность нашего умного, трудолюбивого, наиболее русского императора — Николая Павловича. Наше дальнейшее изложение во всех главах покажет истинное лицо его, и в них мы намерены снять ту ложь, которую умышленно или по отсутствию глубокого знания, по нашей лени, по скольжению лишь по поверхности, распространяли многие десятилетия. С этой целью мы приведем весьма многие свидетельства, но, опережая их, здесь приведем два суждения: одно — русской женщины и другое — французского артиста и режиссера.

В воспоминаниях вдовы инженер-генерала А. Я. Бутковской дана точка зрения на оценку той или иной личности вообще и в частности дана характеристика императора Николая Павловича: «Чтобы верно оценить историческую личность, надо смотреть на нее издалека, когда страсти остынут. Теперь по прошествии более двадцати пяти лет, понемногу начинает выделяться яснее из тумана величественный образ рыцаря-императора. Я принадлежу к числу его ревностных поклонниц за то уважение, которое он сумел внушить иностранцам к русскому могуществу, за тот порядок, который он поддерживал внутри государства; за его знание духа русского народа и любовь ко всему русскому; наконец, за всё добро, сделанное им моему мужу и семейству. Купеческое словие ценило его, а простой народ и солдаты боготворили!»

Как мы уже сказали, режиссер французского театра в Петербурге Де-Сво Сен-Феликс написал об императоре Николае I «Николаиаду», и мы приведем маленький абзац: «Вот тот царь, на которого злой гений всегда и везде клевещет и которого оскорбляет. Он одинок. Укажите мне преступление, которое забрызгало его северный пурпур? Пролил ли он беззаконно хоть каплю крови? Назовите хоть одну жертву его каприса? Продажные газетчики, вы тщетно печатаете памфлеты и искажаете истину. Лжецы!...»

Как ясно и сильно обличает француз клеветников вольных и невольных. Это обвинение, эта защита личности Николая Пав-

ловича особенно сильна, когда вы представите личность его отца Павла Петровича.

Вот и мы, как и А. Я. Бутковская, будучи поклонником Николая Павловича, рассматриваем его издалека и не по прошествии двадцати пяти лет, а почти ста двадцати пяти лет, и скажем всей нашей работой, здесь предлагаемой, как Де-Сво, как Пушкин, клеветникам: «Вы лжете!»

Мы постараемся показать истинное лицо императора, которому сама судьба предназначила историческую роль. Его будущее предзнаменовалось двумя событиями. В день бала, данного генерал-прокурором (тогда аналогичного канцлеру) графом Самойловым в честь прибытия в Петербург шведского короля, когда императрица Екатерина II выходила из кареты, мгновенно пролетел метеор, осветивший всю столицу. И через несколько дней, а именно 25 июня 1796 года, появился на свет Николай Павлович.

Почти одновременно в Царском Селе ночью появился такой сильный дым, и именно под окном спальни Государыни, что все переполошились и стали искать источник такого, полагая, что случился пожар и, не найдя его во дворе, подумали, что горит где-то вблизи лес. Послали во все концы гонцов, которые нигде не могли найти лесного пожара. Народ воспринял оба случая и, связав их с рождением Николая Павловича, увидел в этом предзнаменование сверкающего будущего новорожденного и дымящую атмосферу вокруг его жизни.

А заметим, что Николай Павлович, будучи третьим сыном Павла Петровича, не являлся наследником престола, как Павла I, так и наследовавшего престол старшего из братьев Александра Павловича. Наследником последнего считался Константин. Более подробно историю наследования и воцарения Николая Павловича мы излагаем в дальнейших главах, здесь же опровергаем утверждение некоторых историков, будто Николай Павлович не был подготовлен к управлению государством. В научной монографии об императоре Николае I профессор Полиевктов, как утверждает П. Е. Ковалевский, обстоятельно доказал обратное, а именно, что уже в 1814 году он принимал непосредственное участие во внешней российской политике, что он участвовал в европейских конференциях, а с 1822 года стал единственным помощником своего царственного брата. Поэтому по воцарении Николай Павлович и следовал этой политике. Он был сторонником дружбы с Пруссией, как в соответствии с трактатом «Священного Союза», так и вследствие семейных связей и, наоборот, был противником Франции Людовика Филиппа и Наполеона III.

В этом император Николай I следовал политике канцлера, но не слепо следовал за ним, наоборот, он часто вмешивался в планы и решения Нессельроде, когда они шли вразрез с его идеями о справедливости. Помогая Австрии и Турции, он в то же время посыпает в 1837 году князя Долгорукова в Сербию с личным поручением в противовес официальному представителю России барону Рикману. В 1838 году император улаживает конфликт, возникший с Австрией из-за миссии Егора Ковалевского, написав на докладе, несмотря на противодействие канцлера, «Ковалевский поступил, как истинный русский». В 1843 и в 1853 годах император посыпает его же с личным поручением на Балканы для поддержания духа славян.

В 1851 году посланный императором для устройства Дальневосточных областей Н. Н. Муравьев кладет основание русской колонизации Приморского края и когда в петербургских кругах, и больше всего в придворных и правительственныех, проявляется протест против установления капитаном Невельским у Татарского пролива русского флага (а эти господа боялись конфликта с западными державами), Николай Павлович вмешался в это дело и написал на докладе канцлера: «Там, где раз поднялся русский флаг, он не должен опускаться!» Так устье Амура было закреплено за Россией. Добавим, что в этом районе рыскали в то время иностранные суда в намерении здесь закрепиться.

Говорят, будто император Николай I был неограниченным монархом, что, по нашему мнению, вовсе не так, — ведь он ограничивал свою власть законом высшего порядка, высшими заповедями, высшей моралью, высшей ответственностью, как помазанник Божий, руководствуясь законами Божими и гражданскими, пока таковые существуют. Наряду с этим он всегда руководствовался интересами России, которую любил как истинный патриот. Знаменателен его наказ цесаревичу Александру Николаевичу: «Помни, что ты первый слуга России и что всё твое принадлежит ей».

В Николаевскую эпоху, как мы далее укажем, а именно — в главе о русской культуре, — сильным в то время было мировоззрение славянофилов и император, в сущности, склонялся по своему внутреннему чувствованию к нему. А как указывает Б. П. Вышеславцев, монархическая идея славянофилов вовсе не видела в монархии властный идеал, а патриархальное отношение любви к отеческому авторитету. И Николай Павлович видел в семье начало благоустройства общества и, в целом, государства. Сам он был исключительно образцовым семьянином и, как отец, любил русский народ.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Евгений Чириков. Отчий дом.
2. Сталин. О задачах хозяйственников. Вопросы ленинизма.
3. Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, ч. I. Изд. Маркса. СПБ.
4. И. Забелин. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время (1883).
5. А. Я. Бутковская. Рассказы бабушки. «Исторический вестник», 1884. Т. 18.
6. И. Я. К истории французского театра в России. «Исторический вестник». Т. 70, 1897.
7. П. Е. Ковалевский. Исторический путь России. Париж. 1949.
8. Б. П. Вышеславцев. Кризис индустриальной культуры. Изд. им. Чехова.



Императрица Александра Федоровна

Глава I

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ КАК ЧЕЛОВЕК

Настоящую тему мы намерены начать как бы с конца — с воспитания его наследника. Да, именно так, ибо в постановке данного вопроса проявляется сознание Николаем Павловичем недостатков в его собственном воспитании, а вместе с тем выявляется главная идея императора в этой проблеме: «Я хочу воспитать в моем сыне человека, прежде чем сделать из него государя» (Выделено нами. — М. З.).

В соответствии с таким принципом Николай Павлович и подобрал воспитателей наследника, именно: Ю. Ф. Баранова, полковника Мердера и В. А. Жуковского. Коротко скажем, что Мердер показал себя отличным воспитателем в I кадетском корпусе, где он изгнал господствовавшую тогда штрафную систему, «систему наказанием», и стал применять совершенно обратную — систему взаимопонимания между воспитателем и воспитуемыми. О В. А. Жуковском нечего говорить, всем известна его гуманность, его высокая культура.

Приведем отрывок из письма Жуковского к императрице Александре Федоровне, в котором он видит опасность в принятой еще Павлом I системе военного воспитания, говоря, что это «всё равно, если бы восьмилетнюю девочку стали обучать всем хитростям кокетства. К тому же эти воинственные игрушки не испортят ли в нем того, что должно быть первым его назначением? Должен ли он быть только воином, действовать в сжатом горизонте генерала? Когда же у нас будут законодатели? Когда будут смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы, просвещение, нравственность? Государыня, простите мои восклицания, но страсть к военному ремеслу стеснит его душу. Он привыкнет видеть в народе только полк, а в отечестве казармы».

Но посмотрим, как воспитывался сам Николай Павлович?

25 июня 1796 года, когда родился Николай Павлович, его бабушка — императрица Екатерина Алексеевна — пророчески назвала его «рыцарем Николаем», каковым он и стал на всю жизнь. Также пророческими оказались её слова: «Я стала бабушкой третьего внука, который по необыкновенной силе своей предназначен, кажется мне, также царствовать, хотя у него и есть два старших брата».

Более подробным изложением служит письмо бабушки Николая к Гrimmu, в котором находим:

«Сегодня в три часа мамаша (Мария Федоровна. — М. З.) родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, и кричит он удивительно; длиной он аршин без двух вершков, а руки немного менее моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря. Если он будет так продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом».

Видимо, от отца Николай Павлович наследовал настойчивость, а от матери-немки аккуратность, скромность, требовательность к себе и к окружающим, трудолюбивость и любовь к изящному. Историк Шильдер полагает, что воспитательницы, в особенности англичанка Е. В. Лайон, также оказывали на формирование характера будущего императора известное влияние. Но что сложилось в отроке от начального воспитания? Шильдер на этот вопрос отвечает следующим образом: «Настойчивость, стремление повелевать, сердечная доброта, страсть ко всему военному, особенно любовь к инженерному искусству, дух товарищества, выразившийся в последнее время, уже по воцарении, в непоколебимой верности союзам, несмотря на вероломство союзников, — всё это сказывается в детстве, и, конечно, подчас в самых ничтожных мелочах» (Н. К. Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царствование. Т. I.).

Сам Николай Павлович вспоминает своих воспитателей и методы воспитания, указывая, что Ламздорф оказался плохим воспитателем, применявшим единственное средство — строгость — и часто наказывавшим даже битьем линейкой, а то и шомполом, что, безусловно, не умиряло вспыльчивости и строптивости воспитуемого великого князя.

Нам, вспоминающим воспитательные методы Жуковского в отношении цесаревича Александра Николаевича, приходится невольно жалеть о детстве Николая Павловича, и, более того, с презрением отнести к методам Ламздорфа. Думается, исходя из своего личного тяжелого опыта, Николай Павлович и подыскал в воспитатели своему наследнику людей иного стиля. Он, вспоминая своих воспитателей и, в частности, преподавателей по законоведению и праву, так резюмировал: «По-моему, лучшая теория права — добная нравственность, а она должна быть в сердце, а не в этих отвлеченностях, и иметь своим основанием религию». Думаем, под отвлеченностями император понимал так называемое «естественное право».

Да, Николай Павлович не раз говорил, что он и его младший брат Михаил получили бедное образование и что преподаватели и методы воспитания и образования были не на высоте.

А барон М. А. Корф, передавший историку Шильдеру свой богатый архив, правильно заключает:

«Условия и морального и умственного воспитания великого князя Николая Павловича самые невыгодные, даже если смотреть на них вообще, а тем более для личности столь богатой и исключительной, требовали у руководителей знаний, опыта и проницательности совершенно необыкновенных. И, если *несмотря* на бесконечные препоны, положенные развитию его самостоятельности и особенностей его характера, и если *вопреки* всем стараниям уничтожить в нем исключительность его натуры, так сказать, опошлить её и подвести под общий уровень, все-таки из этого тяжкого горнила выработалось нечто столь могучее, самобытное, гениальное и мировое, то, конечно, Николай всем обязан был единственно своей внутренней силе и той особенности печати, которою Пророчество назнаменовало его для исполнской будущности» (выделено нами. — М. З.).

И можно сказать: какие бы плоды принесли воспитатели, если бы у великого князя Николая Павловича таковыми были Жуковский и Мердер, какой совершенный лик принял бы этот и без того «исполнин» не только телом, но и духом!

Конечно, Николай Павлович интересовался военным делом и, как отмечает П. Е. Щеголев, — это увлечение от отца и старших братьев. Действительно, Константин Павлович этим отличался еще более. Щеголев пишет: «Александр Павлович, несмотря на свой либерализм, был жарким приверженцем вахтпарида и всех его тонкостей. Не ссылали при нем в Сибирь за ошибки на учениях и разводах, но виновные подвергались строжайшим взысканиям, доходившим относительно нижних чинов до жестокости. О брате его Константине и говорить нечего: живое воплощение отца, как по наружности, так и по характеру, он только тогда и жил полной жизнью, когда был на плацу среди муштруемых им команд» (П. Е. Щеголев. Император Николай I. «Исторический вестник», июль 1903).

Таково было отношение к военному делу старших братьев и их отца, младшие же, Николай и Михаил, естественно, разделяли это семейное увлечение, но не в его искаженном виде. Приведем пример. Когда Николай Павлович, еще в бытность великим князем, был назначен Прусским королем шефом прусского кирасирского полка, то он, великий князь, сразу же устроил ему не вахтпариад, а тревогу, чтобы выяснить готовность полка. А вообще говоря, в то время повсюду было увлечение военным делом, особенно в соседних Пруссии и Австрии. И потому Шильдер неправ, утверждая, что юный Николай Павлович видел в

увлечении военным делом запретный плод из-за отвращения к нему его матери. Неправ Шильдер и потому, что это увлечение было не только тогда, а и позже у каждого почти мальчика. Вспоминаю себя и своих товарищей, кто из нас не играл в солдатики, оловянные и живые, кто не стремился получить в подарок барабан, ружье, трубу, лошадку, пистолет, каску? Кто из нас не играл в войну? Да и теперь тоже стремятся приобрести пистолет, но не для военных игр, а в игры террористов. Что же лучше, что благороднее?

Таким образом судить императора того времени за предпочтение военного дела, судить огульно, не учитывая, чему и как именно из этого отдавалось предпочтение, по крайней мере — легкомысленно. А что делал Николай Павлович в армии: он устраивал поверки не парадные, а по существу — тревоги, маневры, проверял готовность частей, крепостей, с вниманием строил крепости, но, скажем откровенно, вообще он предпочитал военную среду, а почему? Он говорил: «Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, всё вытекает одно из другого; всё подчиняется одной определенной цели; никто не приказывает, прежде сам не научится повиноваться; никто без законного основания не становится впереди другого, всё имеет свое назначение. Потому-то мне так хорошо среди этих людей, и потому я всегда буду держать в почёте звание солдата. *Я смотрю на всю человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит*» (выделено нами. — М. З.).

Помимо точного определения характера и особенностей воинской службы, в приведенных словах Николая Павловича заключается всё существо его самого и его царствования. Именно последнюю его фразу, только что приведенную, можно было бы поставить сразу же под общим заголовком настоящего нашего труда.

Из дальнейшего нашего изложения будет видно, что идеалы Жуковского разделялись Николаем Павловичем, и более того — он сам стремился быть близким к этим идеалам. И сам факт, что Жуковский был назначен воспитателем цесаревича, подтверждает единомыслие этих двух лиц во взглядах на воспитание.

Жуковский, как мы указали ранее, жаждал видеть в императоре законодателя, и при императоре Николае I, как известно, составлен Свод законов Российской империи — основа дальнейших законодательных реформ; приемник Николая Павловича, Александр Николаевич, всё свое царствование, исходя из заложенной его отцом основы, посвятил благоустройству страны, иначе говоря, великим реформам.

Говоря о воспитании детей, всякий понимает, что главное в формировании человека это — пример родителей. Какова же была атмосфера в царствующей семье? Но каково влияние матери на Колю, если, как показывает бар. М. Корф, он виделся с нею в раннем детстве один-два раза в день лишь по одному-двум часам.

1 июля 1817 года произошло бракосочетание великого князя Николая Павловича с прусской принцессой Шарлоттой.

Остановимся же более подробно на истории брака Николая Павловича с Шарлоттой прусской, дочерью короля Фридриха-Вильгельма. В 1814 году вел. кн. Николай Павлович совершил поездку во Францию и при возвращении, проездом через Берлин, познакомился с принцессой Шарлоттой, каковая ему весьма понравилась и, видимо, принцессе также понравился русский великий князь.

Через год Николай Павлович повторил свою поездку в Париж и Берлин, причем в последнем он пребывал более основательно. И, что важно, на парадном обеде в Берлине был проиглашен тост за помолвленных, выше приведенных. Но поскольку великий князь был еще несовершеннолетним, было принято решение отложить бракосочетание до совершеннолетия жениха. И 31 мая 1817 года принцесса Шарлотта, в сопровождении своего брата, будущего императора Вильгельма I, выехала в Санкт-Петербург. 24 июня было совершено миропомазание невесты с наречением её Александрой Федоровной, а 1 июля совершено торжественное бракосочетание. Новобрачные поселились в Аничковом дворце. Брак оказался счастливым. В рубрике «Грядущие юбилеи» «Военного сборника» за ноябрь 1916 года мы нашли оценку этого брака самим Николаем Павловичем в его разговоре с одним из придворных:

— Если кто-нибудь спросит тебя, в каком уголке мира скрывается счастье, сделай одолжение — пошли этого человека в Аничковский рай.

А под бюстом императрицы счастливый Николай Павлович приказал начертать: «Счастье моей жизни».

Выше цитированный Жуковский говорит, что ничего более трогательного он не видел, чем семейную обстановку в царской семье, Николая Павловича в домашнем быту, когда он преображался, становился из угрюмого, не только улыбающимся, но веселым и ласковым, да и не только с членами семьи, но со всеми, кто соприкасался с царственной семьей.

Мы знаем, что и отец и братья Николая Павловича, да и Александр II не отличались верностью своим женам, в то время

как Николай Павлович оставался всю свою жизнь не только хорошим отцом семейства, но и добропорядочным и верным супругом.

Говоря о Николае Павловиче как о хорошем семьянине, верном супруге, хочется невольно сравнить его со старшим братом, Александром Павловичем, с его слабостью к женскому полу. Эту слабость использовал, в частности, Венский Двор, окружив русского императора сонмом молодых светских красавиц. Этому «дипломатическому и разведывательному оружию» послужили: графиня Розина Эстергази, царственная красотка, графиня Заурия, дьявольская красотка, графиня Каролина Чечени, кокетливая красотка, графиня Юлия Зичи, небесная красавица, и княгиня Габриэля Аузроперг, сентиментальная красавица. Как видим, товар этот, товар, круживший голову «ангелу мира с Невы», круживший так, что венское правительство приобретало из первых рук точные сведения о планах русского императора.

Не таким был его брат Николай Павлович — тому не вскружит голову ни одна из этого сонма венских красоток.

Небольшая иллюстрация. Во дворце часто устраивались маскарады, и вот на одном из таких к императору подошла грациозная маска и, желая завлечь его, назвала императора самым красивым мужчиной. Но Николай Павлович искренне и веско ответил: «Этого я не знаю, но ты, маска, должна знать, что это касается единственно моей жены».

Как показывает Е. И. Раевская, столь достойный семьянин и муж, после всяких празднеств и парадов стремился скорее попасть в свою семью, «к своей бабе, которая меня ждет», как он сам говорил. Само это выражение Николая Павловича, помимо его верности, говорит так же о рускости государя. И что характерно — такой показ нравственного образа жизни изменил и самих царедворцев — они стали уделять семье и женам больше времени и больше внимания, в то время как прежде отличались распущенностью нравов. («Воспоминания Е. И. Раевской», «Исторический вестник», т. 74, 1898.)

Жуковский отмечает, что эта любовь и ласковость Николая Павловича не ограничивалась лишь в отношении своих детей, нет, она распространялась и на чужих детей. Однажды, когда он, еще будучи великим князем, организовал Главное инженерное училище, со временем превращенное в Военно-Инженерное училище, он ежедневно посещал училище и всячески благоволил к воспитанникам. Так, однажды старшеклассники были приглашены к вдовствующей императрице на обед, причем сам Николай Павлович их отвез к августейшей матери, где собралась большая

свита и много при дворных дам. Кадетов посадили за стол, а при дворные дамы и кавалеры, в том числе и члены императорской фамилии, обслуживали их. Обе императрицы тут же, но за другим столом, готовили бутерброды, а великие князья и великие княгини подносили кушанья к столу кадетов. Лакеи же приносили из кухни кушанья и убирали тарелки и остатки блюд, а также меняли тарелки.

Спрашивается, где, в каком королевском доме, было такое гостеприимство, такое внимание к молодежи, такое высокопоставленное обслуживание? Только в русской царской фамилии!

Кадеты разных корпусов часто приглашались к Николаю Павловичу и он сам встречал юных гостей не у себя, в глубине дворца, а в первой же комнате и вел их во внутренние покои.

А вот еще одна любопытная картинка. Как-то Николай Павлович, гуляя по парку, встретил большую группу кадетов, он остановил их, приветливо поговорил с ними и пригласил их во дворец на танцы. Но кадеты просили небольшой отсрочки, чтобы сходить в свой корпус и надеть тонкие сапоги и белые перчатки, на что Николай Павлович, улыбаясь, заметил:

— Ах, вы, проказники, — так у вас и эта контрабанда водится!

Заметим, что слово «контрабанда» сказано было императором в связи с тем, что кадетам не разрешалось иметь в корпусе собственное платье.

Другая встреча еще показательней в смысле любви государя к детям, в данном случае — к малолетним. А она произошла в петергофском Нижнем Саду, когда, поздоровавшись с кадетами, он снял с себя мундир (тогда называли — сюртук) и приказал детям повалить его на траву. Вся гурьба набросилась на государя, кто пытался склонить его за рукава, кто за ноги, кто, взобравшись на плечи. Но все усилия кадетской гурьбы были тщетны. Повозившись с ними, Николай Павлович повел кадетов к Главному каскаду и, дойдя до него, скомандовал:

— Бегом вверх! Кто первый дойдет до верха, тому фунт конфет!

Кадетики бросились бежать по лестнице, а надо сказать, что лестница весьма великая — несколько десятков ступеней, сколько точно не помню, хотя сам поднимался и спускался много раз.

Кадетня так увлеклась, стараясь опередить один другого, что кое-где помяли цветы, растущие вдоль лестницы, что увидала императрица, наблюдавшая сверху от Большого дворца, и с упреком сказавшая: «Какие глупые дети». Но император, также

поднявшийся уже вверх, с веселым выражением лица и голоса добавил:

— Хорошенько, хорошенъко их, и меня, как главного зачинщика.

(Этот факт изложен П. В. Митуричем, участником сего соревнования, в его «Воспоминаниях» в «Историческом вестнике» за сентябрь 1888 г.). Сделаем оговорку, что о числе ступеней поведал не Митурич, а автор настоящего труда.

Вообще говоря, Николай Павлович часто посещал корпуса и, наведя порядок и сделав замечания нерадивым администраторам, сердечно беседовал с кадетами. Бывало сидет на окошко в коридоре, а ребята, как мухи на сладкое, облепят императора, чувствуя себя в этом обществе непринужденно.

Как пишет И. Р. Тимченко-Рубан, кадеты обожали Николая Павловича и считали его своим отцом, любовным и заботливым. Когда в Петергофе, где был кадетский лагерь, прошел однажды сильный ливень и палатки оказались в воде, приехавший император немедленно перевел кадетов в Александрийку, как мы, петергофцы, по простоте называли летнюю дачу государя в Петергофе, куда обычно вход, то есть не только в саму дачу, а и в парк, окружавший дачную резиденцию царской семьи, могли входить без отдельного разрешения лишь флигель-адъютанты. (И. Р. Тимченко-Рубан. Из воспоминаний. «Исторический вестник», т. 40, 1890.)

Не уважал Николай Павлович лишь пажей (воспитанников пажеского корпуса), называя их белоручками и даже мадемузелями. Особенно раздосадовали его пажи во время подготовки к смотру, когда они в том же Петергофе на громадном заднем плацу производили учения со всякими перестроениями. Никто не заметил, когда в одном углу плаца, ближайшем к аллее, ведущей к Верхнему Саду, появился на коне император и остановился там, наблюдая издали за учениями частей и кадетов. Его зоркий глаз заметил, что пажи, идя развернутым строем, перепрыгивают лужи или обходят их. Николай Павлович с гневом отвернулся, не стал здороваться с пажами и поскакал к другим частям. (Князь Николай Имеретинский. Пажеский корпус. «Русский вестник» т. 191, 1887.)

Тимченко-Рубан, ранее нами цитированный, утверждает, что не было такого случая, чтобы Николай Павлович не уважил просьбы кадета о помиловании кого-либо из его родственников.

Приведем характерное для Николая Павловича его обращение к выпускникам-кадетам, при производстве их в офицеры: «Отпуская вас на службу, я расстаюсь с вами, как с собственными

детьми, при уверенности, что вдали от меня вы не измените тех чувств ко мне, которыми мое сердце переполнено к вам. Служите честно и примерно, я не забуду вас».

Мы спросим: какой Государь так душевно обращался к выпускникам? Да я сам был выпускником и знаю, что в таких случаях верховные люди поздравляют с производством, желают успеха в службе офицера, но всегда более формально, де-мол, так положено, — чем сердечно, тепло, от души.

Доброта, сердечность, любовь к детям и, добавим, — отеческие обязанности — хорошо вырисовываются из письма Государя, написанного на французском языке к графу А. К. Разумовскому в 1827 году. Мы по причине чужезычности письма его не цитируем, но лишь передаем коротко смысл. Государь Николай Павлович выражает графу свою печаль по поводу забвения последним своего сына В. А. Перовского и говорит об отеческих обязанностях, освещенных христианским учением. Речь идет о том Перовском, который позже стал полководцем, а в то время, когда было написано царское письмо, Перовский бедствовал, чувствовал себя покинутым отцом. Впрочем, следует пояснить, что граф Разумовский разошелся с первой своей женой Шереметьевой, но не получил права на развод, почему Перовский, будучи сыном от второй жены, не получил фамилии своего отца. (Факт этот указывает Ив. Захарын в ст. «Дружба Жуковского с Перовским». «Вестник Европы», апрель 1901.)

Из указанных выше свидетельств рисуется образ Николая Павловича — доброго отца, а вместе с тем образ человека, простота которого вызывает обожание. Но что такое простота? «Простой» человек нам представляется как человек, прежде всего, с открытой душой, не возвышающий себя выше других, охотно и сердечно общающийся с другими людьми, независимо от их ранга. Николай Павлович таким и был, скажем не в пример его папаше, говорившем о себе и знатности следующим образом: «Знатное лицо в России есть только тот, с кем я говорю, и пока я с ним говорю».

Говоря о простоте Николая Павловича, приведем характеристику государя, данную баронессой М. П. Фредерикс:

«К себе самому император Николай I в высшей степени был строг, вел жизнь самую воздержанную, кушал он значительно мало, большею частью овощи, ничего не пил, кроме воды, разве иногда рюмку вина и то, право, не знаю, когда это случалось; за ужином кушал всякий вечер тарелку одного и того же супа из протертого картофеля, никогда не курил, но и не любил, чтоб и другие курили. Прохаживался два раза в день пешком обяза-

тельно — рано утром перед завтраком и занятиями и после обеда, днем никогда не отдохнал. Был всегда одет, халата у него и не существовало никогда, но если ему нездоровилось, что впрочем очень редко случалось, то он надевал старенькую шинель, спал он на тоненьком тюфячке, набитым сеном... По утрам и вечерам, Николай Павлович всегда долго молился, стоя на коленях... Перед обедней государь сам назначал пение, которое желал, чтоб исполняли. В молодости он сам часто пел, становясь на клиросе с певчими; у него был звучный баритон...» (М. П. Фредерикс. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 71, 1898).

Да, действительно, чем не простая жизнь, чем не простой человек. Можно подумать, что это какой-нибудь старый поручик из захудалого гарнизона или мелкий провинциальный чиновник.

Та же баронесса сообщает, что Николай Павлович не стеснялся садиться на козлы и возить по петергофским паркам свою супругу и сопровождавших их лиц.

В дополнение ко всему этому сказанному отметим также, что Николай Павлович по своей натуре был экономным человеком, лишь на усиление обороноспособности страны он не жалел денег, в особенности на постройку крепостей и флота. В своей же собственной жизни его бережливость доходила до невероятного. Так, Е. И. Раевская, которую мы уже цитировали, указывает, что государь сократил расходы на питание царской семьи с 1500 рублей в день на всего 25 рублей. Вот вам и жизнь «по-царски»!

К числу показателей простого человека мы отнесли и равное отношение к другим людям, независимо от их ранга. Вот пример тому, показываемый Е. В. Сухониным, офицером Измайловского лейб-гвардии полка. Некто С. просил императора быть крестным отцом первенца, на что Николай Павлович согласился. То же самое произошло со вторым ребенком того же С., затем с третьим, четвертым ребенком, но когда император получил просьбу быть крестным отцом пятого, то Николай Павлович передал через приближенных: «Передайте, готов крестить до двенадцати, а после предоставлю право наследнику престола» (Е. В. Сухонин. Из воспоминаний измайловца. «Исторический вестник», т. 69, 1909).

Все эти рассказы русских людей, но вот что пишет артист и режиссер французского театра в Петербурге Де-Сво Сен-Феликс. Однажды, когда он был у великого князя Михаила Павловича, туда вошел Николай Павлович и француз, разумеется, приветствовал такового с полным титулом, как положено было приветствовать великого князя. Но вошедший на это заметил:

— Ах, оставьте, пожалуйста! Надоели мне эти «высочество», я слышу их на каждом шагу. Поменьше этикета. Мне хочется похохотать, пошутить. Право, такие минуты для меня редкость (Из статьи «К истории французского театра в России». «Исторический вестник», т. 70, 1897).

В указанном ответе Николая Павловича сколь видится человек, желающий быть обыкновенным, простым, как все; но здесь видна и скромность, а разве не скромный образ жизни наблюдаем мы из рассказа М. А. Паткуль, муж которой воспитывался вместе с цесаревичем Александром Николаевичем. Но сперва вмешаемся в повествование и заметим, что факт воспитания цесаревича совместно с незнатным мальчиком — верная система Николая Павловича. Её наследовал и Александр Александрович, воспитывавший своих сыновей совместно с мальчиком их воспитательницы. Исторический факт, что наиболее народными российскими государями были те, которые не были наследниками престола или те, которые отирались, а именно Петр I (оттираемый Софьей), Николай I и Александр III.

Итак, когда у Паткуль родилась дочь Мария, государь и обе государыни пришли на крестины и празднование произошло в весьма скромной обстановке. За скромным столом Николай Павлович, восторгаясь сливками, которые были поданы к чаю, спросил хозяйку, откуда у неё такие изумительные сливки? М. А. Паткуль объяснила, что для качественного питания детей она держит корову (это происходило в Царском Селе), благодаря чему имеют непокупное молоко, сливки, масло. Тогда удивленный император Николай Павлович воскликнул:

— От одной коровы! У меня же несколько ферм и сотни коров, а в жизни моей таких сливок и такого вкусного масла не подавали мне. (М. А. Паткуль. Воспоминания. «Исторический вестник», май 1902.)

Здесь заметим, что помимо скромного стола российского царя, в ответе царя можно обнаружить и нерадивость, а может быть и нечестность, дворцовых чиновников.

Простота, скромность сочетались у Николая Павловича с вежливостью, услужливостью и сердечностью. Как назвать следующий поступок его, когда он, будучи в Ропше (примерно в двадцати километрах от Петергофа) после военных маневров, посетил семью Фредериксов. Когда он прибыл туда, оказалось, что все спят после обеда, и император, не разрешив будить хозяев, стал терпеливо ждать их пробуждения. Но неожиданно в комнату, в которой находился император, вбежала младшая дочурка Фредериксов, которая, увидев государя, поклонилась ему,

а Николай Павлович, улыбнувшись, сказал девочке:

— Извините меня, Мария Петровна, что я не встал, но я так устал, что сил нет. (Из указанных уже ранее воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс.)

Не знаю, к какой черте характера императора отнести следующее повествование уже цитированной нами М. А. Паткуль, о которой при Дворе говорили «*l'enfant chérie de l'impératrice*» и которую любила императрица за сердечность, непосредственность, простоту и вообще за всё, что её отличало от других дам при Дворе. Как-то М. А. Паткуль, будучи в кругу императорской семьи и их приближенных, которые развлекались игрой в карты, и видя, что Николай Павлович не садится за игру, задала вопрос, почему он не принимает участие в карточной игре, и услышала ответ:

— Я велел подать счет своего проигрыша за прежнее время и увидев, что в продолжении года проиграл три тысячи рублей, дал себе слово больше в карты не играть. *Сколь бедным семьям я мог бы этими деньгами прийти на помощь*, что он считает для себя с этих пор игру в карты грехом. (М. А. Паткуль. Воспоминания. «Исторический вестник», май, 1902. Выделено нами. — М. З.)

Или вот еще изумительный случай, поразивший многих петербуржцев. Как-то Николай Павлович, проезжая по Петербургу, встретил бедную похоронную процессию: за санями с простым гробом шла одна лишь старушка. Государь, заинтересовавшись, кого хоронят и узнав, что хоронят отставного солдата, стоявшего на квартире у этой старушки, слез с саней и пошел за гробом, говоря: «*Русскому солдату царь — отец*» (выделено нами. — М. З.).

Скажите, кто из самых обыкновенных людей, не говоря уже о высокопоставленных, откажется играть в карты, чтобы соответствующую сумму направить на помочь бедным семьям; кто пойдет за гробом неизвестного одинокого солдата? Думаю, кроме императора Николая Павловича, никто!

А какое впечатление на жителей столицы произвел поступок царя, идущего за гробом, провожаемым старенькой, бедно одетой женщиной! И что произошло? Прохожие, видя царя, идущего за этим гробом, один за другим стали присоединяться к похоронной процессии покойного солдата и, таким образом, проводили в его последний поход многие сотни жителей. Достойный пример, поучительный для верующих. Не приказом, не принуждением были они собраны на похоронную процессию, а личным примером Государя.

Вообще говоря, мы видим, что сердце Николая Павловича не очерствело от условий царской жизни, от многочисленных и многообразных, часто неотложных государственных дел и забот. Чтобы еще более убедиться в милостивом, сердечном характере императора Николая I, достаточно прочесть трогательную историю, изложенную Д. Роштейном-Смейским в его воспоминаниях, опубликованных «Историческим вестником» (в томе 36-м за 1889 г.). Эту историю пересказать невозможно, нужно прочесть её всю, но надеемся, что только наша ссылка на нее полностью опровергает необоснованное и обычное шельмование «Николая Палкина». Как хотелось бы перед физиономиями этих критиков поставить зеркала, чтобы они увидели в них свое животное нутро.

Приведем случай, доказывающий одновременно доброту, милостивость государя к молодым, начинающим службу, и уважение к заслуженным людям. Как рассказывает С. Л. Ширяев, в 1848 году, потрясшем Европу, в Петербурге стали применять предупредительные меры, в армии стали строже относиться к нарушению дисциплины.

Прапорщик лейб-гвардии Егерского полка Бракель, будучи дежурным по главной в Петербурге вахте, выпустил двух своих товарищей, арестованных за маловажные проступки, погулять по Петербургу, что стало известным по доносу. Началось следствие, в результате которого оба этих офицера были отправлены на Кавказ для службы там, а прапорщика Бракеля посадили в Петропавловскую крепость, из-за чего он пришел в глубокое уныние и даже отчаяние. За ним стали замечать признаки начинающегося сумасшествия. Узнав об этом, генерал-лейтенант Скобелев, дед знаменитого полководца, написал военному министру Чернышеву письмо с просьбой смягчить наказание лейб-егерю и перевести его на обычную гауптвахту. Эту просьбу старый безрукий генерал написал так прочувствованно, что в конце концов это письмо попало к императору, положившему резолюцию: «Старику Скобелеву я ни в чём не откажу. Надеюсь, что после солдатского увещания виновному, из Бракеля выйдет опять хороший офицер. Выпустить и перевести в армейский полк тем же чином» (С. Л. Ширяев. Отец командир. «Исторический вестник», т. 82).

Помимо указанных нами выше качеств Николая Павловича, в данном случае отмечаем также веру императора в человека, как в старого, заслуженного генерала, так и в молодого прапорщика.

Николай Павлович далек от формализма, наоборот, чуткий человек, что видно из случая с княгиней Шаховской, которая разошлась с мужем и жила отдельно от него, что, видимо, князю

весьма было не по душе. Однажды в подвале под кабинетом княгини, её любимой комнате, в которой она проводила большую часть дня, произошел взрыв, не повлекший человеческих жертв, но произведший разрушения, в том числе кабинета, в котором в момент взрыва не было княгини. Указывали на князя, но следствие не могло доказать его виновности, хотя имелись некоторые косвенные данные. Так или иначе, но следственные органы освободили князя от обвинения.

Но суд одно дело, сугубо формальное, существо же, жизненная правда — другое. Николай Павлович решил вмешаться в это дело и, учитывая ряд пакостей князя по отношению к своей бывшей жене, счел своим долгом застраховать княгиню от повторных нападок, с каковой целью перевел князя Шаховского на службу в Кавказский военный округ. Такое решение подсказало государю его чуткое и добре сердце.

Та же чуткость проявлена им в отношении заслуженного, добрейшего человека графа Остен-Сакена, имевшего, однако, вспыльчивый характер. Во время пребывания русской армии в Силистрии граф получил сообщение, будто один офицер снохался с врагом и затевает что-то скверное; почему он, вызвав этого офицера к себе и распалившись, выхватил саблю из ножен и готов был уже нанести ею удар по голове офицера, как вдруг его осенила мысль, что, может быть, офицера оговорили, и он отвел свою горячую руку. И действительно, оказалось, что офицер был невинен.

Но Николай Павлович, узнав об этом случае и зная, видимо, и за собой вспыльчивость, и уважая за многие боевые заслуги графа, приказал во избежание подобного залить его саблю свинцом. (Д.В. Федоров. На царском пути. «Исторический вестник», т. 72, 1898.)

Среди многих положительных качеств Николая Павловича свойственна была ему черта, никем не оспариваемая, справедливости. Приведем иллюстрации сего, сперва касательно наследника-цесаревича Александра Николаевича. Однажды цесаревич, будучи еще мальчиком, ехал со своим дядькой по улицам Петербурга и у Чернышева моста увидел большую толпу и, чтобы выяснить причину, послал дядьку узнать, в чём дело. Но дядька застрял, видимо, не найдя толкового ответа, и цесаревич вышел из саней, чтобы размять ноги, когда повстречался с кантонистом, с которым по какому-то поводу стал ссориться и пустил в ход даже кулаки. Только вернувшийся дядька разнял драчунов и, захватив в сани и кантониста, повернул сани ко дворцу. Отец кантониста, солдат Измайловского лейб-гвардии полка, заметил

ехавшего в царских санях своего сына и переволновался такой неожиданностью. Виновники схватки предстали перед ясные очи императора, который, разобрав дело, наказал цесаревича, а кантонисту, как обиженному, выдал триста рублей. (Е. В. Сухонин. Из воспоминаний измайлова. «Исторический вестник», т. 69, 1896.)

Да, справедливость государя сказывалась во многом и, можно сказать, невзирая на лица. До Синода дошло дело Подымовых, тянувшееся долгие годы, пока не вмешался Николай Павлович. А суть заключалась в том, что два брата Подымовых после смерти отца, получив в наследство каждый свою часть, позже повздорили. Вернее, старший брат, обладая гнусным характером, решил присвоить и долю брата, для чего пустил в ход подкупы и прочие такие нечестные способы и добился согласия местных властей и даже епископа. Одним словом, он так разошелся, что выкинул даже брата с семьей и малыми детьми из дома на улицу.

Но чуткий государь понял положение и решил дело в пользу младшего брата, и Сенат распорядился возвратить имение ему, точнее говоря, детям младшего брата, так как он сам за время всей долголетней сутяги уже скончался. Но одновременно государь решил крепко ударить по волокитчикам и грязным дельцам, вменив следствию определить виновность каждого из гражданских чинов и наложить меру взыскания, причём для того, чтобы было другим неповадно, Николай Павлович повелел Сенату опубликовать указом о поступках виновных по всей империи. Епископ же Орловский, замешанный в этом деле, был перемещен на менее видную кафедру, а губернатор и почти все его служащие были заменены новыми лицами. Малолетних же Подымовых определили в кадетский корпус. (Александр Жемчужников. Подымовское дело. «Русский архив», кн. II, 1881.)

Другой случай касается управления путями сообщения, точнее говоря, управляющего ими Клейнмихеля, которого за энергичную деятельность государь ценил, однако, несмотря на это, государь обошелся на этот раз с ним довольно круто.

А заключалось это дело в следующем: один из курьеров вез казенные деньги и не заметил, как из экипажа выпал чемодан с деньгами. Запоздалые поиски не дали положительных результатов, но через некоторое продолжительное время к Клейнмихелю заявился крестьянин с найденным чемоданом и вручил его управляющему путей сообщения и почты, каковым и был Клейнмихель. Последний из-за своей скверности «наградил» крестьянина лишь десятью рублями. Когда это стало известным госу-

дарю, тот распек Клейнмихеля за неблагодарность и предписал ему из личных средств последнего выдать крестьянину значительную сумму в порядке вознаграждения. Эту сумму называли разные люди различно, но она определено исчислялась тысячами. (Л. В. Эвальд. Рассказы о Николае I. «Исторический вестник», т. 65, 1896.)

С тем же Клейнмихелем произошел другой инцидент в связи с открытием первой большой в России железной дороги Петербург—Москва. Свидетелем был граф Бобринский, находившийся в тот момент в кабинете государя, когда таковой потребовал от Клейнмихеля назвать лиц, которых следует наградить за успешную работу. Но Клейнмихель сказал, что он не может назвать таких лиц, поскольку вся тяжесть руководства постройке и введению в эксплуатацию дороги легла на него самого. Государь, удивленный таким ответом, возразил, что все же и другие достаточно хорошо потрудились, и снова потребовал указать таковых. И, когда Клейнмихель снова отказался указать таковых, государь *приказал* Клейнмихелю представить список награждаемых. (Воспоминания С. М. Загоскина. «Исторический вестник», т. 79, 1900.)

Справедливость в Николае Павловиче сказывалась и тогда, когда он сознавал свою ошибку или свое неправильное суждение, когда он, не ссылаясь на других или на то или иное ведомство, на их руководство, признавал себя ответственным за этот промах, восстановливал истину и, если имелся потерпевший, то лично просил прощения за оказанную несправедливость.

Приведем несколько случаев. Один из них, когда Николай Павлович решил объявить Финляндию на военном положении, что вызвало протест со стороны сенатора К. И. Фишера в форме докладной записки, в которой он доказывал нецелесообразность такой меры. Начав читать записку, государь было разгневался, но, справившись с собой, дочитал её до конца и написал на ней: «Совершенно справедливо» — и, более того, пожаловал Фишеру орден благоверного князя Владимира 2-ой степени.

Другой случай, когда один из флигель-адъютантов Государя граф О. был оклеветан и его лишили этого звания. Но когда выяснилась истина, Николай Павлович, собрав всех министров и свою свиту, извинился перед графом и при всех расцеловал его, а также вернул ему звание флигель-адъютанта. (М. А. Паткуль. Воспоминания. «Исторический вестник», январь 1902.)

Всем известно дело Петрашевского, когда были арестованы многие и среди них капитан лейб-гвардии Егерского полка П. С. Львов. Но позже выяснилась ошибка — заговорщиком был Львов, но не этот, а офицер Финляндского полка. Вскоре на Царицыном

лугу (позже — Марсово поле) происходил парад шестидесятитысячных войск, в числе которых были и лейб-егеря. Когда лейб-егеря проходили мимо Государя, последний увидев парадировавшего во главе дивизиона егерей П. С. Львова, вдруг скомандовал: «Парад, стой!» И тут же подскакав ко Львову, обратился к нему со словами:

— Львов, по несчастной ошибке, ты несправедливо и совершенно невинно пострадал. Я искренне прошу тебя великодушно простить меня! Бога ради, забудь всё случившееся с тобой и обними меня («Исторический вестник», т. 36, 1889).

Как мы видим, Николай Павлович, не стеснялся извиняться при всём честном народе за ошибки других и всю вину брал на себя. Многие ли из высокопоставленных людей способны на это?!

Еще один случай из военной жизни. На маневрах гвардейского корпуса Николай Павлович решил произвести неожиданный маневр и с этой целью послал флигель-адъютанта с приказанием к начальнику второй кавалерийской дивизии генералу Пенхержевскому. Однако флигель-адъютант Радзивилл неправильно передал приказание императора и задуманный было маневр сорвался, за что Николай Павлович разнес начальника дивизии, как не умеющего водить дивизию, но когда Радзивилл заявил себя виновником неправильных действий дивизии, Государь, собрав всех начальников частей, выступил перед ними:

— Я вас собрал, господа, чтобы честно исполнить долг справедливости. Меня называют великим человеком и ставят на какой-то пьедестал, но сам я сознаю, что часто впадаю в провинности и не всегда сдерживаю свою горячность; в детстве мало исправляли мой характер. Под первым впечатлением я иногда бываю несправедлив: таким я был вчера с одним из уважаемых мною офицеров. Пенхержевский, подойди сюда! Вчера я тебя оскорбил публично и при всех приношу извинение. Прощаешь ли меня?

А затем, обращаясь к флигель-адъютанту, неожиданно стал благодарить его:

— Благодарю тебя за доставленный мне случай покаяться в грехах и отдать должное моему уважаемому начальнику дивизии. (А. Я. Бутковская. Воспоминания. «Исторический вестник», декабрь 1884.)

Думаем, что такое покаяние редко можно услышать от высокопоставленного лица, а тем более от Государя, да притом публично.

И не только на словах он ценил и уважал того или иного

начальника, нет, он умел быть уважающим других и часто с необычайной теплотой.

В 1849 году после Венгерской кампании Николай Павлович прибыл в коляске вместе с Паскевичем к кадетскому лагерю в Петергофе, где уже были построены кадеты петербургских корпусов. Выйдя из коляски, встал перед фронтом построения и, обнажив свою шашку, император скомандовал: «На караул!». Затем, как положено для встречи старшего начальника, подошел к Паскевичу и, опустив шашку, отрапортовал ему. (Н. А. Крылов. Кадеты сороковых годов. «Исторический вестник», т. 85, 1901.)

Подобное характерно Петру Великому и никому более.

Но что такое справедливость? Она имеет двоякое значение: во-первых, исходя из своего внутреннего закона, а во-вторых, в соответствии с существующими законами данной страны, в соответствии с государственным законодательством. Не говоря уже о Людовике XVI, считавшим себя и только себя законом, и сейчас многие главы государств грешат, считая себя выше закона, что к ним закон-де не относится. Не так на свою роль, свое право, на соотношение закона и царской власти смотрел император Николай I. Вот пример, указанный Я. И. Костенецким.

Одна дама обратилась к императору с прошением в связи с отнятием родственниками мужа, конотопского помещика, его части наследства. Заметим, что дело осложнилось тем, что ряд судебных инстанций приговорил не в пользу просителя. Николай Павлович глубоко задумался над решением этого вопроса и на утверждение дамы, что-де царь всё может, может и приказать решить дело в её пользу, возразил:

— Это правда, сударыня, что одно мое слово может всё сделать. Но есть такие дела, которых я не хочу решать по своему произволу, — а обязан решать по закону! (Я. И. Костенецкий. Рассказы о Николае I. «Исторический вестник», т. 12, 1883.)

Николай Павлович ценил добросовестных людей и всячески выражал свое им уважение, о чем можем судить из некоторых уже приведенных фактов, хотя бы из случая с Паскевичем. Но к тому же мы присоединим свидетельство С. М. Загоскина, который, отмечая сокращение семейного бюджета со смертью отца, писателя исторических романов, рассказывает: «Многие близкие знакомые советовали ей (его матери, вдове. — М. З.) обратиться к государю с ходатайством о назначении усиленной пенсии, но матушка и слышать не хотела, следуя в этом случае правилу отца — никогда не утруждать правительство просьбами о денежном пособии, а также вследствие её собственного убеждения, что Ни-

колай Павлович, если захочет, то и сам назначит вдове русского писателя пенсию в большем размере. Убеждение это в скором времени оправдалось на деле: в феврале ей была пожалована, по высочайшему повелению, пенсия в тысячу рублей серебром» (С. М. Загоскин. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 79, 1900).

Мы обращаем внимание читателей на два обстоятельства: во-первых, что в народе жило убеждение о том, что Николай Павлович не забывает заслуги перед страной, и, во-вторых, что Государь вовсе не был обязан помогать писателям, но что он это делает по своей доброте и чувству благодарности.

Восстание декабристов показало, что они, декабристы, вовсе не представляли народ, а наоборот, были оторваны от народа. Они хотели воцарить не Николая Павловича, а угодного им своей бесхарактерностью Константина Павловича, но народ любил Николая Павловича, народ знал его справедливость, а для русского человека справедливость — главное. Мне самому пришлось в этом убедиться, когда я служил офицером, на примере отношения солдат к своим офицерам. За справедливым офицером они шли, как говорится, в огонь и воду. Что же касается Николая Павловича, то народ видел в нем настоящего *русского царя*. И, как показывает С. С. Окрейц в своих воспоминаниях, «наши сановники щеголяют своей храбростью, правильней сказать неосторожностью. То время далеко и невозвратимо, когда я встречал на улицах Петербурга покойного государя Николая Павловича, шествующим в одиночку по панелям, залитым народом». И этот факт так же доказательство сродства Николая Павловича с народом.

И, действительно, этому много свидетельств, так, например, как повествует князь Николай Имеретинский, когда император присутствовал при строевых учениях пажей и когда один из пажей плохо выполнил приемы и командир роты Жирардот сделал внушение этому пажу, но на французском языке, Николай Павлович заметил: «Полковник Жирардот, во фронте все мы русские!» (Кн. Николай Имеретинский. Пажеский корпус. «Русский вестник», т. 191, 1887).

Из всех предыдущих наших материалов немало можно увидеть ту же русскость Николая Павловича, действительно он был русский человек, любил русский народ и Россию. Даже в литературе эта русскость его запечатлена. Вспомним Лескова и его «Блоху». Так, в конце IV главы, где император Николай I говорит атаману Платову по поводу английской стальной блохи:

«А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту нимфозорию, и пусть они о ней подумают. Скажи им от меня, что брат мой (Александр I. — М. З.) этой вещи удивлялся и чужих людей, которые делали нимфозорию, больше всех хвалил, а я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают...» А далее в конце XI главы, когда Платов обратно привез блоху и сказал государю, что тульские мастера в том же виде её вернули, ничего не сделали, то император, не веря тому, сказал:

— Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделали...»

Лесков — народный писатель и он-то душу русского человека знает не хуже своей души, и потому отношение Николая Павловича к русскому человеку обрисовал в соответствии с действительностью на фоне преклонения его брата перед иностранцами. Таковы образы двух братьев в сознании народном. Да и сам Николай Павлович говорил:

«Русские — добрый народ, но надо суметь быть достойным, чтобы управлять таким народом».

Сколько чувств в этой короткой фразе, сколько любви и какая высокая требовательность к управителю, к себе.

Баронесса М. П. Фредерикс в своих воспоминаниях подтверждает любовное отношение к русскому народу и, вместе с тем, отмечает не только чувственное это отношение, но и реальное представление о нашем народе: «...Действительно, Николай Павлович был строг в своих воззрениях, но нельзя не отдать ему справедливости, что он глубоко изучил и любил свой народ; он знал по опыту, что внезапное насильственное развитие не может вдруг проникнуть и утвердиться, а останется одним призраком того, что бы должно быть. Он знал, что народ его слишком молод и неопытен, чтоб быть предоставленным самому себе и ходить без помохей; он знал, что развитие и образование еще далеко не проникли не только в низший слой братии, о том и говорить нечего, а что в интеллигентном кругу они только поверхностны, и что развитие и образование только тогда могут распространяться, когда они утвердятся правильно в высшем сословии, из которого они, безусловно, должны истекать, служа примером простолюдину. Он знал, что, по нраву русского человека, строгость для него полезнее распущенности, которая к добру не ведет» (выделено нами. — М. З.).

Простите, читатели, за мою сентенцию, которую я не могу удержать при себе: сколь в приведенной цитате разумного, расчетанного далеко вперед, — мы узнали, как говорится, на своей

шкере. (Цитата из «Воспоминаний» М. Л. Фредерикс. «Исторический вестник», т. 71, 1898.)

Из «Записок» И. Д. Якушкина видно, что в противоположность Николаю I его брат Александр пренебрежительно относился к русским и всему русскому. На похвалы Веллингтона об устройстве русских войск во всеуслышание ответил, что этим он обязан иностранцам, служащим у него. А графу Ожеровскому Александр I сказал, что каждый русский или плут или дурак. (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1, Госиздат, 1951.)

Император Николай I реально смотрел не только в отношении своего народа, но и в отношении также иностранцев. Вот, что сказал он французскому дипломату Кюсси:

— Среди путешественников попадаются такие, которые приезжают к нам, чтобы лучше заставить верить истине своих публикаций, говоря «я сам видел». Поверьте мне, Кюсси, что они часто плохо видят или нарочно худо говорят, зная, что критика и скандал, к несчастью, имеют для читателя более привлекательности, чем одна истина. (Из воспоминаний кавалера Кюсси. «Исторический вестник», т. 68, 1909.)

Не витал, как это делал его брат Александр, в облаках Николай Павлович, он на всякое дело смотрел реально. Одна аристократка, основываясь на опыте древних монастырей, обратилась однажды к императору Николаю I с просьбой разрешить построить около существующего мужского монастыря женский. И что же ответил на это Николай Павлович?

— Согласен, только с условием: посередине постройте воспитательный дом.

Реализм Николая Павловича дополнялся деловитостью, что видно уж из предыдущего нашего материала, но мы всё же дадим еще тому примеры.

В изданных записках графа Мариоля находим:

«Чрезвычайно деятельный, любитель путешествовать, он уделяет сну лишь самое необходимое время и, покончив с текущими делами, сидит в своем кабинете до поздней ночи, ища знаний для себя.

Оттого все отрасли управления, которые доведены были императором до неслыханного совершенства. Таковы в особенности инженерная часть, начальником которой он состоит. Говорят, что он любит во всё вникать и обнаруживает большую ловкость в достижении своих целей» (Записки графа Мариоля. «Исторический вестник», т. 67, 1896).

Примечание: начальником инженерной части Николай Павлович был уже в бытность его великим князем.

Как мы уже отметили, Николай Павлович интересовался техникой, и в частности военной, и ему, видимо, следует приписать введение в России так называемых конгревовых ракет. Так названы ракеты по имени английского генерала Конгрева, введшего усовершенствованные им в 1806 г. индийские ракеты. Но до того индийские ракеты были усовершенствованы датчанином Шумахером, а затем и другими, в том числе и в конце концов Конгревом. В результате в Англии были введены ракеты, характерные незначительной начальной скоростью и продолжительным действием движущей силы, с несколькими соплами для выхода газов.

Предположение, указанное нами выше, основывается на том, что Николай Павлович в 1817 году совершил поездку по Англии, где его сопровождал генерал Конгрев, и что в том же году эти ракеты были введены в России. (По данным «Военного сборника» № 11, ноябрь 1916 г.)

Известен факт решения сложнейшего вопроса о выборе варианта железной дороги Петербург—Москва, позже названной его именем, когда, рассмотрев варианты (среди которых был путь и через Новгород), Николай Павлович, взяв линейку, провел прямую линию между этими городами. Мне пришлось дважды составлять проект железной дороги, первый раз как курсовой проект студента технического института, и я ясно представляю разумность такого решения как в строительном, так, в особенностях, эксплуатационном отношении, когда каждая лишняя верста удорожает расходы на тягу, износ подвижного состава, на содержание пути и вообще на так называемые коммерческие расходы.

Добавим, что решение императора было реализовано, лишь на семь верст фактическая линия удлинилась, по сравнению с идеально прямой линией, что уже само по себе изумительное событие.

Приведем еще пример, когда Николай Павлович посетил строящуюся в Бобруйске крепость, где предполагалось построить трехэтажную башню. Были разработаны два проекта, причем назначенный на её строительство инженер-поручик Жерве, по ознакомлении с ними, заявил об их нецелесообразности и недоброкачественности. Однако начальствующие лица, в особенности начальник инженерного округа, он же автор одного из проектов, Опперман, настаивал на своем и настоял. Но когда стали возводить башню без выкладки фундамента под всей её площадью и начали выкладывать уже второй этаж, появились трещины. При-

ехавший Государь воздал должное предусмотрительности поручика и приказал перестраивать башню по проекту последнего. Затем Государь предложил в одном месте возвести валовые ограждения, с чем не пожелал согласиться тот же поручик. Долго спорили Государь и поручик инженерных войск, защищая каждый свое предложение и когда император провел на плане крепости линию вала на болотном грунте, поручик в пылу спора выхватил из рук Государя карандаш и намеревался начертить свое, как вдруг, поняв свою дерзость и нетактичность, осталбенел и вся многочисленная свита ахнула и оставалась так, разинув рты. Но Николай Павлович, заметив на лице поручика смущение, сказал:

— Ничего, ничего, продолжай!

И поручик, успокоившись, привел все свои доводы, с которыми Государь в конце концов согласился, и тут же приказал строить по указаниям поручика. И закончив беседу, сказал:

— Спасибо, научил. Смел, но прав.

В тех же воспоминаниях Жерве оценивает вообще способность Николая Павловича воспринимать взгляды других и дружественно относиться к работягам. Приведем дословно следующий отрывок:

«Для нас, инженеров, вообще всякий приказ Государя всегда был праздником... Если и случались иногда какие-нибудь ошибки или же промахи, мы никогда не скрывали их от Государя, а сами их показывали, объясняя, отчего они произошли и как думаем их исправить. И всегда государь оставался доволен, всегда у нас на работах был весел, с дистанционными офицерами обходился совершенно благосклонно, изъявляя свое удовольствие прямо на месте, лаская, целуя нас. Очень часто, долго гуляя под руку с дистанционными офицерами, он передавал свои мысли, но не сердился, если высказывали свое мнение. Такое обхождение Государя в присутствии массы народа и всех начальствующих лиц было триумфом для каждого из нас и было поразительно, что Иван Никитич Скобелев, раз после подобной милости Государя, заехавший ко мне утром, смеясь даже спросил меня, не сродни ли я Государю» (Воспоминания Жерве. «Исторический вестник», т. 73, 1898).

Сколько в этих записках отмечено чудных черт Николая Павловича! Это ли образ «Николая Палкина»? Только приведенное поручиком Жерве до конца уничтожает клевету на российского исполнителя.

Но не только в государственных делах император Николай I выказывал свои способности и сообразительность, вообще талантливость, но и в области культуры, что будет видно из его

оценок литературных и драматических произведений, о чём мы поведем речь в другой главе. Приведем здесь примеры, из которых первый показывает его восприимчивость к иностранным языкам. Мы уже не говорим, что он знал в совершенстве немецкий и французский языки, но и прочие ему давались легко. Французский дипломат Кюсси показывает, что когда августейшая чета находилась в Палермо, на вопрос императрицы, обращенный к своему супругу — не желает ли он видеть Кюсси, Николай Павлович ответил:

— *Si signora, con multa piacera!** (Из воспоминаний кавалера Кюсси. «Исторический вестник», т. 68, 1896).

Другой пример из театрального искусства и также засвидетельствованный иностранцем, а именно Де-Сво, — о том, как он и два великих князя, в том числе и Николай Павлович, разыгрывали сцену из «Вертера». Один из великих князей играл роль Шарлотты, другой Альберта, причем говорили без супфлера, напамять. Разве всё это похоже на образ «солдафона», какой навязывают народу социалисты и их прихвостни? (И. Я. К истории французского театра в России. «Исторический вестник», т. 70, 1897.)

Как известно, многие, начиная с бабушки, называли Николая Павловича рыцарем. Благородство, уважение мнения других, желание помочь людям и, конечно, самообладание, решительность, смелость в критических случаях и многое другое отличают Государя-рыцаря.

Граф Бенкendorф приводит два случая, показывающих самообладание и смелость Государя. В одну из поездок по России для инспектирования Государь, выехав из Тулы на перекладных пошевнях, попал в беду — лошади испугались приветственных криков населения и понесли под гору всё сильней и сильней, а возница растерялся и бросил вожжи; но не растерялся император: вскочил на облучок, подхватил вожжи и удержал коней.

Второй случай касается армейской жизни. В 1835 году, готовя к смотру перед прусским королем корпус русского войска, император Николай I приказал конно-мусульманскому полку провести встречный бой. Мусульмане разделились на две партии, чтобы атаковать друг друга, и их горячий темперамент чуть не привел к большой крови. Они настолько разгорячились, что Николай I приказал прекратить бой и всем собраться вокруг их знамени, находившегося в центре одной партии. Но противоположная партия поняла это приказание как захват знамени и она атаковала

* По-русски: «Да, госпожа, с большим удовольствием!»

противную партию с таким азартом, что вокруг знамени засверкали сабли и сшибли, но без крови, знаменщика, а тот и его товарищи стали всерьез отбиваться и защищать знамя. Тут даже был кое-кто ранен. Видя эту слишком горячую схватку, император бросился в группу сражавшихся и с большим трудом прекратил побоище.

(Оба примера — из «Записок гр. Бенкендорфа», «Исторический вестник», январь 1903.)

В таких случаях другой император приказал бы лишь через посланного в свалку своего адъютанта прекратить побоище, но ни в коем случае не бросился бы сам в толпу разгоряченных мусульман.

Разумеется, нет такого человека, у которого не было бы родимых пятен, что относится и к императору Николаю I, — вспомним хотя бы его вспыльчивый характер, перенятый в ослабленной степени от отца. Но эта его слабость проявлялась при безобразиях и несправедливых проступках служащих. Баронесса Фредерикс утверждает, что обаяние Николая Павловича было явным и большим, что он был любезен, добр и справедлив. И далее: «При всем этом нельзя не сказать, чтобы быть вполне справедливой, что он был весьма вспыльчив и если чем оставался недовольным или замечал какую-нибудь грязную неправду, или какой-нибудь другой проступок — его строгости не было границ, но всё-таки, если прогневовавший его мог оправдаться, или просто даже сказать: «Виноват, Ваше Величество», то он был сам счастлив и сейчас же смягчался» (Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. «Исторический вестник», т. 71, 1898).

Большую работу над собой проделал Николай Павлович, получив от своего отца неблагодарное наследство: непостоянство, изменчивость и даже дикость. Как можно иначе назвать приказ Павла I, объявлявший выговор уже умершему тогда генералу Врангелью??!

Мы знаем, что незабываемый образ печального героя Сервантеса вечного рыцаря Дон Кихота показан со всеми положительными чертами, положительными до утрировки, но и этот рыцарь оказывался порой вспыльчивым, и надо удивляться, что Николай Павлович, получив отцовское наследство, сумел взять себя в руки и выработать удивительно симпатичный и богатый добродетелями характер.

Я. И. Костенецкий рассказывает о горе окружающих при известии о неожиданной смерти Николая Павловича. Он тогда ехал из Москвы в Малороссию и наблюдал, с каким искренним горем и отчаянием восприняли на его пути печальную весть лю-

ди разных социальных слоев и положений. (Я. И. Костенецкий. Рассказы о Николае I. «Исторический вестник», т. 72, 1883.)

А измайловца Е. В. Сухонина печальное известие застигло в походе полка и, как он пишет, «панихида была торжественная. Офицеры и солдаты молились на коленях и громко плакали».

Наконец, как много показывает нам завещание Николая Павловича, говорившего своим сыновьям:

— Служите России. Мне хотелось принять на себя всё трудное, оставив царство мирное, устроенное, счастливое. Провидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России я вас любил более всего на свете.

Какой большой христианин, какой великий император, какой истый сын России!

Да и умер он, как показывает А. Ф. Тютчева, присутствовавшая при кончине императора, как христианин: «При виде этой смерти, стойкой, благочестивой, можно думать было, что император давно предвидел её и к ней готовился» (П. Тальберг. Кончина императора).

И еще отличие Николая Павловича от своего старшего брата, который, как сказал Меттерних, «маршировал от одной религии к другой». Николай же Павлович, как мы уже заметили, был глубоко верующим человеком. Пушкин говорил А. О. Смирновой о царской семье: «Я много раз наблюдал за царской семьей, присутствуя на службе; мне казалось, что только они и молились». Е. Н. Львова в своих воспоминаниях пишет о Николае Павловиче: «Он говорил, что когда он у обедни, то он решительно стоит перед Богом и ни о чём земном не думает».

И. П. Бибиков следующими словами охарактеризовал императора Николая I: «Он любит Россию, он желает всей душой её благоденствия; всеми силами старается водворить в ней порядок, искоренить злоупотребления. Виноват ли он, если желая всему положить прочный фундамент, требует гранита, а ему подают гнилой кирпич» (Воспоминания Е. И. Раевской. «Исторический вестник», т. 74, 1898). Поясним, что автор — урожденная Бибикова, почему её слова заслуживают полного доверия.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Н. К. Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царствование. Т. 1.
2. П. Е. Щеголев. Император Николай I. «Исторический вестник», июнь 1903.
3. Воспоминания Е. И. Раевской. «Исторический вестник», т. 74, 1898.
4. П. В. Митурич. Воспоминания. «Исторический вестник», сентябрь 1888.
5. И. Р. Тимченко-Рубан. Из воспоминаний. «Исторический вестник», т. 40, 1890.
6. Кн. Николай Имеретинский. Пажеский корпус. «Русский вестник», т. 191, 1887.
7. Ив. Захарьин. Дружба Жуковского с Перовским. «Вестник Европы», апрель 1901.
8. М. П. Фредерикс. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 71, 1898.
9. Е. В. Сухонин. Из воспоминаний измайлова. «Исторический вестник», т. 69, 1897.
10. И. Я. К истории французского театра в России. «Исторический вестник», т. 70, 1897.
11. М. А. Паткуль. Воспоминания. «Исторический вестник», май 1902.
12. Д. Роштейн-Смейский. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 36, 1889.
13. С. Л. Ширяев. Отец командир. «Исторический вестник», т. 82.
14. Д. В. Федоров. На царском пути. «Исторический вестник», т. 72, 1898.
15. Александр Жемчужников. Подымовское дело. «Русский архив», кн. II, 1881.
16. Л. В. Эвалд. Рассказы Николае I. «Исторический вестник», т. 65, 1896.
17. Воспоминания С. М. Загоскина. «Исторический вестник», т. 79, 1900.
18. М. А. Паткуль. Воспоминания. «Исторический вестник», январь 1902.
19. «Исторический вестник», т. 36, 1889.
20. А. Я. Бутковская. Воспоминания. «Исторический вестник», декабрь 1884.
21. Н. А. Крылов. Кадеты сороковых годов. «Исторический вестник», декабрь 1884.
22. Я. И. Костенецкий. Рассказы о Николае I. «Исторический вестник», т. 12, 1883.
23. С. С. Окрец. Воспоминания.
24. Н. Лесков. Блоха.
25. Записки И. Д. Якушкина. «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. Госиздат, 1951.
26. Из воспоминаний кавалера Кюсси. «Исторический вестник», т. 68, 1896.
27. Записки графа Мориоля. «Исторический вестник», т. 67, 1896.
28. Воспоминания Жерве. «Исторический вестник», т. 73, 1898.
29. Записки гр. Бенкендорфа. «Исторический вестник», т. 91, 1903.
30. Е. В. Сухонин. Из воспоминаний измайлова. «Исторический вестник», т. 68, 1896.
31. Н. Тальберг. Кончина императора.
32. Бар. М. Корф. Материалы и черты к биографии императора Николая I. Сборник Императорского Исторического общества. Т. 98.
33. «Военный сборник», № 11, ноябрь 1916.



Император Николай I со свитой

Глава 2

14 ДЕКАБРЯ И НИКОЛАЙ I

Воцарение Николая I связано непосредственным образом с восстанием декабристов на Сенатской площади. Таким образом его деятельность началась так, как ему вовсе не хотелось, не с мирной жизни, не с обнадеживающего манифеста, а с подавления восстания. Далее мы покажем, что произошло и как было ликвидировано оно, но прежде вкратце осветим предысторию, начиная с вопроса о престолонаследии и с состояния русского общества к тому моменту.

Александр Павлович в последнее десятилетие своего царствования почувствовал физическую, но, главное, душевную усталость. Он уже не правил Россией, ею правил Аракчеев и местные чиновные люди.

Граф Мариоль, воспитатель сына великого князя Константина Павловича, в своих «Записках» пишет:

«Склонный к лени Александр окружил себя людьми, которые в полученной ими власти видели только возможность произвола и обогащения. ...образовалась целая цепь взяточничества... Учреждения, имевшие целью наблюдать за общественным благосостоянием, мало-помалу приходили в упадок, и величие России, заложенное Петром Великим и так блестательно поддерживающееся Екатериной, остановилось в своем развитии. Для императора существовал только один Петербург с его увеселениями. Там он только и делал, что занимался мелкими любовными интригами и пускался в такие похождения, которым только можно было изумляться... и не брезговал французскими актрисами. С другой стороны, у него была любовница, прекрасная Нарышкина... Он большею частью жил у нее и лишь изредка выступал в роли Государя. Вкус к этому он сохранил до самой смерти, несмотря на грандиозные события... После Венского конгресса Александр впал в бездействие, которое было совершенно неуместно в его положении... он не хотел заняться внутренним устройством своей империи, где царил полный беспорядок» (Записки графа Мариоля. «Исторический вестник», т. 67, 1896).

Там же Мариоль пишет: «Я не буду входить в подробности, которые обнаружились при следствии, скажу только, что император Александр знал о готовящемся заговоре... После того, как события разыгрались в Петербурге, великий князь Константин признался мне, что знал о заговоре, о котором ему уже давно сообщал его брат».

И далее, обращаясь к Николаю Павловичу, Мариоль пишет: «Не прояви юный Государь хладнокровия и мужества, императорская фамилия была бы перебита...»

Другой иностранец, фон Штейн, таким же образом констатирует положение: «...насколько тяжело было наследие, перешедшее к нему (Николаю I. — М. З.) от императора Александра Павловича, благодаря многочисленным злоупотреблениям и политическим ошибкам, допущенным в предшествующее царствование» (Иностранцы о России. Первое пятилетие царствования Николая Павловича. «Исторический вестник», т. 68).

Спрашивается: какая же несправедливость — всю эту неустроенность, всю эту распущенность, а вместе с тем и бюрократизм, валить с большой головы на здоровую, с головы Александра I на голову Николая I. Об этом же говорит и вышеприведенный наблюдатель: «...однако же, друзья и враги, почитатели и хулители царствования (Николая I. — М. З.) нагромоздили ряд легенд, которые совершенно затемняют историческую действительность!»

В. А. Тимирязев в свою очередь утверждает то же самое, что император Александр I знал о заговоре и что он на докладе Васильчикова с представляемым списком заговорщиков сказал: «Любезный Васильчиков, вы служите мне с начала моего царствования и знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения. Не мне карать» (Император Александр I и его эпоха. «Исторический вестник», т. 74, 1898).

Он, видите ли, император Александр I, «поощрял иллюзии и заблуждения» и не считал возможным для себя карать заговорщиков, иначе говоря, всю ответственность за разрешение этого кризиса возложил на брата, предоставив ему необходимость расхлебывать заговор и карать заговорщиков, иначе говоря — всю неблагодарность, всю возможную критику, и даже «виновность», взвалил на брата. Добавим, что император Александр заблуждался во многом, в частности он был масоном, правда с мистическим настроением.

А, надо заметить, о заговоре знал не только сам император Александр I, но и его правая, да, скажем, и левая, рука — временщик Аракчеев.

Цитированный нами фон Штейн так констатирует положение, к которому привел Россию Александр I к своей кончине:

«Таким образом, когда Россия безвременно лишилась Государя, политические роли оказались распределенными столь неблагополучно, как только возможно, и в виду наличности взрывчатого элемента было бы удивительно, если бы переход к но-

вому строю и новой системе управления совершился бы без потрясений...»

Заметим себе эту многозначительную формулировку: она определяет всё следующее царствование, его судьбу, его предопределение. А кстати, заметим: причина смерти Александра I (или его ухода в неизвестность) не были ли следствием ложных мечтаний, а затем разочарований его и внутреннего суда его совести?

Интересен вопрос о той или иной причастности вел. кн. Александра Павловича к убийству его отца императора Павла I. Александр, конечно, понимал непригодность отца к российскому скопетру, его жестокость и несправедливость, его неуравновешенность и другие явные недостатки, а кроме того, он учитывал и намерения отца. Дело в том, что Павел I вызывал в Россию тринадцатилетнего племянника Марии Федоровны, принца Евгения Вюртембергского и намеревался его усыновить. И при Дворе говорили, что император хочет этого принца объявить наследником. В то же время Павел I всё более оттеснял своего старшего сына Александра и, как-то заметив у последнего трагедию Вольтера «Брут», показал сыну указ Петра I об Алексее Петровиче, намекая тем на судьбу последнего и возможность передачи престола другому лицу.

Штейн говорил о неизбежности внутренних потрясений, и, как всем известно, они произошли поэтому, да и к тому же не только поэтому, а также из-за неясности положения с престолонаследием. Опять ответственным за хаос в этом был тот же Александр I. Впрочем, к этому руку приложил и другой братец, Константин, считавшийся цесаревичем. Да, действительно, все братья переблагородничали. Впрочем, тот же грех случился и в наше время, в последнее царствование, когда, во-первых, император Николай II, отрекшись за себя, отрекся и за сына, чем погрешил и перед династией и перед страной, и передал корону брату Михаилу, а тот, не считаясь с кризисным положением, с судьбой России, в свою очередь отказался от престола. Так семейные отношения и семейные реминисценции превалировали над ответственностью за судьбу государства, судьбу России.

Когда император Александр I, как рассказывает фон Штейн, получив заявление от цесаревича Константина Павловича, еще задолго до описываемого кризиса, об отречении от наследования престола, то он внял просьбе третьего заинтересованного лица, а именно брата Николая, не опубликовывать тотчас же это отречение, а оставить его в завещании. При этом Николай Павлович руководствовался законом о престолонаследии, по которому на-

следником является старший брат, то есть Константин, полагая, что заявление брата Константина — лишь временное настроение. Таким образом Николай Павлович не был объявлен наследником престола.

Впрочем, этот момент весьма важный и, пожалуй, на нем следует нам остановиться с большим вниманием. Барон Корф приводит в своей книге весьма интересный эпизод, относящийся к лету 1819 года. А он произошел в красносельском лагере, где производились учения гвардейской бригады, которой командовал великий князь Николай Павлович. Император Александр I, наблюдал учение, очень хвалил своего брата за хорошую подготовленность его бригады. И это настроение сохранил и во время обеда, когда он остался в семейном кругу своего брата. Подчеркнув еще раз умелое управление братом войсками, он перевел разговор в иную плоскость, более серьезную для страны и империи. И разговор между двумя братьями, в присутствии супруги младшего брата вел. кн. Александры Федоровны, стал историческим. Указывая на их семейное счастье и появление на свет у четы сына, император с сожалением говорил об отсутствии у него вследствие ранней связи, как и у их брата Константина, законных детей, могущих стать наследниками. Тут же Александр Павлович, сославшись на отвращение Константина к престолу, заявил, что оба старших брата видят в семейном счастье Николая Божью благодать, Божью руку, указующую на вручение ему престола.

А когда император увидел удручающее впечатление, произведенное сказанным на родную ему чету, он постарался смягчить свои слова:

— Время перемены, которая вас устрашила, еще не наступило; до него, быть может, пройдет еще десять лет, а моя цель теперь была только та, чтобы вы заблаговременно приучали себя к мысли о непреложно и неизбежно ожидающем вас будущем. (Бар. Корф. Восшествие на престол императора Николая I. СПБ. 1857.)

Тот же эпизод передает в своей книге на немецком языке А. Ф. Гримм, воспитатель младших сыновей Николая Павловича, в следующей редакции:

— Бог благословил ваш брак. А в сыне, которого Он вам даровал, я вижу знамение, что Он назначил вас и ваше потомство для сохранения трона и государства. (А. Ф. Гримм. Русская императрица Александра Федоровна. Лейпциг, 1866.)

Но Николай Павлович заявление старшего брата воспринял лишь как результат случайного настроения, и когда принц прусский Вильгельм несколько позже стал поздравлять сестру и зятя с

высоким будущим, Николай Павлович не пожелал принять это поздравление, как невозможное.

Но оказалось, что в Сенате и в московском Успенском соборе хранились экземпляры двух документов: отречения Константина и передачи престола Николаю. Документы находились в запечатанном пакете, на котором имелась надпись Государя с требованием о немедленном вскрытии и опубликовании документов по получении известия о его смерти.

Но и тут вмешался еще один путаник — командующий гвардией и петербургский генерал-губернатор Милорадович, который обманул Сенат, сказав, что Николай Павлович уже принял присягу Константину, чего на самом деле в тот момент еще не было. И Милорадович потребовал от Сената «также» принять присягу Константину. Таким образом Сенат вместо того, чтобы исполнить завещание Александра Павловича и вскрыть имеющийся у него пакет, послушался путаника и присягнул Константину. А московский митрополит, когда до него дошли слухи, что Петербург присягнул Константину, также оставил без внимания завещание покойного Государя.

Примечательно еще одно, именно: когда Милорадович настаивал перед Сенатом о присяге Константину, то Николай Павлович сказал ему, что он слышал от своей матушки, будто в Сенате и в Успенском соборе имеется завещание его царственного брата, и после энергичных возражений Милорадовича согласился не настаивать на вскрытии сейчас же этого завещания и сам принял присягу Константину. И тут же послал курьера в Варшаву, в резиденцию Константина, с письмом, в котором требовал немедленного его приезда в Петербург. Но брат не посчитал необходимым объявить официально о своем отречении, данном уже давно, а прислал брату Николаю ответное частное письмо, в котором он сообщал о сохранении им своей прежней позиции.

Получилась обычная русская путаница: Николай Павлович не считал себя вправе принять какие-то меры, и лишь когда депутация, направленная к Константину Павловичу Милорадовичем, вернулась с подтверждением отказа и с указанием присяги Константина брату Николаю, то последний вынужден был взять судьбу страны в свои руки.

Но во всей этой истории выглядит странным поведение Милорадовича, его активная роль и настойчивая попытка воцарить Константина. Николай Гурьев, брат графини Нессельроде, назвал Милорадовича «безответственным полишинелем». А его сестра, графиня, в письме к брату так характеризует кандидата Милорадовича Константина Павловича: «...из-за чего с ним носятся?

Я утверждаю, что просто так зря. Целых двенадцать лет Константин жил вдали Двора, а теперь жаждут его возвращения потому, что уверяют будто он изменился к лучшему. Я же твердо уверена, что он остался прежним, и трепещу перед мыслью, что он не устоит перед сладким искушением взойти на престол. Не говоря уже о том, что вся личность цесаревича сулит огромные затруднения, достаточно только вспомнить о княгине Лович и её беспутном антураже. Именно те люди, которые жаждут воцарения цесаревича, будут потом проливать из-за него кровавые слезы».

Нелестные отзывы о цесаревиче дают и другие современники и, в частности, касательно его сомнительного поведения при польском восстании, о чём подробнее мы скажем в другой главе. А в общем Константин Павлович представлял собою фронтовика-солдафона. Но почему же, зная эти качества Константина, Милорадович так тянул его на престол? Нам представляется тому причиной распущенность гвардии и боязнь неминуемой ответственности за это перед Николаем Павловичем, как только тот воцарится. Цесаревича же Милорадович надеялся оседлать и отвлечь от главного. Милорадович знал, что Николай Павлович видел в гвардии лишь кутил, отвратившихся от службы, и не мог видеть в гвардейских офицерах действительных офицеров, которые, в свою очередь, боялись по воцарении Николая Павловича потерять свою вольность. А их распущенность доходила до того, что они являлись на строевое учение своих подразделений во фраках.

Ответственность же за эту распущенность, конечно, нес командующий гвардией, то есть Милорадович. Интересны факты, приведенные Р. М. Зотовым, ополченцем Отечественной войны, а затем служащим Театрального управления, каковое было одно время под президентством Милорадовича. Зотов же был докладчиком перед Милорадовичем по делам Театрального управления, почему его сообщения весьма достоверны. Он кое-что из рассказанного слышал сам из уст своего президента.

Как повествует он, 14 декабря справляли именины Аполлона Майкова, тогда директора Театрального училища и управляющего Большим театром. А ранее, 17 ноября, когда Милорадович пришел в Театральное управление, служащие такового узнали от своего президента печальное сообщение о кончине императора. И уже тогда служащие услышали от него его взгляд на решение вопроса о престолонаследии, а именно — в пользу Константина. Но князь Шаховской тогда заметил президенту и генерал-губернатору:

— А что, если Константин Павлович настоит на своем отречении, тогда ваша присяга будет как бы вынужденная. Вы очень смело поступили.

На такое вразумительное замечание Милорадович ответил по-французски:

— Имея шестьдесят тысяч штыков в кармане, можно говорить смело.

Эта «смелость» рисует самого Милорадовича авантюристом, желающим, чтобы гвардия играла ту же роль, какую она играла при воцарении Екатерины и свержении Павла.

За такую самонадеянность и свою навязчивую идею генерал и поплатился жизнью от рук его гвардейцев, принявших его на Сенатской площади, видимо, за изменника интересам гвардии.

Но в Театральном управлении Милорадович не ограничился разговорами, а заставил всех служащих принять присягу Константину Павловичу. 14 же декабря на именинах Майкова, на которых присутствовал и Зотов, вдруг появился начальник тайной полиции Фогель и стал что-то нашептывать генерал-губернатору. То было сообщение о бунте. Милорадович немедленно покинул именины и все праздновавшие разошлись, а Зотов пошел в сторону дворца, где Николай Павлович выступал с речью, смысл которой заключался в следующем: если не хотят меня царем, я откажусь, а если согласны, то буду править по закону и по правде.

Вскоре туда же прискакал генерал-губернатор и командующий гвардией Милорадович, которому Николай Павлович приказал вернуть бунтовщиков, собравшихся на Сенатской площади, в казармы. По его увещанию солдаты стали уже расходиться, как вдруг выскочил Каховский и выстрелом из пистолета поразил генерала в живот, а два солдата при этом нанесли своему командующему еще две штыковые раны. (Записки Р. М. Зотова. «Исторический вестник», т. 65, 1896.)

Но как развертывались события, приведшие к бунту? 13 декабря в Петербурге было получено новое отречение, на этот раз торжественное, — отречение Константина Павловича от наследования престола в пользу брата Николая. А накануне пришло донесение Дибича о заговоре, возглавляемом Пестелем, Рылеевым, Сергеем Muравьевым, Бестужиным-Рюминым и Михаилом Орловым. Но Николай Павлович не принял мер, поскольку он считал себя не вправе это делать. Заметим к тому же, что еще в 1821 году Бенкendorf подал Александру Павловичу памятную записку, в которой излагалась вся суть заговора. Николай Павлович не знал, что было решено правительством тогда. И теперь на него свалилась эта грозовая туча. А впоследствии за энергичные меры

социалистическая и либеральная пресса прозвали его «душителем народа» и «Николаем Палкиным». Посмотрим же, как действовал он в грозный час.

Еще до выхода бунтовщиков на Сенатскую площадь произошло кровопролитие: смертельно был ранен командир Гренадерского полка полковник Стюрлер, пытавшийся уговорить мятежников; при аналогичных обстоятельствах тяжело ранены были сабельными ударами командир бригады генерал-майор Шеншин, командир лейб-гвардии Московского полка Фредерикс и также полковник Хвощинский. Когда же мятежники вышли на Сенатскую площадь, то Николай Павлович послал уговорить бунтовщиков командующего гвардейским корпусом генерала Милорадовича, но и он был встречен выстрелами и был смертельно ранен. Угрозой выстрелов был встречен затем также великий князь Михаил Павлович (его жизнь спасли три матроса, выбившие пистолет из руки покушавшегося), но его брат Николай всё еще надеялся на мирный исход и к мятежникам был направлен митрополит Петербургский и Ладожский Серафим в сопровождении духовенства в облачении с иконами, а также хоругвями, а затем начальник артиллерии Сухозанета. Но и эти две последние попытки не увенчались успехом и тогда заговорили пушки.

Мы видим, что действия Николая Павловича показывали образец выдержки, терпения и желания предупредить кровопролитие. О своем же личном благополучии он не думал, он сам находился под выстрелами мятежников, оставаясь всё время с верными ему войсками. А ведь, когда бунтовщики пришли на Сенатскую площадь, генералы Толь и Васильчиков молили Николая Павловича немедленно открыть огонь. И лишь тогда, когда не оставалось других средств, артиллерия открыла огонь, и после третьего пущенного выстрела, как описывает фон Штейн, никого на площади не осталось, кроме убитых и раненых в количестве пятидесяти девяти человек. (Фон Штейн. Иностранные о России. Первое пятилетие царствования Николая Павловича. «Исторический вестник», т. 68, 1 и 2.)

Так страшно началось царствование Николая I.

Приведем факт, изложенный историком Шильдером, показывающим решительность Николая Павловича. В юности ему преподавал всеобщую историю француз Дю-Люже, причем преподаватель обрисовал в отвратительном образе деятелей французской революции, так что сама революция не могла не запечатлеться в душе юного великого князя в самом отвратительном облике. И, как пишет Шильдер, ученик тогда сказал своему воспитателю:

— Король Людовик XVI не выполнил своего долга и был наказан за это. Быть слабым не значит быть милостивым, — государь не имеет права прощать врагам государства. Людовик XVI имел дело с настоящим заговором, прикрывавшимся ложным именем свободы; не щадя заговорщиков, он пощадил бы свой народ, предохранил бы его от многих несчастий (Н. К. Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царствование, т. I).

Как понятны слова великого юного князя нам, потерявшим Россию, и как эта оценка влияла на то, что произошло 14 декабря 1825 года и дальнейшее, связанное с этим событием!

Если французская революция прикрывалась ложно «именем свободы», то и главари декабристов не отставали от демагогии и лжи. Они прежде всего воспользовались тронным кризисом и делали ставку на слабейшего — на Константина, зная, что с ним справиться легче, чем с мужественным и умным Николаем. Поэтому они изображали последнего солдафоном, тогда как их кандидат был действительно солдафоном. Они использовали невежественность солдат, играя на созвучии слова конституция с именем Константина.

Эту демагогичность, эту ловкость рук видно хотя бы из того, как на самом деле они ценили цесаревича Константина Павловича. Из «Записок» Якушкина находим:

«Цесаревич же, славный наездник, первый фрунтовик во всей империи, ничего и никогда не хотел знать, кроме солдатиков. Всем был известен его неистовый нрав и дикий обычай. Чего же можно было ожидать доброго для России» (И. Д. Якушкин. Записки. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Госиздат, 1951).

Петербургский старожил так говорил о демагогии декабристов:

«...Положим там, кто это всё знал, читал, ну и слышал от людей достоверных, ну те очень хорошо знали, что Константин Павлович и Николай Павлович уступали друг другу престол; а поди, вразумли всех! Это вот чернь и люди темные стали болтать, что они спорят, кому царствовать, и отнимают друг у друга престол. Всё это распускали и люди злонамеренные, ну а простой народ верил...» Лживость декабристских лидеров подтверждает и Юрий Самарин, когда он, критикуя конституционалистов, говорит: «...14 декабря обманом ввели на Дворцовую площадь два гвардейских полка. Что же из этого вышло?...» (выделено нами. — М. З.) (К истории 14 декабря 1825 года. «Исторический вестник», январь 1904).

Такова ужасная характеристика Константина Павловича, которую дал декабрист Якушкин, но всё же декабристы делали ставку именно на него. Но каковы же сами вожди декабристов?

Но сперва скажем, что часть декабристов состояла в масонской ложе и не потому ли они обладали «ловкостью рук», и многие были наивными утопистами, а некоторые преклонялись перед Сен-Симоном. Но перейдем к самим вожакам.

Тот же Якушкин так характеризует Бестужева:

«Я знал Бестужева взбалмошным и совершенно бесполковым мальчиком... Странное существо был этот Бестужев-Рюмин. Если про него нельзя было сказать, что он решительно глуп, то в нем беспрестанно проявлялось что-то похожее на недоумение. Решительный до безумия в своих действиях он не ставил никогда в расчет препятствий, какие могли встретиться в предпринимаемом им деле, и шел всегда вперед без оглядки».

А вот характеристика Пестеля, данная Д. А. Кропотовым:

«Немец по происхождению, иностранец по воспитанию, протестант по религии, он не был связан с Россией никаким родственным, бесконечным по любви чувством; она была для него не столько отечеством, как страной себялюбивой эксплуатации» (Д. А. Кропотов. Жизнь М. Н. Муравьева. Изд. в СПБ, 1874).

Фон Штейн, говоря об афере декабристов, отмечает, что Рылеев признавался своим наиболее близким друзьям в том, что он не верит в успех заговора и что Трубецкой всё время колебался и вместе с тем не нашел в себе мужества сознаться в своей неуверенности.

Сын декабриста Якушкина, неоднократно посещавший в Сибири отца и его друзей, указывает, что Басаргин охарактеризовал тайное общество «не более как ребяческую затею». А князь Оболенский, по тому же свидетельству, командовавший мятежниками на Сенатской площади, рассказывал автору воспоминаний, что еще за несколько месяцев до восстания его убеждения начали колебаться, что он стал сомневаться и говорил себе: «Хоть мы и убеждены, что стремления к добру в нас, но вправе ли мы насилием навязывать это добро народу. Ежели бы мы были выборные от народа, — это было бы другое дело, но народ нас ни на что не уполномочил».

Князь Оболенский ранил штыком генерала Милорадовича, что объяснял он потом поднявшейся в нем яростью и тем, что в иные моменты в человеке действуют темные силы.

Позже князь Оболенский стал глубоко верующим человеком и ревностным поклонником императора Николая I. А Ал. Бестужев после 14 декабря явился во дворец к императору с повин-

ной. (Е. Якушкин. Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных.)

А князь А. И. Одоевский, как его рисует А. Н. Сиротинин, втянутый в тайное общество совсем юнцом, позже очень сожалел о том, что видно из его стихотворения, обращенного к отцу:

Всю жизнь, остаток прежних сил
Теперь в одно я чувство слил.
В любовь к тебе, отец мой нежный,
Чье сердце так еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снежной.
Проснется ль тайный свод небес,
Заговорит ли дальний лес,
Иль золотой зашепчет колос —
Всегда мне видится твой взор,
Везде мне слышится твой голос.

.....

С тех пор, займется ли заря,
Молю я солнышко-царя
И нашу светлую царицу:
Меня, о солнце, воскреси,
И дай мне на святой Руси
Увидеть хоть одну денницу!
Взнеся опять мой бедный чёлн,
Игралище безумных волн,
На океан твоей державы,
С небес мне кроткий луч пролей
И грешной юности моей
Не помяни ты в царстве славы!

Не правда ли, печальное и трогательное признание. А бесконечная любовь к отцу растрогала сердце Государя, и князь Одоевский был освобожден и направлен в армию на Кавказ, куда последовали и его друзья-декабристы Лорер, Назимов, Лихачев, Фохт и Розен. (А. Н. Сиротинин. Князь А. Н. Одоевский. «Исторический вестник», т. 12, 1883.)

Кстати, припомним слова Лермонтова об Одоевском:

..... но безумной
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной.

Н. И. Тургенев приводит в своей книге разговор с Пестелем: «Я сказал ему сначала, что необходимо удалиться от дел

ради поправления здоровья, а затем высказал мое убеждение в бесполезности тайных обществ. Он, казалось, согласился с моими доводами и признавался даже, что я, может быть, прав относительно последнего пункта; словом, если он и говорил еще о тайных обществах, то скорее по привычке, чем по убеждению» (Н. И. Тургенев. Россия и русские. — Из перевода по парижскому изданию).

Сергей Гессен приводит обращение Каховского к императору, где он откровенно говорит о целях тайного общества и своей роли в нем, но вместе с тем и о милосердии императора: «...ни в чем не запираюсь, душа моя перед Вами открыта! В трехмесячном заключении я не ожесточился. Нет, Государь, напротив, милосердие к врагам Вашим смягчило меня» (Сергей Гессен. Декабристы перед судом истории. Л.-М. 1926).

Там же приводится другое письмо Каховского к императору: «Намерения мои были чисты, но в способах, вижу, я заблуждался. Не смею просить Вас простить мое заблуждение, я и так растерзан Вашим ко мне милосердием. Я не способен никому изменять, я не изменял и обществу, но общество само своим безумием изменило себе» (выделено нами. — М. З.).

А. П. Беляев, участник восстания, сосланный в Сибирь, затем служивший рядовым на Кавказе, в своих «Воспоминаниях о пережитом и перечувствованном», опубликованных в «Русской старине», характеризует декабристов как преступников, принесших великий вред России, затормозивших её естественное развитие. Такую же оценку дали и многие другие декабристы, и мы видим, что это сознание проявилось не позже, а вскоре. Так, нераскрытым декабрист полковник Буликов явился во дворец и отдал свою саблю императору, считая себя недостойным носить её.

Но ради чего совершено это безумство? Какие идеалы двигали их к тому? Общие слова «добро», «чистые намерения» остаются общими, мало говорящими словами: и ограбление банка преступник считает добром. Из манифеста Трубецкого видно, что мятежники стремились достичь облегчения в военной службе, ликвидации сословий, уравнения перед судом, освобождения крестьян, но без наделения их землей. Проект Н. Муравьева также предусматривал освобождение крестьян с оставлением земли за помещиками. А это самое зачеркивает их лозунг о ликвидации сословий, равенстве и обнаруживает демагогию и лицемерие. Вообще можно сказать, что идеология декабристов ничего оригинального и свойственного русским условиям не содержала. Идеал Н. Муравьева — американская декларация независимости.

Другой Муравьев следовал также американским установлениям и даже Россию делил административно на те же, как и США, тринадцать областей (штатов), то есть полностью и слепо копировал американскую конституцию. Единственным исключением у него было сохранение монархического образа правления. Пестель же за образец брал французскую конституцию 1791 года.

Всё это свидетельствует о блуждании и неопределенности взглядов, об отсутствии единства в рядах вождей декабристов. Однако фактические данные показывают, как свидетельствует С. В. Скалон, свойственница Муравьевых-Апостолов, что у Пестеля была печать с надписью по-французски «Nous travallons pour l'ême cause». При этом на печати было изображение пчелиного улья. Видимо, пчелиный улей и был идеалом Пестеля: все будут трудиться — как и трудятся сейчас советские граждане, — а они, главари, как и советские, будут пользоваться плодами труда первых. (Воспоминания С. В. Скалон. «Исторический вестник», т. 45, 1891. О восприятии же декабристами декларации независимости и оценке ее современными нам американцами говорит В. Д. Поремский в статье «Что такое народ?», «Посев», август 1977 г.).

Итак, Пестель следовал французским образцам и у французов видел всё хорошим, у себя же в стране хорошего не замечал и видел лишь всё плохим, но посмотрим, что же тогда представляла собой Франция?

Историк профессор Шарль Сеньобос так рисует Францию 1821 года: большинство французов было неграмотными, двадцать пять тысяч общин не имело школ, бюджет на начальное образование не превышал пятидесяти тысяч франков; в политической жизни страны принимала участие небольшая часть нации; все работники физического труда, мелкие купцы, все чиновники, всё низшее духовенство, большая часть буржуазии входили именно в эту часть неучаствовавших. Пресса не была широкой, продажа газет не разрешалась, а газеты распространялись лишь по подписке, но многим это было не по карману; газеты печатались небольшим тиражом, не более пятнадцати тысяч экземпляров. Правительство привлекало к суду за каждую статью, в которой оно видело себя оскорблённым. Политические партии отсутствовали. Палата занималась лишь обсуждением бюджета и вообще бюджетными вопросами. Лишь в тридцатых годах отменено клеймение преступников каленым железом и содержание их в железных ошейниках... Вот, что брал Пестель за образец, ту Францию, в которой за тридцатилетнее царствование Николая I трижды переменился образ правления. (Проф. Шарль Сеньобос. Политическая история современной Европы. Т. 1.)

Как характерно для французов непостоянство, чему блестящий пример освещения журналистами эпизода, известного в истории как «Сто дней»:

28 февраля: Корсиканец бежал с Эльбы.

7 марта: «Бонапарт высадился на берег Прованса.

11 марта: Генерал Бонапарт вступил в Гренобль.

17 марта: Императора встречали в Лионе.

20 марта: Его императорское Величество ожидается в Тюильрийском дворце. (И. Егер. Общая история.)

Некоторые вожаки декабристов своим идеалом видели Англию, её парламентарный строй. Но что представлял сам парламент? Депутаты избирались не нацией, а привилегированными корпорациями. А английское самоуправление заключалось в управлении страной аристократами. Из 658 депутатов парламента 424 были заранее назначены либо министрами, либо патронами, богатыми владельцами, которым принадлежали почти все дома. Широко практиковалась покупка голосов, причем мечтчики иногда продавали голоса с молотка. В 1829 году в Ньюварке герцог Ньюкастельский высыпал 587 жителей своего мечтчика за то, что они голосовали за неугодного ему кандидата; цена голосов котировалась как товар на рынке. В 1814 году, то есть когда большинство декабристов находилось в Западной Европе, большая часть депутатских мест была собственностью лендлордов, приобретаемой по наследству или же покупкой. В 1819 году английское правительство приняло шесть актов, прозванных затем «законами, затыкающими рот». Все мирные манифестации были запрещены. В 1823 году парламент принял закон, запрещающий католическую ассоциацию и запрещающий подобные организации. Таким образом, палата была представительной не по существу, а лишь по виду. Нация, как пишет историк Сеньобос, фактически состояла из двух наций: господствующих и обездоленных. (Проф. Шарль Сеньобос. Политическая история современной Европы. Т. I.)

Декабристы, как видно из всего изложенного о положении во Франции и Англии, заметили лишь видимость, лишь декорацию, а не сущность, смотрели не в глубь, а лишь по верхам, и эту-то декорацию, эту показуху пожелали перенесли к нам в Россию.

Выше мы привели высказывания самих декабристов о себе и об их намерениях, их идеалах и о том, как они действовали, говоря языком некоторых из них, «безумством безумных», но посмотрим, как их судили современники.

Мы уже цитировали Н. И. Тургенева из его «Россия и русские», где также имеется оценка тайных обществ:

«Прибавлю, что в данном случае, как и во многих других, я был очень опечален и поражен полным отсутствием среди добрых предначертаний, предложенных в статьях устава общества, главного, на мой взгляд, вопроса — освобождения крестьян. Вообще говоря, в выработке плана видна неопытность, незрелость и даже некоторое ребячество, что мне не понравилось» (Н. И. Тургенев. Россия и русские. Из перевода по парижскому изданию. 1847 г.).

Генерал-адъютант Левашев сказал узнику Петропавловской крепости князю Трубецкому: «Ах, князь, вы причинили большое зло России, вы её отодвинули на пятьдесят лет». И это не слова, ведь Николай Павлович до 14 декабря, будучи великим князем, намеревался влиять на цесаревича Константина Павловича в смысле улучшения положения населения и установления законности.

О том же замечает и граф В. А. Соллогуб, а именно, что просвещенные люди, преданные своей родине, утверждали, что восстание декабристов затормозило на десятки лет развитие России.

Ф. М. Достоевский, как это видно из черновиков к произведению «Бесы», пишет о бунте 14 декабря, «как бессмысленном деле, которое не устояло бы и двух часов», и называет декабристов «бунтующими барами». А устами Шатова говорит: «Бьюсь об заклад, что декабристы непременно освободили тотчас русский народ, но непременно без земли, за что им тотчас русский народ непременно свернул бы головы...»

Герцен, несмотря на свои симпатии к декабристам, вынужден был признать, что «невозможны более никакие иллюзии: народ остался равнодушным зрителем 14 декабря» (А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. СПБ. 1907).

Помимо этого в работе Герцена «Русский заговор» имеется следующая фраза: «Их либерализм был слишком иноземен, чтобы быть популярным».

Подобную же оценку событиям 14 декабря дал и кандидат декабристов в верховные правители М. М. Сперанский. А у Некрасова в его «Княгиня Трубецкая» находим следующие строки:

К Сенатской площади бегут
Несметные толпы.....
.....

Стоял уж там Московский полк,
Пришли еще полки,
И больше тысячи солдат
Сошлись.....
.....

Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал...

Тютчев, как известно, приветствовал Пушкина как обличителя тиранов (ода «Вольность»), но, порицая самовластие, отнесся с осуждением к декабристам (см. стихотворение «14 декабря 1925 г.»).

Грибоедов был близок многим декабристам, как, например, Рылееву, Оболенскому, Одоевскому, Бестужеву, Кюхельбекеру, но он не верил в их успех; он знал об их намерениях и о подготовке восстания и даже был арестован по делу декабристов. Грибоедовым была даже задумана трагедия «Родалист и Зенобия», в которой он намеревался показать неудачный заговор вельмож против царя, неудачный потому, что он не был и не мог быть поддержан народом.

Итак, по общему мнению, бунт 14 декабря 1825 года затормозил развитие России на десятки лет, и уже только поэтому неприменима к декабристам громкая фраза «безумству храбрых поем мы песню», да и храбости-то не оказалось, поскольку после первых артиллерийских выстрелов все они разбежались.

Для выявления причин бунта и заговора и для выяснения виновности участников его Николай Павлович назначил следственную комиссию, проработавшую пять с половиной месяцев и представившую материалы следствия в Верховный суд, составленный из членов Государственного Совета, Сената и Синода под председательством главы Государственного Совета Лопухина.

К следствию было привлечено 579 человек, но суд предъявил обвинения лишь 121, причем по степени виновности они были разбиты на одиннадцать разрядов; пять же были поставлены вне разрядов и приговорены к четвертованию. Тридцать один обвиняемый был отнесен к первому разряду, они были судом приговорены к смертной казни; остальных суд приговорил к различным наказаниям: к ссылке, к каторге, разжалованию в солдаты, к отправке в действующую армию на Кавказ.

Николай Павлович, получив приговор суда, даровал жизнь тридцати одному декабристу и смягчил приговор в отношении обвиненных по другим категориям. При своем короновании он еще раз смягчил наказания. В отношении же пятерых главарей,

приговоренных судом к четвертованию, император передал дело на новое рассмотрение Верховного суда.

Кроме того, Николай Павлович проявил заботу и в отношении семей осужденных, а перед своей кончиной он поручил наследнику заботиться о семьях декабристов и не дать никому погибнуть. Об этом было сообщено секретно во все учебные заведения, в которых воспитывались, наряду со всеми, и дети декабристов. И вот иллюстрация.

Военный министр Ванновский, посетив Павловское военное училище, застал там репетицию (это значит — проверка знаний за определенный период) по фортификации. Как раз спрашивался юнкер М-го, сын декабриста, ленивый, неприлежный юнкер, который абсолютно ничего толкового не мог рассказать из прошедшего, как говорили учащиеся — «ни в зуб ногой». Министр заинтересовался, каким баллом был отмечен этот юнкер, и, услышав, что преподаватель поставил ему ноль, приказал: «Ставьте шестерку!». А шестерка по двенадцатиглавной системе считалась уже удовлетворительной отметкой. Здесь явно сказывалось указание императора быть благосклонными к детям декабристов. Если бы юнкеру М-го был поставлен ноль, он не был бы никоим образом выпущен офицером и, чего боялся Николай Павлович, пропал бы. (Н. О. К. Сын декабриста. «Исторический вестник», сентябрь 1911 г.)

Таково фактическое отношение императора Николая I к декабристам. Не следует к тому же забывать, что большинство их были офицерами и потому они рассматривались как воинские чины, нарушившие воинский долг, воинскую присягу и офицерскую честь.

То же снисходительное отношение к декабристам подтверждается и их письмами, что, например, видно из писем Каховского и Якушкина, уже цитированных нами.

Очень много написано и, добавим, написано весьма мрачными красками о пребывании декабристов в Петропавловской крепости, а также на каторге, — но вот свидетельства и фактические данные, а сперва — данные о смягчении императором приговора суда. Так, Кюхельбекера, стрелявшего в генерала Воинова и в великого князя Михаила Павловича, суд присудил к смертной казни, каковой приговор заменен был на двадцать лет каторги, а затем снижен до пятнадцати лет, но фактически осужденный отбыл лишь десять лет.

А. Бестужеву снижен срок до пятнадцати лет, а ведь он присужден был судом за покушение на убийство к двадцати годам каторги; фактически же ему разрешили служить в Кавказской армии после четырех лет каторги.

Одоевскому суд дал срок в двенадцать лет, затем сокращенный до восьми, а фактически он просидел лишь пять лет.

Александр Муравьев был сослан, но куда, в какую дыру? Нет, не в дыру, а в Иркутск, откуда он просил Государя о смягчении участи, и эту просьбу Николай Павлович не только принял и наказание смягчил, но даже назначил ссыльного городничим. Кожевников, служивший в Гренадерском лейб-гвардии полку, был также сослан в Иркутск, но затем с сохранением чина подпоручика назначен в 42-й Егерский полк.

При Сталине еще говорили, будто родственники не отвечают за вину обвиненных, фактически же многие, очень многие жены и дети не только были сосланы, но даже казнены. Совсем иное отношение было Николая Павловича к родственникам, к семьям декабристов, о чем частично мы уже указывали. Приведем еще примеры. Брат Александра Муравьева Николай и после 14 декабря оставался на высоком посту начальника штаба Кавказского корпуса.

С. В. Скалон рассказывает о характере содержания в Петропавловской крепости Капниста. В его камере была печь, он любил топить ее и, сидя перед ней, размышлять о происшедшем, о матери, братьях, сстрахах. Между строк напомним, что его тетка была тогда уже вдовой поэта Державина. Но интересно, как его кормили в крепости? Этого несчастного? На обед давали щи, кусок жаркого, кашу и одну рюмку водки! Действительно «несчастный» — дали только одну рюмку водки! Как посмеются обитатели советских тюрем, советские зеки!

Кстати, о количестве заключенных, не только декабристов, в Петропавловской крепости; проф. Гернет указывает: во всех казематах в 1830 г. было 14, в том числе в Алексеевском равелине — три. (Проф. Гернет. История царской тюрьмы. Т. I.)

Далее о пребывании декабристов в Петровском остроге рассказывает тот же свидетель: «Преступников перевели во вновь отстроенный Петровский острог, в Иркутской губернии. Здесь Н. И. Лорер прожил шесть лет. Для каждого преступника была особенная комната с окном в общий коридор, куда все сходились и обедали вместе; тут у них была артель и хороший стол. Занимались они, кто чем хотел, так как правительство дозволило присыпать родным для преступников все, чего они пожелают, то в течение года туда приходило несколько обозов с всевозможными вещами; целые библиотеки книг и всевозможных журналов, фортепьяно и другие музыкальные инструменты и пр. и пр... В свободные же часы каждый из них занимался каким-нибудь ремеслом; у них были сапожники, и слесаря, и портные, и столяры,

и живописцы, и музыканты; так как у них был большой двор, они разводили сад, сажали деревья, сеяли цветы, устроили оранжерею и занимались огородами; зимой же во дворе устроены были снежные горы» (Воспоминания С. В. Скалон. «Исторический вестник», т. 45, 1891).

Бедные каторжники! Им доставляли целые обозы, они играли на фортепьяно, занимались разведением цветов, катались с горки! А на каком фортепьяно и что играл, какие цветочки выращивал, какие горки строил, какую библиотеку составил Александр Исаевич Солженицын в свой лагерный срок?

В. А. Тимирязев пишет, что шестеро из декабристов, а именно В. К. Тизенгаузен, Муравьев-Апостол, А. В. Енгальцев, Назимов, Розен, фон Визен и кое-кто из других, приобрели в ссылке дома. Далее Тимирязев показывает вполне объективное, а порой и вполне дружественное отношение местных властей к узникам и ссылочным декабристам. Так, например, когда на Тизенгаузена поступил донос со стороны городничего Смирнова о том, будто он возбуждал дух ябедничества в населении, подстрекал не доверять начальству и будто склонял несовершеннолетних девиц к сожительству, — было произведено дознание, в результате которого Тизенгаузен был освобожден от обвинения, а городничий Смирнов за ложное обвинение удален со своего поста.

Читатель может сказать, что этот единичный случай ничего не доказывает, но он был не единственным. Тот же автор приводит другой пример, когда на Муравьева-Апостола поступил навет со стороны пакгаузного надзирателя о том, что декабрист имеет связь с управляющим таможни, и даже в ночные времена. Генерал-губернатор послал чиновника для расследования, показавшего ложность доносчика, в результате чего таковой был отдан под суд и удален со службы. (В. А. Тимирязев. Пионеры просвещения. «Исторический вестник», июнь 1896.)

Тот же автор указывает, что Пущин, будучи слабого здоровья, часто болел и с разрешения начальства ездил лечиться в Тобольск и на Туркинские воды за Байкалом, причем расходы на эти поездки делались за счёт казны. В Тобольск также ездили лечиться Фохт и Лихарев. Кюхельбекер же был вообще для излечения переведен в Тобольск. А тот же Пущин впоследствии снова был возведен в чин подполковника и назначен комендантом крепости Бобруйск.

И, как показывает тот же свидетель, фон дер Бригген был назначен заседателем Кунгурского суда, — вот как в Николаевскую эпоху было — обвиненный и осужденный сам судил! Где и

когда это видано? Где государственный преступник допускался до обязанностей заседателя суда?

А Розен занялся серьезно земледелием на шестидесяти десятинах земли. Нарышкин же стал заниматься коннозаводством. Семенов в Тобольске служил советником губернского управления и дослужился до чина статского советника. (В. А. Тимирязев. Пионеры просвещения. «Исторический вестник», июнь 1896.)

Таковым рисуется образ «Николая Палкина» и таково его отношение к декабристам. Но кто-нибудь может подумать, что поскольку император любил военных, то он и делал скидку декабристам. Но такое рассуждение не выдерживает критики, так как, во-первых, большинство декабристов служило в гвардии, а как мы ранее показали, Николай Павлович не мог хорошо относиться к гвардейцам из-за их распущенности; и, во-вторых, не только к военным преступникам он относился снисходительно. К примеру, возьмем дело петрашевцев и судьбу самого Буташевича-Петрашевского. После разгрома его организации в 1849 году, главарь был осужден судом к смертной казни, но император сохранил ему жизнь и вообще многим его сообщникам казнь была заменена либо каторгой, либо ссылкой. Среди каторжан этой категории был и Ф. М. Достоевский.

Милостивый характер Николая Павловича мы довольно обстоятельно обрисовали в главе «Николай Павлович как человек», здесь же приведем несколько строк из стихотворения Пушкина «К друзьям»:

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.
О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный;
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Да, оценка Пушкина верна, она совпадает со всеми нашими свидетельствами. И вообще, кто может усомниться в правдивости Пушкина, кто осмелится сказать, что Пушкин лжец и лицемер? Полагаем, такого не найдется. Уж у кого-кого, а у Пушкина искренности и чувства вольности, а также независимости не отнять. Вернемся к двум последним строкам из только что приведенного нами стихотворения. Да, действительно, Пушкин прав. Как пишет Л. А. Тихомиров, у Николая Павловича было сильно развито чувство долга: «...для возбуждения страха перед

самой мыслью о ниспровержении законного порядка — не считал возможным дать никакой поблажки сосланным декабристам. А между тем лично он, по человечеству, их очень жалел. Поэтому он послал в Сибирь Жуковского, приказав дать всякие облегчения сосланным, но от имени самого Жуковского» (Л. А. Тихомиров. Монархическая государственность. Часть IV. Изд. «Русское слово». Переизд. с оригинала 1905 года).

Заметим также, что Николай Павлович в течение всего своего царствования ежегодно 14 декабря служил благодарственный молебен. Как сообщает баронесса М. П. Фредерикс, «...их Величества присутствовали всегда на этой в высшей степени трогательной службе в малой церкви Зимнего дворца со всей свитой и, сверх того, приглашались в этот день все, принимавшие участие в защите царя и престола. Конечно, мой отец всегда был зван на этот молебен» (Бар. М. П. Фредерикс. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 71, 1898).

Думается, всё нами изложенное достаточно ярко рисует российскую обстановку, связанную со страшным событием 14 декабря 1825 года, как и отношение к нему императора Николая I. Остается всё же вопрос: кто же истинный виновник происшедшего? Изложенное полностью отвергает обвинения социалистической пропаганды в адрес императора Николая I. Виновниками являются в первую, но не главную, очередь сами декабристы, ведь их признания это подтверждают. Персональным виновником, как можно видеть из вышеизложенного, является петербургский генерал-губернатор и командир гвардейского корпуса генерал Милорадович, но всё же главнейший виновник — император Александр Павлович.

Каховский в письме к императору Николаю I пишет:

«Император Александр много нанес нам бедствия и он собственно причина восстания 14 декабря. Не им ли раздуть в сердцах наших светоч свободы и не им ли она была после так жестоко удавлена, не только в отечестве, но и во всей Европе». В письме от 4 апреля 1826 года Каховский пишет, что Александр I всё свое внимание отдал военному делу, забыв гражданское управление страной, и что поэтому они, декабристы, боялись видеть на троне полковника, ибо в великом князе Николае Павловиче они видели прежде всего военного человека, но Каховский тут же добавляет, что они не знали, к сожалению, истинного Николая Павловича. (Второе письмо — по Сергею Гессену «Декабристы перед судом истории»; первое же — из Государственного архива, 1B № 11, л-55-58, приведенное в книге под ред. А. К. Бородина «Из писем и показаний декабристов. Критика

современного состояния России и планы будущего устройства ее», СПБ, 1906.)

Каховский, как мы видели, жалуется на полное забвение Александром I гражданских дел и мы, чтобы проиллюстрировать распущенность и казнокрадство, приведем свидетельство П. В. Митурича о положении в Кронштадте:

«...в гавани стояло до двадцати кораблей, но из них могли выйти в море не более пяти, остальные же были негодны, да и не имели вооружения, которое было большою частью расхищено... Портовые магазины свободно продавали жителям города и иностранцам, по дешевой цене, разные материалы и вещи, так что в Кронштадте не было дома, в котором бы не нашлось в повседневном употреблении вещей с казенной маркой...»

Император Николай Павлович при вступлении своем на престол знал уже обо всех этих злоупотреблениях, а потому и пожелал вырвать их с корнем... В Гостинном дворе, в некоторых лавках за полками с красным товаром, найдены были цепи, якоря, блоки и другие портовые принадлежности... В каждом доме, при осмотре, нашлось казенное, начиная с крыши, покрытой железными листами с казенным клеймом, от комнат, обитых парусиной.

Да и сам Кронштадт, по тому же свидетельству, в двадцатых годах «был грязный, болотистый городишко, с полуразвалившимися от оседания домами, с самой плохой защитой с моря. Крепости и стенки гаваней были больше деревянные, истлевшие, а между тем, он считался главным портом России. При императоре Николае I город принял совсем другую физиономию: болота исчезли, улицы и площади распланированы и обставлены прекрасными зданиями; город обнесен с трех сторон оборонительной стеной и превосходнейшими казармами, выстроен новый, первоклассный госпиталь; с моря встали на страже каменные твердыни, выстроен новый док, весь из гранита, взглянув на который, невольно скажешь, что это игрушка из английского магазина» (П. В. Митурич. Воспоминания. «Исторический вестник», сентябрь 1888 г.).

Цитированный уже нами фон Штейн, в свою очередь, пишет:

«Николай Павлович искренне был озабочен устранием злоупотреблений в системе государственного управления своего предшественника и признавал их за действительное зло... Равным образом нельзя упрекать императора Николая I в том, что он был обделен прилежанием и добросовестностью, он всегда честно старался выполнить то, что почитал за свой долг, и в этом отношении Государь стоял несравненно выше огромного

большинства тех сотрудников, с которыми ему приходилось считаться...» (Фон Штейн. Иностранцы о России в первое пятилетие царствования Николая Павловича. «Исторический вестник», т. 118, 1909 г.).

Августейший брат Николая Павловича Александр больше обращал внимания на внешнее, показное. Он был необычайно щедр на производство генерал-адъютантов: за двадцать четыре года царствования им были назначены таковыми сорок пять лиц. Наиболее сомнительным был, конечно, граф, а затем князь Х. А. Ливен, который будучи двадцати одного года, в последний год царствования Павла Петровича уже был кандидатом в военные министры. Спрашивается, какие великие заслуги мог он иметь в столь юношеском возрасте?

При императоре Александре I за неполные четыре года — с 1807 по 1811 — были назначены тринадцать генерал-адъютантов, среди которых А. П. Ожаровский — лишь полковник Конной гвардии — и, кроме того, невиданное дело! — петербургский обер-полицмейстер А. Д. Балашов. Из указанных тринадцати лиц лишь трое отличились на войне: князь М. П. Долгорукий, В. В. Орлов-Денисов и граф П. А. Строганов.

Наряду с этой инфляцией генерал-адъютантов, император Александр Павлович учредил еще звание «генералов, состоящих при особе Его Величества», наружным отличием которых были вензеля государя на эполетах. А число флигель-адъютантов за его царствование достигло ста тринадцати лиц.

Что тут скажешь? — разведешь руками, пожмешь плечами и произнесешь: «Тяжела, ты, шапка Мономаха», — а еще тяжелее наследство, выпавшее на долю Николая Павловича. Тяжело, но вспомним Пушкина:

Сильна ли Русь? Война и мир,
И бунт и внешних бурь напор
Её, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она,
А вокруг неё волненья пали...

«Медный всадник»

У Николая Павловича генерал-адъютанты и флигель-адъютанты служили не для украшения свиты, а для выполнения специальных, ответственных задач, для ревизии.

В заключение настоящей главы приведем сравнение «правды» Николая I над декабристами с таковой во Франции Люи Наполеона.

Когда Луи Наполеон, будучи президентом республики, совершил государственный переворот для установления личной власти, было арестовано 26642 человека и только 6500 затем были выпущены на свободу; 15033 были подвергнуты различным наказаниям, а 5108 человек подвергнуты полицейскому надзору; восемьдесят депутатов были изгнаны из парламента. (Проф. Шарль Сеньобос. Политическая история современной Европы. Т. 1.)

Как мы видели выше, число привлеченных к ответственности за восстание декабристов было ничтожным по сравнению с французским опытом Луи Наполеона.

В 1853 году в той же Франции был раскрыт республиканский заговор и покушение на жизнь Наполеона III, когда правительство получило право арестовывать, изгонять из страны, ссылать без суда уже раз осужденных за политическое преступление, заточать, а также изгонять из страны «способных совершить в будущем политическое преступление».

А генерал Эспинас разослал префектам приказ об аресте определенного им количества таких лиц — от двадцати до сорока, по усмотрению префекта.

Все это напоминает никак не Николаевскую эпоху, а, наоборот, совсем близкую нам по времени терроризацию советского населения партийными узурпаторами.

А как показывает историк И. Егер, при Наполеоне III был принят «закон о безопасности», дававший властям неограниченные возможности расправы. Причем законовед Тролонг к признаком враждебных настроений к правительству причислял и «мятежное молчание» (*Silence séditieux*). (И. Егер. Всеобщая история.)

Невольно встает вопрос: собственно, за что же боролись декабристы, беря в качестве примера политическую жизнь западноевропейских стран? Что они несли в Россию из европейского похода? Что они там увидели? Ведь и Достоевский в своем «Дневнике писателя», и Герцен в своих писаниях говорили о своем разочаровании Западом и отвращались от него.

Николай Павлович учел многое из пороков Александровской системы и при своей коронации осуществил:

- а) присягу ему брата Константина;
- б) обнародование манифеста о порядке наследования престола в случае кончины императора до совершеннолетия наследника;
- в) твердое указание на то, что при нем все и вся должны руководствоваться законом, что подтвердил выпуском коронационной медали, раздаваемой всем, на лицевой стороне которой

изображался барельефный профиль его, императора Всероссийского, а на обратной стороне — символ закона с надписью «Залог блаженства всех и каждого».

Таковы первые шаги нового коронованного императора, не считая, понятно, амнистии многим, в том числе и смягчения приговоров декабристам, а также облегчение жизни граждан, в том числе и в первую очередь крестьян, по их задолженности государству. (Кн. «Царские коронации в России».)

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Записки гр. Мариоля. «Исторический вестник», т. 67, 1896.
2. Фон Штейн. Иностранные о России. Первое пятилетие царствования Николая Павловича. «Исторический вестник», т. 118, 1909.
3. В. А. Тимирязев. Император Александр I и его эпоха. «Исторический вестник», т. 74, 1898.
4. Н. К. Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царствование, т. 1.
5. Записки Р. М. Зотова. «Исторический вестник», т. 65, 1896.
6. И. Д. Якушкин. Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных.
7. Петербургский старожил. К истории 14 декабря 1825 г. «Исторический вестник», т. 95, 1904.
8. Д. А. Кропотков. Жизнь М. Н. Муравьева. Изд. СПБ. 1874.
9. А. Н. Сиротинин. Князь А. И. Одоевский. «Исторический вестник», т. 12, 1883.
10. Н. И. Тургенев. Россия и русские. Из перевода с парижского издания. 1847 г.
11. Сергей Гессен. Декабристы перед судом истории. Л-М. 1926.
12. А. П. Беляев. Воспоминания о пережитом и перечувствованном. «Русская старина».
13. Воспоминания С. В. Скалон. «Исторический вестник», т. 45, 1891.
14. В. Д. Поремский. Что такое народ? «Посев», август 1977.
15. Проф. Шарль Сеньобос. Политическая история современной Европы. Т. 1.
16. И. Егер. Всеобщая история.
17. Ф. М. Достоевский. Из черновиков к «Бесам».
18. А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. СПБ, 1907.
19. А. И. Герцен. Русский заговор.
20. Н. Некрасов. Княгиня Трубецкая.
21. Ф. Тютчев. 14 декабря 1825 г.
22. А. Грибоедов. Из начатой трагедии «Родалист и Зенобия».
23. Проф. Гернет. История царской тюрьмы. Т. I.
24. Н. О. К. Сын декабриста. «Исторический вестник», т. 125, 1911.
25. Государственный архив 1В № 11, л., 55-58. Кн. под. ред. А. К. Бородина «Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего её устройства». СПБ. 1906.
26. В. А. Тимирязев. Пионеры просвещения. «Исторический вестник», т. 64, 1896.
27. А. Пушкин. К друзьям.
28. Бар. М. П. Фредерикс. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 71.
29. П. В. Митурич. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 33, 1888.
30. А. Пушкин. Медный всадник.
31. А. Самойлов. О восстании декабристов. «Эхо», № 2 (55). 15/1 1948.
32. Л. Тихомиров. Монархическая государственность. Ч. I. Переезд. с оригинала 1905 г. «Русское слово».
33. Царские коронации в России.
34. Бар. Корф. Восшествие на престол императора Николая I, СПБ. 1857.
35. А. Ф. Гримм. Русская императрица Александра Федоровна. Лейпциг, 1866.

Глава 3

НИКОЛАЙ I — ОХРАНИТЕЛЬ

В Советском Союзе был поставлен музыкальный фильм «Композитор Глинка», произведенный Мосфильмом под режиссурой Г. Александрова с артистом Названовым в роли императора Николая I. В связи с этим в «Известиях» Марион Коваль такими бранными словами охарактеризовал императора: «'Николай Палкин', бездушный деспот, душитель всего живого и передового...»

Можно ли, нужно ли возражать на эту некомпетентную и грубую ругань, эту неквалифицированную квалификацию? Думается, нужно, ибо многие видели этот фильм и, не имея других источников, так себе и представляют императора Николая I, как им подал М. Коваль. Но посмотрим, каков на самом деле этот «душитель». В предыдущих главах, в частности в главе «Николай Павлович как человек», мы уже ответили на кличку «деспот», а в настоящей главе постараемся опровергнуть и вторую часть некомпетентной характеристики императора.

Однако сперва посмотрим, каковы были предшественники Николая I, и выясним, почему, собственно, именно на него обрушились громы и молнии, а не на его брата, названного Александром Благословенным. Впрочем, следует начать с их отца, Павла Петровича, рука которого была нелегкой и многие, даже очень многие, пострадали от нее совершенно беспричинно. О размерах ее буйства можно судить хотя бы из данных манифеста Александра I, в котором говорится о возвращении к военной службе двенадцати тысяч офицеров, уволенных его отцом. Известно, что столичные гвардейские офицеры, идя на развод или на учение, брали с собой крупные суммы денег на случай, если бы им пришлось с развода или учения сразу отправиться прямо в Сибирь.

М. А. Паткуль говорит:

«Такое положение вещей не могло продолжаться долго. Каждый боялся, как бы не навлечь на себя гнев императора. Тerror сделался общим. В заключение Павел предался любовным похождениям, которые быстро выродились в распутство. Ему было безразлично, откуда брать себе любовниц, — из своего дворца или с театральных подмосток...» (М. А. Паткуль. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 87, 1902).

И венец его террора — «Стало известным, что Павел намеревался отправить в ссылку своих двух сыновей...» (Там же).

А каков его наследник — Александр Павлович?

И. Д. Якушкин в его «Из записок» указывает, что шагистка вошла в силу по возвращении русских войск из Западной Европы. Стало быть, вовсе не при Николае Павловиче. Далее Якушкин описывает ужасный эпизод, характеризующий Александра I как невоздержанного деспота.

Когда прибыла из заграничного похода первая гвардейская дивизия, то при ее вступлении в Петербург во встрече приняла участие масса столичных жителей и, разумеется, сам император Александр I с супругой Марией Федоровной. Но император определил всех и дивизия входила во главе с императором, ехавшим верхом с обнаженной саблей, готовым салютовать императрице... А в этот момент дорогу перебежал какой-то мужик и Александр I бросился на него с обнаженной саблей. Свидетель сего случая пишет:

«Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя. Я невольно вспомнил о кошке, обращенной в красавицу, которая, однако, не могла видеть мыши, не бросившись на нее» (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1, Госиздат, 1951).

Тот же Александр I ответствен за так называемые «военные поселения», реализатором которых был его любимец Аракчеев. Вот, что об этом пишет историк Шильдер:

«Александр I в последнее десятилетие своего царствования уже не был и не мог быть Александром I прежних лет, он искал отныне не реформаторов, а прежде всего исправных делопроизводителей, бдительных и строгих блюстителей внешнего порядка. При таком настроении естественно явилась склонность и даже потребность передать бремя забот по внутреннему управлению империи в жесткие руки верного друга, доверие к которому было всегда неограниченным». И, как пишет Шильдер, Александр I нашел такого человека в лице Аракчеева.

Генерал А. И. Корсаков говорил, что Аракчеев при Александре Павловиче забрал такую силу, что даже братья императора Константин и Николай чувствовали это. Однажды на смотре, как рассказывает генерал, впереди колонны ехали оба великих князя и, когда они, приблизившись к месту, где принимал парад Государь, заметили, что рядом с их братом стоит весьма важно Аракчеев, Константин Павлович, любитель всяких анекдотов, сам обратился к брату Николаю с шуткой:

— Брат, кому салютовать-то?

Надо заметить, что генерал артиллерии Корсаков был с великими князьями в хороших отношениях и, видимо, слышал

этую фразу от них самих. (Н. К. Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царствование. Т. 1.)

По свидетельству В. А. Тимирязева, все министры, даже Государственный Совет, потеряли всякое значение, и всё делалось, всё докладывалось Государю одним Аракчеевым. Александр I воспринял идею военных поселений, прочитав статью генерала Сервана «О пограничных силах государства», и после перевода ее с французского языка передал ее Аракчееву со своими замечаниями. Первый опыт военных поселений был сделан еще в 1810 году, когда батальон Елецкого мушкетерского полка поселили в Могилевской губернии. А в 1815 году батальон Гренадерского полка был расселен на Волхове, в Высоцкой волости.

Когда крестьяне обратились к императору с «защитой крещенного народа от Аракчеева», то Александр I сказал им: «Последние будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова» (В. А. Тимирязев. Император Александр I и его эпоха. «Исторический вестник», т. 74, 1898).

Историк Шильдер писал: «Можно думать, что военным поселениям предстояло бы получить громадное распространение, и *только воцарение Николая отвратило* от России страшное бедствие» (выделено нами. — М. З.).

Еще кое-что об императоре Александре I. Когда флигель-адъютант Киселев подал императору записку «О постепенном уничтожении рабства в России», то царь никак не реагировал на нее.

Теперь о младшем из братьев — о Михаиле Павловиче. Как показывает А. М. Белов, великий князь, зайдя в караульное помещение, нашел там, по его мнению, «ужасное преступление» — нарушение устава караульной службы, а именно, что офицеры здесь расположились по-домашнему. И Михаил Павлович потребовал предания их военному суду. Но, к счастью офицеров, об этом случае узнал Николай Павлович, который затратил немало усилий, чтобы убедить брата в отсутствии «преступления», и, чтобы успокоить расшумевшегося брата, свел дело к нескольким дням ареста офицеров на гауптвахте. Супруга Николая Павловича, соглашаясь со своим августейшим мужем, занесла в дневник: «Как и все благоразумные люди, я нахожу, что великий князь ведет себя тираном» (А. М. Белов. Иностранные о России. «Исторический вестник», т. 136, 1914).

В такой среде, в такой семье вырос и жил Николай Павлович, и уже только что нами изложенное говорит о его исключительности на фоне семейных нравов. Тем не менее Николаю Павло-

вичу приписывают много грехов, относящихся к другим братьям, и называют его «деспотом». Однако, какой он деспот, видно хотя бы из дела Юрия Самарина, который в 1849 году был посанжен в крепость за распространение своих «Писем из Риги». В указанных письмах Самарин обвинял правительство за его политику в Остзейских провинциях, за покровительство немцам. На Самарина поступили официальные жалобы многих влиятельных остзейцев и губернатора Остзейской провинции, требовавшего предания суду Самарина. И вот как поступил «деспот» «Николай Палкин». На двенадцатый день заключения Самарина в Петрапавловской крепости он вызвал арестованного к себе и между ними произошел большой разговор. Значительную часть его передадим по данным барона Б. Э. Нольде.

«Государь: Понимаете ли вы ваше положение?

Самарин: Сознаю, Государь, что я виноват.

Государь: В таком случае, по русской пословице, «повинной головы и меч не сечет»... Вы хотите принуждением, силою сделать из немцев русских, с мечом в руках, как Магомет, но мы этого не должны, именно потому, что мы христиане...

Но вы нападаете на правительство и на меня, ибо что правительство, что я — всё одно, хотя я слышал, что вы отделяете меня от правительства, но я этого не принимаю. Как вы можете судить правительство? Правительство многое знает, что оно не высказывает до времени и держит про себя... Вы прямо метили в правительство, вы хотели сказать, что со времени императора Петра I и до меня мы все окружены немцами и потому сами немцы. Понимаете, к чему вы пришли: вы поднимали общественное мнение против правительства; это готовилось повторение 14 декабря.

Самарин: Я никогда не имел такого намерения.

Государь: Верно, что вы не имели намерения, но вот к чему вы шли. Ваша книга ведет к худшему, чем 14 декабря, так как она стремится подорвать доверие к правительству и связь его с народом, обвиняя правительство в том, что оно национальные интересы русского народа приносит в жертву немцам. Вас следовало отдать под суд, и вас судили бы как преступника против служебных обязанностей ваших, против присяги, вами данной, против правительства... Но я вас знал; я знал про ваши способности, знал, что вы были воспитаны вашими родителями в твердых правилах, и думал, что у вас доброе сердце, и потому я вас не хотел погубить. Я отоспал вас в крепость, чтобы вы имели время наедине одуматься. Я вас не предал суду, а посадил в крепость, желая спасти. Я сделал это тою *деспотическою властью*, против

которой, вероятно, и вы не раз восставали. Вы стояли на краю пропасти. Случай дал мне возможность узнать человека достойного, которого я уважаю...

Теперь вы должны совершенно перемениться, служить, как вы присягали, верою и правдою, а не нападать на правительство. Мы все так должны служить; *я сам служу не себе, а вам всем*; и я обязан наводить заблуждающихся на путь истины. Но я никому не позволю забываться; *я не должен этого по той же самой присяге*, которой я верен. Теперь это дело конченное. *Приимишься и обнимемся*. Вот ваша книга; вы видите, что она у меня остается здесь.

Самарин: Государь, в продолжение всей жизни я буду стараться заслужить эту минуту.

Государь: Поезжайте теперь в Москву и успокойте ваших родителей; поезжайте завтра, если соберетесь. Ступайте сейчас к министру внутренних дел и скажите ему, что я вас отпускаю. В Москве мы, я надеюсь, увидимся, и там вы узнаете, какой род службы я вам предназначаю. Вы будете служить в Москве, на глазах у ваших родителей, — это для вас лучше, чем здесь, где вы можете подвергнуться неприятностям и дурным влияниям (всюду выделено нами. — М. З.). (Бар. Б. Э. Нольде. Юрий Самарин и его время. Société Anonyme Imprimerie de Navarre, Paris, 1926.)

Тот же Самарин, будучи в сущности глубоким патриотом, всегда критически относился к революционным целям и деятельности. Барон Нольде в своей книге приводит письмо Самарина к Герцену из Рагац:

«Повторяю Вам опять, что я говорил в Лондоне: Ваша пропаганда подействовала на целое поколение как гибельная противостоящая привычка, привитая к молодому поколению, еще не успевшему сложиться и окрепнуть. Вы иссушили в нем мозг, ослабили всю нервную систему и сделали его совершенно неспособным к сосредоточению, к выдержке и энергической деятельности. Да и могло ли быть иначе. Почвы под Вами нет; содержание Вашей проповеди испарилось; от многих и многих крушений не уцелело ни одного твердого убеждения; остались одни революционные приемы, один революционный навык, какая-то болезнь, которую я иначе назвать не могу, как революционной чесоткой...»

Как кабальному человеку революции, Вам всё равно, откуда они не шли бы, из университета, села, костела или дворянского замка. Вы у нее не спрашиваете, куда она идет, какие побуждения она поднимает на своем пути...»

При личном свидании Самарин обвинял Герцена в измене русскому делу, в том, что он поддерживал поляков, восставших против русских в 1863 году, и клеветал на русское правительство в польском вопросе. (Бар. Б. Э. Нольде. Юрий Самарин и его время. Société Anonyme Imprimerie de Navarre. Paris, 1926.)

А раз мы повели речь о Герцене, то вспомним его признание о Николае Павловиче как милостивом Государе:

«...Государь, рассмотрев доклад комиссии и взяв в особенное внимание молодые лета преступников, повелел нас под суд не отдавать, а объявить нам, что по закону следовало бы нас, как людей, уличенных в оскорблении Величества пением возмутительных песен, лишить живота, а в силу других законов сослать на вечную каторжную работу, вместо чего Государь, в беспредельном милосердии своем, большую часть виновных прощает, оставляя их на месте жительства под надзором полиции, более же виновных повелевает подвергнуть исправительным мерам, состоящим в отправлении их на бессрочное время в дальние губернии на гражданскую службу и под надзором местного начальства» (А. И. Герцен. Былое и думы).

А разве не удивительно, что такому противнику существовавшего тогда строя, как Герцену, сосланному в «дальнюю губернию», — всего-навсего сперва во Владимир, а затем в Новгород, предоставлена служба и где?... — в губернском Правлении, в качестве советника.

Наконец, укажем, что в «Письмах к старому товарищу» Герцен, всю жизнь пропагандировавший революционные идеи, отрицает необходимость революции для России.

Как видим, Николай Павлович, всегда находил меры смягчения и всегда старался чем-нибудь облегчить положение осужденных. О декабристах мы говорим отдельно в главе 2, а вот, например, поэт, драматург, критик и переводчик Н. А. Катенин был выслан из Петербурга в 1822 году, то есть при Александре I, а возвращен из ссылки при Николае I, и не только возвращен, но и назначен затем комендантом крепости Кизляр. Если же для того, чтобы усмотреть умение ценить людей и доброту Николая Павловича, и этого недостаточно, то добавим, что Катенин через два года после того был произведен в генерал-майоры. Это тот Катенин, о котором Пушкин в «Евгении Онегине» написал:

Наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый...

Да, совершенно верно, Николай Павлович учредил III отделение. Но, как говорил сам император, с той целью, чтобы боль-

ше утират слезы, а не карать. Известно, что даже назначенным в III отделение служащим была прочитана лекция о праве. Это необычное для таких учреждений событие оппозиция использовала для распространения эпиграммы:

У Цепного моста видел я потеху,
Чёрт, держась за пузо, помирал со смеху...
«Батюшки... нет мочи!» — говорил лукавый, —
В Третьем отделеньи изучают право??!
Право... на бесправьи!! Эдак скоро, братцы,
Мне за богословье надо приниматься.

(О III отделении и Катенине см.: А. И. Соколов. Встречи и знакомства. «Исторический вестник», т. 123, 1911.)

Да, при III отделении был учрежден Корпус жандармов, но где, в какой стране их не было и нет сейчас? Отличие разве что в том, что прежде называли их ясным языком, а теперь прикрывают циничным прилинием.

Соученик Петрашевского по лицее В. Р. Зотов так говорит о деле петрашевцев и о III отделении:

«Важного значения в нашей общественной жизни оно не имело. Возникшее в Министерстве внутренних дел, оно было раздуто общей полицией, тогда как полиция III отделения не придало ему особой важности и, по отношению к прикосновенным лицам, старалась сколько могла ограничивать аресты и допросы, несмотря на то, что ей было разрешено допросить хоть десять тысяч человек, но это ни к чему не послужило, так как петрашевцы не оставили глубоких корней в тогдашнем обществе». Далее видно, что Зотов был приведен в III отделение, куда были привезены и его документы (он тогда был редактором ряда печатных органов. — М. З.), и, как он пишет в своих воспоминаниях, «большую часть кип даже не развязывали, и две удержаных из них статьи... очевидно, были взяты на выдержку только для того, чтобы доказать, что бумаги рассматривались» (В. Р. Зотов. Из воспоминаний. «Исторический вестник», т. 40, 1890).

Полиция есть полиция, и обвинять ее за то, что она — полиция, неразумно, неуместно и даже, если хотите, комично. Правда, в одних странах полиция строже, в других менее, в одних придирчивей, в иных снисходительней. Вот как оценивает «полицейский режим» России Рапацкий, редактор журнала «Славянин», издававшегося во Львове, тогда австрийском городе. Вскоре после усмирения польского восстания он со страхом предпринял поездку в Варшаву и западные русские губернии, ожидая вся-

ческих помех и неприятностей. Однако он вынес из этой поездки убеждение, что в России личность гражданина гораздо свободнее и обеспеченнее в гражданском смысле, чем в пресловутой Австрии, где, несмотря на конституцию, полицейский режим нетерпимо давит и теснит каждого. (И. Любарский. Варшавский дневник. «Исторический вестник», т. 54, 1893.)

Сам император Николай Павлович не особенно сочувственно относился к жандармской службе, несмотря на то, что широко ею пользовался. Не нужно забывать, какое было время. По многим странам Европы с 1848 года прошла волна революций и революционного террора. Но, повторяем, что личное отношение императора к служителям — чиновным и добровольным — полиции было весьма отрицательным. А. И. Соколова сообщает следующий факт.

Как-то Бенкendorф доложил Государю, что один дворянин хочет представиться ему в связи с открытием им тайного общества в его уезде. На это Николай Павлович сказал:

— Спроси его, какой награды он желает, и по возможности исполни его просьбу... но... лично видеть его я не желаю! Донос я признаю, но доносчиков презираю!

И не только император, но также шеф жандармов и начальник штаба корпуса жандармов Дубельт, как показывает П. П. Карагыгин, не любили доносчиков. Когда один студент оказался таковым, то Николай Павлович потребовал от него покинуть университет, поскольку студенту не к лицу быть доносчиком. (П. П. Карагыгин. Из записной книжки П. А. Карагыгина.)

Еще одну черту в характере императора рисует А. Я. Бутковская: она описывает как однажды мальчик, сын псаря, играя с собакой помещика, известного своими зверствами, повредил ей лапу. Помещик тут же застрелил мальчика. Но на выстрел прибежал отец этого несчастного мальчика и, узнав, что его застрелил сам помещик, сгреб барина, связал ему руки и посадил в таком виде в кресло, а собравшейся дворне, перечислив все зверства помещика, задал вопрос — что ему делать с барином? И когда все единогласно потребовали убить его, псарь выхватил охотничий нож и зарезал барина, а затем отдался полицейским властям.

Николай Павлович, получив подробный доклад об этом деле, освободил псаря от обвинения, написав резолюцию: «Собаке — собачья смерть». (А. Я. Бутковская. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 18, 1884.)

На Западе нередко отождествляли сталинский деспотизм с вообще царским, что, конечно, несправедливо. Весьма характер-

но письмо ссыльного декабриста Батенкова к императору Николаю I. В нем Батенков расployался: «Было время, в Москве стоял болван, да приезжал из Орды баскак — в том и состоял весь адрес-календарь, оба его тома. Баскак заставлял всех болвану кланяться. Теперь баскака нет, а кланяться всех заставляют. Надо же это когда-нибудь кончить». Но это «произведение» еще можно назвать невинным, другое письмо хлеще: «Ну, как я могу оскорбить царское величество?.. Ну что, если я скажу: Николай Павлович свинья (он употребил более сильное выражение. — Якушкин) — это сильно оскорбит царское величество?» Наконец, в третьем письме конец завершен стихом:

«И на мишуруных тронах
Царьки картонные сидят».

Каков результат всех этих «произведений»? Батенков не только не был наказан, а наоборот, выпущен из крепости. Сам Батенков по этому поводу говорил, что император был уверен, что подобные письма мог писать лишь ненормальный. (И. Д. Якушкин, Избран. соц-полит. и философские произвед. декабристов. Т. I. Госиздат, 1951.)

Так поступал Николай Павлович, а что делается в СССР? Там здоровых людей сажают в сумасшедшие дома.

Более известный факт здравого отношения Николая Павловича к бестактностям и оскорблению, распространенный в разных вариантах, дадим в повествовании дивизионного врача седьмой пехотной дивизии, квартировавшей в Царстве Польском.

Долгослужащие солдаты в свободное время обычно посещали, как они называли, «Царскую корчму» и называли так потому, что в ней висел портрет императора Николая I. Один старослужащий солдат в день своих именин, получив из деревни денежное подкрепление, пригласил нескольких своих друзей в эту корчму. Пили, пели и именинник, перехватив лишнего, стал бушевать и придиরаться к корчмарю, а одного из своих друзей даже побил. Когда его стали увещевать и указывать, что он ведет себя недостойно перед портретом Государя, то он и вовсе расployался: «Что мне портрет, я сам портрет». И мало того, свою реплику он сопроводил плевком в висевший портрет.

Столь необычайное происшествие стало известным сперва фельдфебелю, затем ротному командиру и пошло по инстанциям всё выше и выше, включительно до самого императора, который написал на донесении о сем: «Объявить перед фронтом рядовому Агафону Сулейкину, что я сам на него плюю. А так как этот

несчастный в пьяном виде не ведал, что творит, то дело прекрасить, а в кабаках царских портретов не вешать».

Резолюция Государя в отношении Сулейкина была выполнена: полк был построен, были барабаны, раздавались команды, а виновник был поставлен перед фронтом и ему во всеуслышание было объявлено решение Государя, после чего ему было приказано встать в строй своей роты. После этого Агафон Сулейкин, став таким образом исторической личностью, в первое же воскресенье пошел в церковь, где усердно молился и поставил свечу перед образом святителя Николая, перед которым дал обет никогда не брать в рот ни капли водки. И этого обету крепко держался.

Настоящий случай и решение Николая Павловича показательно во многих отношениях: во-первых, показывает полное знание русского простого человека; во-вторых, его доброту и милосердие и, в-третьих — воспитательный талант Государя. Положим, если бы Сулейкина отправили в арестантские роты, неизвестно, что бы из него получилось: скорее всего в такой среде он опустился бы и стал вовсе нетерпимым человеком. А в данном случае, благодаря воспитательному таланту Государя, он стал исправным солдатом и укрепился в вере. Да «Николай Палкин» добился хороших результатов вовсе не палкой, а влиянием на душу русского человека, русского солдата. (Воспоминания военного врача. «Исторический вестник».)

Человечность Николая Павловича видна также из его наставления графу Паскевичу. Как указывает В. И. Назимский, Государь наставлял:

— Не надо угнетать и быть несправедлив... Прощать великолепно, притеснять же без причины — неблагородно... Да украсит Вас и последняя слава — скромность... Воздайте Богу и оставьте нам славить Вас и дела Ваши. (В. И. Назимский. Крушение великой России и Дома Романовых. Париж, 1930).

Обычно утверждают, что Николай Павлович был особенно строг к военным, но эта строгость более относится к его предшественникам, в особенности к его отцу, строгость же Николая Павловича всегда сопровождалась милостивостью.

Как говорят, что отец не за то бил своего сына, что он играл и проигрывал в карты, а за то, что отыгрывался, — так и Николай Павлович наказал как-то виновников-кадетов, куривших в Михайловском артиллерийском училище не за то, что они курили (что было запрещено), а за то, что не сознавались. К тому же он обнаружил в училище много беспорядков. Он вообще не любил Михайловское училище и его кадетов (сперва юнкеров назы-

вали кадетами), называя их «студентами». Действительно в Михайловском артиллерийском училище отсутствовала нормальная для воинских организаций дисциплина. Зато он любил свои детища — Николаевское кавалерийское училище, которое сперва называлось Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, и в особенности Николаевское инженерное училище.

Военный топограф В. С. Мышецкий пишет в своих воспоминаниях об одном его дисциплинарном проступке, когда он, будучи дежурным по отделу военных топографов Главного Штаба, вскоре по производстве в офицеры пошел обедать в Военно-топографическое училище к товарищу совсем по соседству с Главным Штабом. При этом он оставил в дежурной комнате свою саблю и офицерский шарф и в таком виде, даже не застегнув на мундире три верхних пуговицы, выбежал на Невский проспект, чтобы, завернув за угол, попасть к товарищу. Но как только он вышел на Невский проспект, показался император, и скрыться уже было поздно и некуда. Государь, заметив такой вид прaporщика, сказал лишь одно слово: «Небрежность!»

По положению, о всяком замечании Государя повинные обязаны докладывать своему начальству, что Мышецкий и сделал. Начальник отдела военных топографов, разумеется, отчитал прaporщика и заметил, что он подвел и его, полковника, что-де его могут уволить со службы за распущенность его подчиненных и что он должен доложить Государю о своем подчиненном.

Когда же это произошло, то полковник услышал от Государя короткий ответ: «Такого случая не помню». Мышецкий и его товарищи, да и сам полковник, были удивлены таким ответом Николая Павловича — как Государь, известный своей необыкновенной памятью, мог забыть этот случай? Видимо, Государь пожалел новоиспеченного офицера, да еще топографа, ведь он технику и техников любил. Но, может быть, Государь хотел показать начальнику отдела, что не всякое лыко в строку, не о всяком случае нужно ему докладывать.

А придраться к Мышецкому было легко:

1) он вышел на улицу без сабли и без шарфа (шарф — офицерский пояс мирного времени. — М. З.);

2) в расстегнутом мундире;

3) будучи дежурным, покинул помещение.

Я не знаю существовавшего в то время положения, но, думаю, оно не изменилось, — а в мое время, дежурный офицер не смел покинуть того расположения, по которому он дежурил.

Но тем история не кончилась, — начальник отдела посадил прaporщика Мышецкого на трое суток на главную гауптвахту

Петербурга. И удивительно, что туда вдруг заявил император и стал расспрашивать каждого арестованного, за что он посажен. Пришлось и Мышецкому поведать о своем дисциплинарном пропступке. Государь, узнав, что прапорщик служит офицером всего двадцать восемь дней, сказал:

— Это и видно! Если же будете себя вести так же и далее, то вам будет плохо; если же будете дисциплинированным и ревностным, — пойдете по службе дальше.

Известно, что Николай Павлович не терпел запирательства и любил правдивость. В это время на гауптвахте находились также конногвардец и лейб-драгун, причем первый был посажен за опоздание на караул. Николай Павлович заинтересовался причиной опоздания — проспал или был пьян? Услышав, что, да, был пьян, заметил: «Можно пить, но не забывать службу!» Драгун же был наказан за то, что его конь вырвался из строя, и, услышав такое объяснение, Николай Павлович заметил корнету: «Чтобы быть кавалеристом, надо научиться управлять лошадью и стыдно тому, кем лошадь управляет». Этими отеческими замечаниями и закончилось посещение гауптвахты Государем. (В. С. Мышецкий. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 66, 1896.)

Относительно строгости Николая Павловича к петербургской гвардии приведем замечание графа Мариоля, воспитателя сына цесаревича Константина Павловича, который так характеризует гвардию: «Мне приходилось слышать, что дух этих войск легко мог сделаться опасным. Так как в рядах гвардии были все самые богатые и именитые люди в империи, то весьма трудно было поддерживать дисциплину и командовать ею. ... В смысле опоры трона от такой гвардии можно было ожидать скорее угроз, чем защиты» (Записки графа Мариоля. «Исторический вестник», т. 117, 1907).

И это глубоко не субъективное мнение. Известно ироническое отношение к декабристам Пушкина, несмотря на то, что среди них было много его друзей — например, ближайший друг по лицее Пущин, — а может быть, и благодаря этому, благодаря тому, что он их хорошо знал, он и говорил о попытке «заговоров между Лафитом и Клико» или, в X главе «Евгения Онегина», словами Онегина, как о «скуче, безделье молодых умов, забавах взрослых шалунов».

А М. Г. Казаринов на попытки Щеглова и других обвинить императора Николая I, пишет:

«Но не пора ли покончить с подобными обвинениями. Всем известно, что при царях русский гений, исходящий из глубин народных, часто достигал на всех поприщах вершин почета и

славы. Всем известно также и политическая снисходительность русской власти к талантам. В какой стране не было политических изгнанников-гениев! А у нас они, несмотря подчас на явную враждебность их учений правительенной власти, творили на родине и, как граф Толстой, умирали на родной земле. Вспомним также, что из двух родившихся в один и тот же год, великих европейских вольномыслящих поэтов, один — Генрих Гейне, жил и умер в изгнании, а другой — наш Пушкин, умер в придворном звании и в дружественных отношениях с царем» (М. Г. Казаринов. Император Николай I и Наталия Пушкина. Сборник «А. С. Пушкин и его эпоха», изд. «Иллюстрированная Россия», 1937).

Таков «полицейский строй» Николая I, который без всякой тенденции охарактеризован Д. И. Менделеевым так:

«Император Николай I учредил III отделение и корпус жандармов при нем, но где их нет?..» И далее наш крупный ученый говорит, что: «*в царской России полиции было недостаточно*: ... недавно в одной газете был сделан подсчет числа полицейских чинов, приходящихся в Лондоне и Петербурге на один миллион жителей, и в Лондоне оказалось в десять раз больше, чем в Петербурге» (Д. И. Менделеев. К познанию России. Изд. Миловида. Мюнхен. Выделено нами. — М. З.).

Да, нам скажут, ну хорошо, пусть полиции было у нас меньше и недостаточно, но ведь Николай I учредил Цензурный комитет. Постараемся разобраться в этой теме. Обратимся прежде всего к Ф. М. Достоевскому, которому проблема цензуры, надо полагать, была хорошо известна.

И вот он пишет:

«Впрочем, вы говорите о газетах, о русской журналистике. Так что ж это за сыск? И какую нашу привычку, столь укоренившуюся, вы так оплакиваете? Привычку сыска в нашей литературе? Но это тоже фантазия теоретического либерализма, не оправдывающаяся действительностью... Если же и были когда-нибудь частные случаи, то они до того уединены и исключительны, что грешно и стыдно возводить их в общее правило» (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, т. I. СПБ. Изд. Маркса, 1895. Выделено нами. — М. З.).

Действительно, на цензуру было принято кивать, на цензуру было принято лгать, цензуру было принято поднимать на смех. Недаром ходило много анекдотов, как, например: цензор шестидесятых годов прошлого столетия в объявлении «С.-Петербургских ведомостей» о сбежавшей собаке по кличке «Тиран» заменил её на «Трезор». Разумеется, цензоры, скажем, как и редакторы,

бывают всякие. Вот Красовский к одному стихотворению сделал два примечания, из которых первое — на строчки:

Пусть зависть на меня свой изливает яд,
Пускай злословие имеет язык презренный,
Что в мненьи мне людей? Один твой нежный взгляд
Дороже для меня вниманья всей вселенной...

Читаем примечание цензора к последней строке: «Слишком сильно сказано: к тому же во вселенной есть и цари, и законные власти, вниманьем которых дорожить должно».

А на строку:

О! Как я желал всю жизнь тебе отдать! —

цензор делает замечание: «Что же остается Богу?» (И. И. Ясинский. Юношеская любовь И. М. Сеченова. «Исторический вестник», т. 120, 1910.)

Повторяю, цензоры бывают всякие: так, в провинции был Воронин, не допускавший в «Одесском листке» вообще материалов профессоров В. П. Острогорского, Д. Л. Мордовцева, В. О. Михневича, писателя Г. К. Градовского и др., говоря, что раз они столичные, то пусть и пишут в столичных печатных органах.

Но при чем здесь *цензура*, как таковая, ведь нет таких инструкций, чтоб в провинции не печатались столичные ученые, ведь нет инструкций, чтобы не допускалась кличка «Тиран» и т. п. Дело здесь вовсе не в цензуре, а в людях, в недостатке таких, которые смогли бы высоко держать знамя цензора, культурного цензора. Впрочем, в той же Одессе были и другие цензоры, как, например, С. Д. Ржевский, любитель музыки, отдававший ей большую часть дня, почему цензурную работу передавал своей жене — умной, образованной, с уважением относившейся к прессе и печатному слову. Или другой цензор, Шредер, который подписывал «авансом» чистые листы. (А. Е. Евгеньев. Журнальное страстотерпство. «Исторический вестник», т. 118, 1909.)

Если цензура была жестокой, как некоторые фантазируют (вспомните вышеуказанную характеристику Достоевского), то, спрашивается, как могли выйти в свет пушкинские произведения «Noël (сказка)» и «Вольность»?

Напомним строчки из первого:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.

Здесь речь идет о возвращении императора Александра I из Европы по окончании войны. А далее:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир».

Так говорит у Пушкина здесь и далее Александр I:

«Закон постановлю на место вам Горголи,
И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть уж, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки».

Или в «Вольности», опять же в адрес Александра I:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.

Да и сам Пушкин понимал множество своих дурачеств и пошлостей, вроде:

Господин фон Адеркас,
Худо кормите вы нас,
Вы такой же ресторатор,
Как великий губернатор.

И потому он, уже всерьез, критиковал себя самого и также стихами:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Когда говорят о цензуре XIX века, то обязательно при этом обвиняют в строгости ее императора Николая I; но почему так? Ведь, для примера скажем, — запрещение ввоза книг из Западной Европы введено согласно указу Сената в 1800 году, то есть при императоре Павле I. Этот указ гласил:

«Так как через ввозимые из-за границы разные книги наносятся разврат веры, гражданского закона и благонравия, то отныне, впредь до указа, повелеваем запретить выпуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке они не были, без изъятия, в государство наше, а равно и музыку».

Далее, в 1817 году, то есть при Александре I, особым приказом предписывалось цензурным комитетам «ничего не пропускать, относящегося к правительству, не испросив прежде на то согласие от того министерства, о предмете которого в книжках рассуждается». Так создалась множественность цензуры, так создались кадры цензоров, которым несподручно было менять этот давно налаженный курс. А с 1828 года стал существовать новый цензурный устав, характеризуемый так Государственным Советом:

«Цензура представляется как бы таможнею, которая не производит фабрикатов, но строго наблюдает, чтобы не были ввозимы товары запрещенные, но лишь те, коих привоз и употребление дозволено тарифом» (Из «Исторического обзора деятельности Министерства Народного просвещения. 1802—1902. С. В. Рождественский. СПБ, 1902).

А как характеризует новый устав В. Е. Рудаков, он «...однако, значительно сглаживает крайности своего предшественника, он почти уничтожил прежний произвол цензоров и вносил большую упрощенность в организации цензурных учреждений» (В. Е. Рудаков. Последние дни цензуры. «Исторический вестник», т. 125, 1911).

Ведомства, пользуясь правом, данным еще императором Павлом I, тормозили развитие русской литературы, в особенности в этом отличались духовные власти. Так, как сообщает профессор Никитенко — сам цензор, — некий священник написал дельную, по его мнению, книгу «Введение в философию», но «монахи», как он акцентирует, отняли у автора кафедру философии в Александровской духовной академии. Он же сообщает, что духовная цензура растерзала сочинение Загоскина «Аскольдова могила», но граф Бенкendorf — думается, не без влияния Николая Павловича, ценившего Загоскина, — убедил духовные власти разрешить публикацию этого произведения.

И еще пример указывает профессор Никитенко, на этот раз касательно «Евгения Онегина», в котором Пушкин написал: «и стаи галок на крестах». Митрополит Филарет усмотрел в этом оскорблении святыни. Интересно бы задать этому иерарху вопрос: «А что, когда галки действительно садятся на кресты, то это по вашему разрешению?» Но граф Бенкendorf говорил митрополиту более учиально, а именно, что это дело не стоит того, чтобы в него вмешивалась «такая почтенная духовная особа», а цензор заверил, что галки действительно садятся на кресты церквей и что в этом виноват больше полицмейстер, чем поэт и цензура.

Кстати, укажем, что по смерти Пушкина министр просвещения Уваров и Дондуков-Корсаков потребовали собрание всех написанных Пушкиным произведений для их пересмотра, но император Николай Павлович разрешил печатать все ранее изданные сочинения покойного поэта без всяких изменений.

Когда профессор Никитенко, как цензор, нашел в произведении некоего Олина неумеренное восхваление Государю и Паскевичу, то он вычеркнул те места, где автор уж слишком перебарщивал в похвалах, и всё же и после такой чистки Николаю Павловичу не понравилось чрезмерное его превознесение, и он предложил цензору не пропускать подобных сочинений.

И вообще Николай Павлович указывал «оскорбленным» литературными произведениями сановным лицам и учреждениям, что если они считают указанное в произведении ложью, то они могут это опровергнуть тем же литературным образом и, конечно, без браны.

Нельзя не вспомнить Н. А. Полевого, издателя «Московского телеграфа», подметившего «стрданное противоречие в поступках двух сильных тогда людей. Тот, кто по назначению своему, мог преследовать литературу, всячески облегчал ее и старался вывести из опалы, тогда как другой, по званию своему покровитель и защитник всех литераторов, преследовал невиноватого, в чем и играл в отношении к ним роль инквизитора». И Полевой по этому поводу как-то сказал, что «полиция обходится с ним, как министр просвещения, а действительный министр просвещения, как полиция» (Н. А. Полевой. «Московский телеграф»).

Министр народного просвещения, Уваров, считавший себя вправе вмешиваться в литературу, цензуривать ее, так едко обрисован Гречем в одной из многочисленных его эпиграмм, написанной в связи с похоронами баснописца Крылова:

Враг Пушкина, приятель фон-дер-Фуру,
Хоронит русскую литературу.

Крылова прах несёт
И в гроб его медаль кладет.
Дай нам возможность, Боже,
Над ним скорее сделать то же.

Кроме всего сказанного, осмеливаемся подчеркнуть, что вопросы цензуры в Николаевскую эпоху следует рассматривать не с сегодняшней колокольни и не в пределах этого погоста. Поэтому совершим небольшую экскурсию в другие страны. Так, во Французской республике, где президентом был позже ставший императором Наполеоном III Луи Наполеон Бонапарт, он провел реформу, по которой процессы против печати были изъяты из ведения судов и переданы в ведение полиции, и, кроме того, была введена система предупреждений и остановки изданий, а также запрещение печатания отчетов о процессах по делам печати. Главе же правительства было предоставлено право закрывать газеты, с его точки зрения вредные для общественной безопасности. (А. А. Раевский. Законодательство Наполеона III о печати. Томск, 1904.)

А теперь перейдем к рассмотрению положения в наиболее демократической в то время стране, «стране свободы», символ которой бросается в глаза всем приезжающим в Нью-Йорк.

Крупнейшему американскому поэту Уолту Уитмену (Walter Whitman) лишь после двадцатисемилетнего преследования его сборника «Листья травы» удалось добиться издания этого главного его труда. Причем заметим, что это относится к более позднему времени, нежели эпоха Николая I.

В США имелись последователи Льва Толстого, объединившиеся в колонию Home, и вот, её четыре члена были преданы суду за нарушение общественной нравственности. И характерно, что это произошло в 1902 году, когда в России Толстой свободно излагал свои «Учения». А 3 марта 1873 года в США издан закон о почтовой цензуре литературных произведений и частной корреспонденции.

Говоря о цензуре, о преследованиях писателей, принято ссыльаться на Пушкина, как на субъект такого преследования, но посмотрим, как было в действительности.

30 сентября (ст. ст.) 1825 года Пушкин получил от графа Бенкendorфа письмо, в котором сообщалось: «Сочинений Ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры. Государь император сам будет первым ценителем произведений Ваших и цензором».

Что же это означало? Николай Павлович уважал таланты, и в том числе Пушкина, но он не мог забыть, что его августейший брат, его предшественник по короне, указывал Пушкину: «Ты мне даешь советы, как управлять Россией; но ты еще очень молод и совсем не знаешь России, а потому я пошлю тебя изучать её...» И Пушкина выслали в Кишинев, стало быть — при Александре I.

Нам представляется, что Николай Павлович пожелал уберечь Пушкина от нападок на него и тем самым устраниТЬ резкие ответы, могущие привести к скандалам. Ведь император знал, что немало людей, готовых всех критиковать, знал, что у Пушкина имеются враги в высоких слоях общества; император знал, что и в рядах цензоров имеются перестраховщики и недостаточно квалифицированные люди, чтобы оценивать произведения Пушкина. Объявлением же, что цензором будет сам император, ставился предел критике и подметным письмам, на которые всегда было достаточно охотников. Да и сам Пушкин понял письмо Бенкendorфа именно так, написав о роли Николая Павловича:

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою!

И действительно, Пушкина пытались преследовать даже такие лица, как, например, петербургский генерал-губернатор, и они теперь натыкались на щит, которым был прикрыт поэт, и этим щитом был сам император. Учтем также, что бывало, когда Пушкин возражал замечаниям августейшего цензора и последний соглашался с доводами и разъяснениями поэта. Не следует забывать, что Пушкин видел в императоре дельного цензора. Так, под датой 28. 2. 1834 в дневнике он записал: «Государь позволил мне печатать Пугачева; мне возвращена рукопись с его замечаниями (очень дельными)». А когда случалось, что Пушкину рекомендовали переделать то или иное место, он отвечал, что не способен на это, и ему сходило, а текст оставался в первоначальном виде.

Из письма князя Вяземского к А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому от 6 января 1827 года мы находим даже зависть к Пушкину:

«Пушкин получил обратно свою трагедию из рук Высочайшей цензуры. Дай Бог каждому такого цензора...» (Пушкин в воспоминаниях современников. Госиздат художественной литературы. 1950).

Правда, Пушкину приходилось передавать свои произведения через Бенкendorфа, который был одновременно и министром

Двора и начальником III отделения. Император часто получал пушкинские рукописи с замечаниями Бенкендорфа, но последний был вообще добрый человек, смотревший на произведения доброжелательно, часто бывший выше цензуры. Известно письмо Пушкина к Бенкендорфу, в котором поэт писал: «Честь имею препроводить на рассмотрение Вашего Превосходительства новые мои стихотворения. Совестясь беспокоить поминутно Его Величество, я раза два обратился к Вашему покровительству, когда цензура недоумевала, и имел счастье найти в Вас более снисходительности, нежели в ней». А вызывало «недоумение» — ссылка на опалу в произведениях Пушкина:

Как ныне я, затворник ваш опальный...

и в другом месте:

Поэта дом опальный...

Но свет увидел, милостивой по цензуре Николая Павловича, эти строки именно такими, как их написал поэт.

И на «Бориса Годунова» были нападки, но граф Бенкендорф правильно указал, что факты, о которых говорится в этом произведении, изложены историком Карамзиным и нет основания их вымарывать. И что цель пьесы — «показать исторические события в естественном виде, в нравах своего века».

Замечания же Бенкендорфа и императора к автору касались преимущественно неприличных слов, как, например, в словах Мержерета или беглого монаха.

Наконец, приведем выдержку из письма графа Бенкендорфа к Пушкину: «Его Величество сочинение Ваше «Борис Годунов» изволил читать с особым удовольствием». А в ответе Пушкина Бенкендорфу находим: «'Борис Годунов' обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня Государь, но и свободе, смело дарованной монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и сковать книгопечатание» (выделено нами. — М. З.).

Можно ли после этого говорить о «цензуре», о стеснении, о личном зажиме императором литературы, ведь в отношении всех этих наветов Пушкин явно поставил точки над i. Но мы еще упомянем пушкинскую записку о народном воспитании, в которой для «скалозубов» что ни слово, что ни строчка, то «навет на власть», а для императора Николая Павловича — «ряд интересных мыслей». (Многое из материалов о Пушкине взято из

сочинения Ив. Забелина «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. Москва, 1883. «Исторический вестник», т. 15, 1883.)

А кроме всего указанного, заметим, что те или иные события, как внешнего, так и внутреннего порядка, отражались и на государственном управлении и на ответственных лицах. И на политике Николая Павловича в значительной степени отразились события 1848 года, волновавшие Европу, как ранее польское восстание 1830 года, как позже, уже в пониколаевскую эпоху, сказывались на политике государей опять же польское восстание 1863-1864 годов или выстрел Каракозова 4 апреля 1866 года, когда были закрыты «Современник» и «Русское слово».

Как отражаются события на цензурной политике, видно также из следующего: 9 декабря 1855 года (то есть по смерти Николая I) был ликвидирован «негласный комитет», но уже в апреле 1858 года, как указывает Погодин, в императоре поколебалось расположение к литературе и склонилось не в её пользу. И какова была неожиданность для общества: негласный комитет был восстановлен.

Разумеется, колебания были и при Николае Павловиче и, в качестве примера отражения внешних событий, сошлемся на случай со стихотворением Тютчева, содержащим следующую строфу:

И своды древние Софии
В возобновленной Византии
Вновь осенит Христов алтарь.
Пади пред ним, о царь России,
И встань, как всеславянский царь!

Николай Павлович, не желая раздражать Западную Европу, зажеркнул конец. Ведь тогда многие страны Западной Европы, и особенно Австрия, ополчались против распространения русского влияния на Балканах.

Без знания обстоятельств, существующего положения вещей, с кондакча легко критиковать вообще, и в том числе Николая Павловича, но приведенные выше многочисленные свидетельства показывают несостоятельность такой его критики. Доходят в такой критике до обвинения Николая Павловича в крепостничестве, но, во-первых, не он же ввел его и, во-вторых, он сам тяготился ужасным положением крестьянства, делал многое для его облегчения и, в сущности, положил основу, подготовил почву для крестьянской реформы, о чем мы более подробно поговорим в другой главе, но пока приведем мнение иностранца об этом:

«Он (англичанин): Вообще повинности в России не очень тягостны для народа: подушные платятся миром, оброк не разорителен... Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своему крестьянину доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за две тысячи верст вырабатывать себе деньги. И это Вы называете рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простора действовать...

Я (Пушкин): Что поразило Вас более всего в русском крестьянстве?

Он: Его опрятность и свобода.

Я: Как это?

Он: Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню, умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет руки. О его смыслености говорить нечего: путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия; никогда не встречал я между ними то, что соседи наши называют *un badaud* (ротозей, зевака), никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их известна; проворство и ловкость удивительные.

Я: Справедливо. Но свобода? Неужто Вы русского крестьянина считаете свободным?

Он: Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с Вами? Есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи...

9 декабря. Клин».

Далее англичанин критиковал англичан и порядки в Англии в весьма выгодном для России и русских отношении. Читатель уже заинтригован этим разговором и хочет скорее узнать, откуда он заимствован? Кое-кто скажет даже — «из недостоверного источника». Но нет, милые читатели, даем полную справку: из рукописей Пушкина, а разговор этот опубликован в «Русском архиве», кн. II, в 1881 году.

Мы уже указывали, что Николай Павлович требовал от граждан, и тем более от руководящих лиц, уважения к закону и сам первый уважал его. Он с помощью закона стремился к смягчению нравов. В главе «Русское общество в Николаевскую эпоху» мы более подробно осветим нравы русского общества, но здесь выделим азиатчину, царившую на Кавказе, где человек считался скотом, где царили местные князьки. Но об этом подробнее — в главе шестой. Здесь же приведем иллюстрацию К. А. Бороздина из Мингрелии.

В селении Нахуну произошел бунт из-за притеснения населения князьком Пагава. Терпение лопнуло, когда один из семейства Пагавы втихомолку надел на шею двух девочек, девяти-десяти лет, красные шелковинки, что обозначало их службу у князя, а практически означало право князя продать их на невольничьем рынке. Князьки стояли на своих правах и древних представлениях, говоря: «Бог создал мужиков для князей, как корову, лошадь и любую тварь. А тварь иногда балуется и её укрощать надо дубиной». Так при расследовании князьки объясняли свое «право», в то время как они сами занимались организованным воровством, похищением лошадей и ограблениями.

В результате следствия был заключен договор между князьями Пагавы и их крестьянами с подписями и клятвами; со стороны крестьян были указаны в договоре обязанности, повинности и подати, а со стороны князьков — соблюдение законов и отказ от своеволия, а также отказ от требования их кормления крестьянами и отказ от требования поставлять им женскую прислугу. Копии договора переданы были окружным управленим, которые следили за его выполнением. Князьки же были предупреждены, что нарушение договора с их стороны и проявление своеволия будут караться по всей строгости закона. (К. А. Бородин. Упразднение двух автономий. «Исторический вестник», т. 20, 1885.)

Впрочем, приведем еще рапорт Ермолова от 7 июля 1819 года: «Строгим моим настоянием и усердием старшего владельца прекращен торг невольниками (в ауле Андрей), которых свозили из гор и дорогою весьма ценой продавали в Константинополь. Большая часть таковых были жители Грузии, похищаемые лезгинами, и не мало солдат наших...» (П. Е. Щеглов. Император Николай I. «Исторический вестник», т. 95, 1904).

И в заключение на тему «полицейского государства» приведем краткий, но яркий факт: из сорока двух амнистированных декабристов двадцать шесть были допущены к литературной деятельности.

А цензура? Цензура и учреждение III отделения, учреждение корпуса жандармов были прямой необходимостью, для объяснения чего приведем слова Владимира Безобразова, который пишет по поводу европейских событий 1848-1849 годов следующее:

«Желания и предположения, высказывающиеся во всех этих движениях (он их называет «интернационалкой». — М. З.)... должны, в случаях своего исполнения, не только разложить весь внутренний и внешний порядок вещей в Европе, государственный строй каждой нации и взаимные отношения государств, — унич-

тожить даже само понятие о нации, как государственной единицы, — но и весь общественный, нравственный и экономический строй образованного человечества, исторически выросший, в течение десятилетий. Таковы по крайней мере замыслы, которые разглашаются в программах всех этих организаций, совсем нового, неслыханного доселе рода, не подходящего ни под какие прежде известные нормы гласных и тайных обществ...» (В. Безобразов. Война и революция. «Русский вестник», т. 101, 1872).

Сопоставим это с положением Франции в период 1848-1951 годов, где в результате отвращения от экстремистских вождений и экстремистского опыта, установилось монархическое правительство, когда все республиканские газеты были закрыты и тридцать три республиканских депутата арестованы, когда также запрещены были публичные собрания. (Проф. Шарль Сеньобос. Политическая история современной Европы. Т. 1).

И совершенно естественно, что император Николай I обязан был ограждать нашу страну и наш народ от этой экстремистской заразы и строго пресекать попытки ее проникновения в Россию, иначе Россия стала бы коммунистической уже к пятидесятым годам прошлого столетия. Жаль, что Николая Павловича не было во втором десятилетии нашего века.

И эта-то стойкость, эта чуткость императора, его энергичные меры для предупреждения заражения России «моровой язвой», растлевавшей тогда Западную Европу, оценена по существу самими селятелями этой язвы. Так Ф. Энгельс писал: «...нам ясно, что революция имеет только *одного* действительно страшного врага — Россию, и что этот враг тем сильнее вынужден будет вмешиваться в борьбу, чем больше революция станет общеевропейской» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI).

Поэтому-то марксисты и подхватили клеветническую кличу, данную императору Николаю Павловичу путаником Львом Толстым, а именно — кличу «Николай Палкин». Возможно, что писал такую клевету Толстой в раздражении, но высосал он «факт» от 95-летнего отставного солдата — будто в армии только и знали, что бить солдат палками. Так Толстой, приняв частный, и во всяком случае не частый, случай за общий, оклеветал императора Николая I, которого солдаты русские чтили как отца родного, которого они, более того, боготворили.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что император Николай Павлович в 1826 году запретил деятельность масонских организаций, за что масоны того времени и последующие, включая и наше время, мстили и мстят его имени, клевеща на него.

А ведь отец его и старший брат покровительствовали масонам, так что невольно спрашиваешь себя, почему он пошел на такой шаг? Думается, что среди следственных материалов по восстанию декабристов оказались материалы, обличающие злоречивую деятельность масонов и их руководящую роль в восстании.

Возможно, что эти документы были затем запрятаны по дальше, а возможно, и уничтожены. Ведь многие масоны занимали руководящие посты в управлении государством, в том числе и в юриспруденции.

Наконец, многие обвиняют Николаевскую эпоху в бюрократизме, но, как показывает Ф. Стэрр, в середине XIX в., в России было 12-13 чиновников на 10 тыс. населения, т. е. в 3-4 раза меньше, чем в Западной Европе (Frederick Starr. Dezentrallierung und Self Government in Russia 1830-1870).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Марион Коваль. «Известия», № 234.
2. М. А. Паткуль. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 87, 1902.
3. И. Д. Якушкин. Из записок Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. Госиздат, 1951.
4. Н. К. Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царствование. Т. 1.
5. В. А. Тимирязев. Император Александр I и его эпоха. «Исторический вестник», т. 74, 1898.
6. А. М. Белов. Иностранные о России. «Исторический вестник», т. 136, 1914.
7. Бар. Б. Э. Нольде. Юрий Самарин и его время.
8. Герцен. Былое и думы.
9. А. И. Соколова. Встречи и знакомства. «Исторический вестник», т. 123, 1911.
10. В. Р. Зотов. Из воспоминаний. «Исторический вестник», т. 40, 1890.
11. И. Любарский. Варшавский дневник. «Исторический вестник», т. 54, 1893.
12. П. П. Карагодин. Из записной книжки П. А. Карагодина. «Исторический вестник».
13. А. Я. Бутковская. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 18, 1884.
14. Воспоминания военного врача. «Исторический вестник».
15. В. И. Назимский. Крушение великой России и Дома Романовых. Париж, 1930.
16. В. С. Мышецкий. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 66, 1896.
17. Записки гр. Мариоля. «Исторический вестник», т. 117, 1909.
18. А. Пушкин. «Евгений Онегин».
19. М. Г. Казаринов. Император Николай I и Наталия Пушкина. Сборник «А. С. Пушкин и его эпохи», издание «Иллюстрированная Россия», 1937.
20. Д. Менделеев. К познанию России. Изд. Миловида, Мюнхен.
21. Ф. Достоевский. Дневник писателя. Т. 1. СПБ, изд. Маркса, 1895.
22. И. И. Ясинский. Юношеская любовь И. М. Сеченова. «Исторический вестник», т. 120, 1910.
23. А. Е. Евгеньев. Журнальное страстотерпство. «Исторический вестник», т. 118, 1909.
24. А. Пушкин. «Noël» (Сказки).
25. А. Пушкин. Вольность.
26. С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПБ, 1902.
27. В. Е. Рудаков. Последние дни цензуры. «Исторический вестник», т. 125, 1911.
28. Н. А. Полевуй. «Московский телеграф».
29. А. А. Раевский. Законодательство Наполеона III о печати. Томск, 1904.
30. Пушкин в воспоминаниях современников. Госиздат художественной литературы. 1950.
31. Ив. Забелин. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. Москва. 1883. «Исторический вестник», т. 15, 1883.
32. Из рукописей Пушкина. «Русский архив», кн. II, 1881.
33. А. И. Куприн. Олеся.
34. И. А. Бороздин. Упразднение двух автономий. «Исторический вестник», т. 20, 1885.
35. П. Е. Щеглов. Император Николай I, «Исторический вестник», т. 95, 1904.
36. В. Безобразов. Война и революция. «Русский вестник», т. 101, 1872.
37. Проф. Шарль Сеньобос. Политическая история современной Европы. Т. 1.
38. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI.
39. Frederick Starr. Decentration and Self-Governement in Russia 1830—1870.

Глава 4

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ

Жалобы декабристов на отсутствие просвещения нашли отклик в деятельности императора Николая I. Коммунисты, однако, клевещут на него, будто он душил развитие мысли, да и вообще пытаются очернить память о Николае Павловиче, доходя порой до смешного. Так, открытие императором Технологического института они порицают, утверждая, что это делалось якобы «в интересах растущего капитализма».

Но мы приведем мнение М. С. Лалаева, современника императора Николая I:

«Вообще по мере удаления от эпохи Николая I и постепенного обнародования его частной переписки, а также и мотивированных резолюций, образ этого Государя, слишком скоро, рано и односторонне осужденного судом пристрастных современников, начинает приобретать яркую окраску. Несомненно, в нем Россия, столь горячо им любимая, имела Государя деятельного и заботливого о ее насущных интересах. И совсем эти интересы, в глазах царя, не исчерпывались одними заботами о ее внешнем могуществе. Напротив, можно безошибочно сказать, что после Петра Великого и Екатерины II *едва ли кем из государей было сделано для просвещения России столько, сколько сделал Николай Павлович*» (выделено нами. — М. З.).

И далее Лалаев приводит цифры, показывающие число гимназий, существовавших до его вступления на царство, а именно — пять. Таково наследство от Александра I — всего лишь пять гимназий! И действительно, к началу его царствования, можно сказать, образованием даже в верхних слоях нельзя было похвальиться. Вот пример: во время танцев кавалер спросил княжну Урусову, что она читает, и услышал удививший его ответ: «Розовеньку книжку, а сестра голубую».

Вот почему, и не только потому, Лалаев заключает: «...исторически несомненно, что наследник императора Николая I получил из его рук государство гораздо образованнее, чем он сам получил его из рук Александра I» (Исторический очерк М. С. Лалаева. Император Николай I — зиждитель русской школы. СПБ, 1896).

При этом заметим, что сам император считал возможным образование для всех. По свидетельству М. С. Лалаева, министр народного просвещения Уваров, представляя список хорошо окончивших университеты, заметил, что в их числе многие «из

лучших фамилий», но Николай Павлович положил резолюцию на этом списке: «В сем случае должна быть соблюдена самая строгая разборчивость и рекомендуемы только достойнейшие, каких бы, впрочем, фамилии они не были: здесь более, чем где-либо, знатность рода не должна быть принимаема в соображение» (выделено нами. — М. З.).

Поясним, что списки были представлены императору для определения на службу и, видно, император почувствовал заинтересованное покровительство министром «лучшим фамилиям».

Из высших учебных заведений императором Николаем Павловичем, кроме уже указанного Технологического института (в 1828 году), были оформлены Горный и Лесной (все три в Петербурге) и, кроме того, открыты также Строительное училище (Институт гражданских инженеров — в 1842 г.), а в Москве — Межевой институт (в 1844 г.) и восстановлен там же Главный педагогический институт (в 1828 г.). Но не только в столицах, а и в провинции учреждены дворянские и женские институты, Киевский университет (в 1835 г.), Училище правоведения (в 1835 г.), Римско-католическая духовная академия в Вильне (в 1833 г.), Строгановское училище декоративного и прикладного искусства (в 1825 г.).

Виктор Фукс пишет: «Таким образом, когда возник вопрос о судебной реформе при императоре Николае I, то прежде всего обращено было внимание на приготовление необходимых сподручных средств для осуществления этой реформы, а именно: на подъем в стране юридического образования, на усиление персонала юристов среди коронной магistratуры, на кодификацию и на более удовлетворительную редакцию гражданских и уголовных законов.

Только когда эти цели были до известной степени достигнуты, приступлено было во II отделении Собственной Его Величества канцелярии, еще в конце царствования императора Николая I, но в особенности в начале царствования императора Александра II, к составлению проектов новых судебных уставов, которые и были внесены графом Блудовым в 1857-1861 годах в Государственный Совет. (Виктор Фукс. Реформа реформы 1864 года. «Русский вестник», т. 190, 1888.)

5 декабря 1835 года по инициативе, проекту, уставу и с материальной помощью принца П. Г. Ольденбургского было открыто училище «для образования благородного юношества на службу по судебной части, то есть Училище правоведения», давшее большое число видных юристов и государственных деятелей.

Как пишет И. В. Мещанинов, оно облагородило судебное ведомство, дало ему людей хороших дворянских фамилий, возвысило образовательный ценз его... и таким образом подготовило деятелей вполне достойных и пригодных к великой судебной реформе 1864 года. (И. В. Мещанинов. Памяти принца П. Г. Ольденбургского. «Исторический вестник», т. 129, 1912.)

Подчеркнем также, что Николай Павлович при многочисленных посещениях разных городов России, как правило, навещал учебные заведения. Укажем, например, что в 1837 году в Одессе он посетил Девичий институт, Ришельевский лицей и, что удивительно, училище для евреев. Не забывал он и просвещение далекой провинции и в том числе еще не вполне замиренного, но уже культурно опекаемого Кавказа.

17 ноября 1844 года последовал рескрипт императора на имя князя М. С. Воронцова о предоставлении последнему неограниченных полномочий для управления Кавказом. Следуя желанию императора об усилении просвещения на Кавказе, князь первой мерой в этом направлении принял необходимость децентрализации системы образования, а именно — настоял на изъятии кавказских учебных заведений из ведомства Харьковского учебного округа.

В 1846 году на Кавказе учреждены Межевая школа и первое женское учебное заведение св. Нины.

В 1848 году последовало повеление императора об учреждении в российских учебных заведениях ста шестидесяти казенных стипендий для воспитанников кавказских учебных заведений, а ранее (1846 г.) — о предоставлении четырех мест в Технологическом институте для кавказцев с полным казенным содержанием. А на самом Кавказе стали учреждаться приходские школы. Отметим, что тогда население Кавказа исчислялось в 1,4 миллиона человек. Заметим, что Лермонтов так характеризовал Кавказ его времени:

Не боюся я востока,
Отвечал Казбек;
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары,
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин...

Да, «род людской там спит глубоко», но русские разбудили Кавказ от вечной спячки. В Тифлисе появился даже театр, существовавший на русские правительственные средства. (Н. Г. Макиевский-Зубов. Кавказ и кавказские наместники. «Вестник Европы», т. 1, февраль 1906.)

Как мы уже отмечали, Николай Павлович уделял внимание и улучшению военного образования и, прежде всего увеличил число кадетских корпусов и военных училищ, особенно специальных. Он учредил Николаевский кадетский корпус, с целью подготовки кадров в кавалерийские юнкера, а также Николаевское кавалерийское училище, которое тогда называлось Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, и я, как воспитанник этого училища, горжусь им. Николай Павлович положил основу Николаевскому инженерному училищу, а также Топографическому училищу. Им же учреждена и Академия Генерального штаба.

Вообще говоря, к концу царствования Николая Павловича общая картина военного образования рисуется, по данным «Месяцеслова», следующим образом: академии — Генерального штаба (Военная академия), Артиллерийская, Инженерная; военные училища — старшее отделение Пажеского корпуса, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, Дворянский полк, Главное инженерное училище, Михайловское артиллерийское, Уральское войсковое училище; кадетские корпуса: в Петербурге — Пажеский корпус (младшее отделение), Первый, Второй, Павловский; а также Первый, Второй в Москве; в других городах — Новгородский графа Аракчеева, Финляндский, Орловский Бахтина, Тульский, Александровский, Воронежский Михайловский, Оренбургский Неплюевский, Петровский Полтавский, Владимирский Киевский, Тамбовский, Брестский, Сибирский, Полоцкий и, кроме того, особый Сиротский для сирот из офицерских семей, а также Морской корпус, позже реформированный с разделением общих классов (корпус) и гардемаринских морское военное училище).

Итак, к 1851 году имелись три военные академии, семь военных училищ, не считая школы подпрапорщиков Западного края, явившейся ядром польского восстания и потому ликвидированной. Количество кадетских корпусов, таким образом, определялось числом в двадцать один.

То, что Николай Павлович ценил подготовку в этих военных учебных заведениях, мы можем видеть хотя бы из того факта, что все его сыновья — Александр, Константин, Михаил и Николай Николаевичи — учились в Первом кадетском корпусе, иначе говоря, прошли его курс.

Чтобы была более ясна картина народного образования в период царствования Николая I, укажем количество высших и средних учебных заведений, согласно данным «Месяцослова в 1853 году», дозволенного к печати в 1852 году, фактически составленного по данным на 1850-1851 годы.

Сперва укажем общие высшие учебные заведения:

Университеты имелись в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Казани, Варшаве, Дерпте, а кроме того — лицей Александровский, Демидовский, князя Безбородко и Ришельевский; специальные высшие учебные заведения: юридический — Училище правоведения, филологический — Лазаревский институт восточных языков, художественные училища — Петербургское рисовальное, такое же Московское, Константиновский Межевой институт, Лесной институт в Петербурге, Институт сельского хозяйства и лесоводства в Александрии (в Западном крае), Горыгорецкий землемельческий институт, в Санкт-Петербурге Технологический, Горный, Путей сообщения, Гражданских инженеров (Строительный), Московский Коммерческий (Академия) институты; к высшим учебным заведениям следует отнести духовные Академии: православные — в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве; римско-католические в Варшаве и Вильно, иудейскую — Училище раввинов. Таким образом всего имелось тридцать два высших учебных заведений. Картина средних учебных заведений представляется сложной, поскольку помимо таковых, находившихся в ведении Министерства просвещения, средние учебные заведения находились также и в ведении других ведомств:

	общих	специальных	частных	всех
а) в ведении Министерства просвещения	77	—	300*	377
б) то же в Царстве Польском	35	—	57	92
в) то же на Кавказе	13	2	—	15
г) в ведении Министерства финансов	—	4	—	4
д) Логиновские	6	—	—	6
е) в ведении императрицы Марии	20	10	—	30
ж) в ведении министерства Земледелия	—	4	—	4
з) армяно-грегорианских	12	—	—	12
и) мусульманских	4	—	—	4
Итого	167	20	357	544

* Всего частных учебных заведений общего порядка было 592, из которых большинство следует признать на уровне средних; в том числе одно училище для глухонемых; не вошли в число средних учебных заведений этого ведомства фельдшерские школы и ремесленные училища. Как не вошли и находившиеся в ведении Министерства земледелия одиннадцать училищ по садоводству. Вообще в ведомстве имп. Марии в 1844 г. имелось 104 воспитательных учебных заведений.

А разве не в Николаевскую эпоху раскрылись двери университетов для широкой публики, для слушания публичных лекций, в частности — лекций профессора Т. Н. Грановского в Московском университете?! А какие дискуссии в тридцатые и сороковые годы происходили между западниками и славянофилами?! Наконец, вспомним кружок Станкевича, свободно обсуждавший всякие философские течения. Герцен о таких кружках и спорах писал, что они велись «до четырех часов утра, начавши в девять».

Как показывает Н. Любимов, 26 июня 1835 года утвержден новый университетский устав, а 1 июля того же года попечителем Московского университета назначен был граф С. Г. Строганов и тогда «началось 'строгановское время', столь блестящее в летописи Московского университета» (Н. Любимов. Михаил Никифорович Катков. «Русский вестник», т. 194, 1888).

То, что Николаевская эпоха явила светочем, показывает и «млечный путь» звезд, засиявших на Руси, и в первую очередь в научном мире: математики Н. И. Лобачевский, М. В. Остроград-

ский и В. Я. Бунаковский (он же и статистик); астрономы А. Н. Савич, В. Я. Струве и А. Ф. Попов; химик Н. Н. Зинин; физик А. С. Савельев, а в философии, не считая славянофилов: А. И. Галич, И. И. Срезневский (он же археолог); историки И. Д. Беляев (история русского права), А. И. Ведемайер, Т. Н. Грановский (западник), И. К. Кайданов, граф Корф (историограф Сперанского и эпохи Николая I), М. Т. Каченовский, Н. И. Костомаров, М. П. Погодин, А. А. Скальковский, Н. Г. Устрилов и П. К. Щебальский; историки-археологи Ф. Г. Солнцев (он же живописец-реставратор), В. В. Стасов — историк искусства, археолог, музыкальный критик, почетный академик, А. С. Тургенев и А. Д. Чертков; археологи П. И. Савваитов, Сахаров (также этнограф), И. М. Снегирев и указанный уже выше И. И. Срезневский; археолог и библиограф С. М. Строев; географы и путешественники Я. В. Ханыков, Е. П. Ковалевский (также геолог), С. Е. Коцебу, Ф. П. Литке; мореплаватели Ф. П. Врангель, адмирал Лазарев; филологи Н. И. Макаров (составитель словарей) и А. Х. Востоков; законоved и государственный деятель М. К. Сперанский; а также в военной науке — кн. П. М. Волконский (основатель Генерального Штаба).

А разве ничего не говорит развитие ученых обществ: основание в 1827 году Российского общества естественных наук, открытие Румянцевского музея в Петербурге в 1831 году, позже переведенного в Москву, Археографической комиссии для изучения памятников древности (в Петербурге в 1834 г.), Археографического общества в Петербурге (в 1845 г.), Археографической комиссии для разбора и издания древних актов в Вильне (в 1842 г.) и в Киеве (в 1843 г.), Одесского общества истории и древностей (в 1839 г.) и Географического общества в Петербурге (в 1845 г.).

Укажем также, что спорный вопрос о «ссылке» угличского колокола занимал многих людей, но долгое время ничего толкового и достоверного о подлинности «ссылки» не было и, когда поступило групповое прошение о возвращении из Тобольска колокола, то император Николай I повелел: «Удостоверься предварительно в справедливости существования колокола в городе Тобольске и по сношении с обер-прокурором Святейшего Синода, просьбу сию удовлетворить». Однако дополнительные исследования никаких данных, подтверждающих действительность ссылки колокола в Тобольск, не нашли.

В Николаевскую эпоху наблюдалось также развитие научных, литературных и политических журналов и сборников, обсуждавших различные идеи и воспитавших русскую интеллигенцию; так, если в 1801 году выходило 10 журналов, то в период 1841—

1850 гг. — 57 и в 1851—1855 гг. — уже 88 журналов, среди которых весьма известные: «Московский телеграф» Полевого (1825—1834), «Телескоп» профессора Надеждина, «Современник», начавшийся издаваться в 1836 году Пушкиным, затем, по смерти его, П. А. Плетневым и, наконец, с 1847 года Н. А. Некрасовым. Большое влияние имели «Отечественные записки», издававшиеся А. А. Краевским с 1839 года, а также «Москвитянин», «Московский вестник», «Мнемозина» и другие.

В историческом очерке М. С. Лалаева мы находим следующую характеристику Николаевской эпохи:

«...Мы знаем также, каким расцветом литературы приходится считать Николаевское царствование, где крупные имена писателей русских тесно сплачивались с именами больших художников, отличных зодчих и первоклассных музыкантов, успевших образоваться и заявить о своем даровании именно в это царствование.

Права литературной собственности и очень широко практиковавшаяся система пенсий известным художникам кисти, резца, лиры и слова, давали всякому творчеству известное государственное значение и приучали общество, еще очень слабо грамотное, уважать вообще творческий гений человека.

Пусть цензурные стеснения, особенно после 1848 года, описывают нам мрачными красками, однако постановка на сцене таких пьес, как «Горе от ума» и «Ревизор», по личному приказанию Государя, указывает на широкую его терпимость в деле критики общественных и даже правительственные нравов...

Трудно было бы отрицать, что в это царствование не всё было безукоризненно. Да этого не утверждал и сам император, сознававший, что многое он хотел, но не мог или не сумел сделать...

Будучи не только милостивым монархом для лиц, облечённых его доверием, но и личным другом, он к концу царствования мог убедиться, что сквернейший из всех пороков н е б л а г о — д а р н о с т ь и коварное неисполнение его мудрой воли этими выбранными помощниками и личными друзьями много повредили блеску его царствования и не дали России того, о чём думал и чего желал великодушный и мудрый Государь» (Исторический очерк М. С. Лалаева. Император Николай I — зиждитель русской школы. СПБ. 1896. Выделено нами. — М. З.).

Что можно более сказать, здесь сказано всё, сказано определенно и веско. Нам остается назвать те творческие таланты, о которых в общих словах говорил историк М. С. Лалаев.

В литературе русской: С. Т. Аксаков, К. Н. Батюшков, А. А. Бестужев (Марлинский), Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов, князь П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич, Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, Н. И. Греч, А. С. Грибоедов, Д. В. Григорович, Ап. Григорьев, И. И. Дмитриев, Ф. М. Достоевский, барон А. А. Дельвиг, П. П. Ершов, В. А. Жуковский, М. Н. Загоскин, А. Е. Измайлов (баснописец), И. Т. Калашников, И. М. Козлов, А. В. Кольцов, И. А. Крылов, Н. В. Кукольник (драматург), М. Ю. Лермонтов, И. М. Лажечников, Ап. Майков, К. М. Масальский, Н. А. Некрасов, И. С. Никитин, князь А. И. Одоевский, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, А. И. Полежаев, К. А. Полевой (драматург и критик), А. С. Пушкин, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. В. Сухово-Кобылин (драматург), А. К. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, А. А. Шаховской (драматург), Н. И. Хмельницкий (драматург), Н. М. Языков, Л. Я. Ярцева (детская писательница), а также революционеры-демократы Белинский, Добролюбов и Чернышевский.

Духовные писатели и богословы: Макарий, митрополит Московский (он же историк церкви), Г. П. Павский, Платон, митрополит Киевский и архимандрит Платон.

В украинской литературе: Л. Боровиковский, П. П. Гулак-Артемовский, Г. Ф. Квитка (Основьяненко), И. П. Котляревский, Т. Г. Шевченко.

В белорусской литературе — Дунин-Марцинкович (поэт и драматург), положивший начало белорусскому литературному языку.

В грузинской литературе: время расцвета грузинского романтизма — Н. М. Бараташвили, И. Д. Орбелиани, А. Г. Чавчавадзе, Г. Д. Эристов (драматург).

В азербайджанской литературе: создатель новой азербайджанской литературы Мирза-Фатали Ахундов, Балиханов-Кудси, Мирза Шафи Базах, поэт и философ.

В изобразительном искусстве:

Художники — И. К. Айвазовский, Ф. А. Бруни, К. П. Брюллов, А. Г. Венецианов, М. Н. Воробьев, Н. Н. Ге, А. А. Иванов, О. А. Кипренский, А. Е. Коцебу, А. К. Саврасов, Н. Е. Сверчков, В. А. Тропинин, Н. И. Уткин (гравер), А. Г. Ухтомский (гравер), П. А. Федотов, Сильвестр Щедрин, И. И. Шишкин.

Скульпторы: В. И. Демут-Малиновский, барон П. К. Клодт, А. Логановский, И. П. Мартос, граф Ф. П. Толстой (медальер, график), С. С. Пименов, профессор Академии Художеств.

В архитектуре: О. И. Бове, Д. И. Желярди, К. И. Rossi, В. П. Стасов, К. А. Тон.

В музыке: А. А. Алябьев, А. П. Бородин, Д. С. Бортнянский, А. Е. Варламов, А. Н. Верстовский, князь Н. Б. Голицын, М. И. Глинка, А. Л. Гурилев, А. С. Даргомыжский, И. Ф. Ласковский, А. Ф. Левов, Антон Рубинштейн, А. Н. Серов, Турчанинов и семья Титовых.

В театральном искусстве: В. Н. Асенкова, Я. Брянский, В. И. Живокина, Е. Н. Жулева, В. А. Карагыгин, П. А. Карагыгин, А. М. Карагыгина, А. Е. Мартынова, П. С. Мочалов, Л. Никулина-Косицкая, семья Самойловых, П. М. Садовский, Е. С. Семенова, И. И. Сосницкий, М. С. Щепкин и др.

Сколько блестящих имен, сколько талантов в одну эпоху! О литературе можно сказать, что эта эпоха — эпоха русских классиков. Действительно, в Николаевскую эпоху отмечаем мы расцвет классической литературы.

Что же касается театрального искусства, то и здесь отмечаем мы большой прогресс и снова блеск классиков-драматургов. Мы видим у Государя хороший вкус и его замечание об отсутствии русских пьес родило эпоху русской драматургии: Кукольник написал пьесу «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский», Н. А. Полевой — «Дедушку русского флота», «Парашу сибирячку», «Русского моряка», «Знакомых незнакомцев», «Ложу первого яруса на последний дебют Тальони», «Булочную», «Купца новгородского», «Ломоносова», «Елену Глинскую», «Смерть или честь» и другие пьесы.

Заметим: когда Полевой скончался, Государь назначил вдове пенсию в одну тысячу рублей ежегодно, а Карагыгину, в добавление к содержанию от театральной дирекции, пожаловал из средств Собственного кабинета Его Величества ежегодно по три тысячи рублей, а через три года увеличил сумму до шести тысяч.

Поведем о случае с Карагыгиным, поскольку мы о нем заговорили. Как повествует его супруга А. М. Карагыгина, переводчик «Вильгельма Телля» А. Г. Рутчев упросил В. А. Карагыгина взять для бенефиса именно эту пьесу, несмотря на то, что она была запрещена цензурой, и, зная благоволение императора к Карагыгину, упросил его получить разрешение на постановку. И Карагыгин обратился к графу Бенкendorфу, который и разрешил её. Карагыгин подготовил роль, как вдруг за три дня до бенефиса ему сообщили, что в афише снят этот бенефис и тогда Карагыгину предложили взять какую-нибудь другую вещь, на что он отказался, заявив, что в такой короткий срок он не может подготовиться к новой вещи. Часа через два после этого ему объявил министр Двора князь П. М. Волконский, что Государь, не желая огорчать и затруднить Карагыгина отменой

спектакля, дозволяет ему взять в свой бенефис запрещенную трагедию «Вильгельм Телль». Как пишет А. М. Карагыгина: «Подобного знака монаршего благоволения ни до тех пор, ни после того, никогда не был удостоен ни один артист» (Воспоминания А. М. Карагыгиной. «Русский вестник», т. 152, 1881).

Тот же автор также рассказывает, как Николай Павлович обнимал и целовал Карагыгина за выполнение роли Кузьмы Минина в пьесе тогда еще неизвестного драматурга Н. В. Кукольника «Рука Всея Империи спасла»; а Кукольника Государь, пригласив во дворец, благодарил за выбранную тему и талантливое её написание. И еще одна интересная деталь: когда театральная дирекция не захотела делать для этой пьесы новые декорации и предлагала неподходящие, Государь приказал сделать новые по точным рисункам, соответствующим Смутному времени.

А. М. Карагыгина подтверждает, что Николай Павлович вообще не любил переводных пьес и предпочитал оригинальные отечественные, в связи с чем она приводит слова монарха Карагыгину:

— Я бы чаще ездил тебя смотреть, если бы вы не играли таких чудовищных мелодрам. Скажи мне: сколько раз в нынешнем году тебе приходилось душить или резать жену свою на сцене?

Мы уже отмечали поддержку императором Николаем Павловичем корифеев русской культуры, в том числе, и в первую очередь, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Н. Загоскина, однако приведем еще один случай, доказывающий это.

«Юрий Милославский» Загоскина считался «боевиком» в литературе на исторические темы, им зачитывались повсюду, но наряду с его же «Аскольдовой могилой», «Рославлевым», «Тоской по родине», «Брынским лесом», «Искупителем», указанный автор написал еще роман «Кузьма Петрович Мирошев», который, несмотря на его достоинства, почему-то не нашел широкого читателя. Однако этот роман был оценен Николаем Павловичем весьма высоко: он его считал лучшим романом, не исключая и «Юрия Милославского».

Николай Павлович поддерживал и художников и в том числе сразу же понял талантливость П. А. Федотова и высоко оценил его «Сватовство майора». Он даже любил просматривать и акварели этого художника и вообще советовал Федотову выйти в отставку и целиком посвятить себя живописи, и к тому же обещал в этом случае материальную поддержку. Но Федотов любил свой полк (лейб-гвардии Финляндский), своих полковых друзей и не внял предложению императора, однако через два года, когда

стал популяррен, принял это предложение. Кстати отметим, что Федотов был и музыкант: он, в частности, написал популярный романс «Душенька». (По ст. М-е «Павел Андреевич Федотов». «Исторический вестник», т. 54, 1893.)

Укажем еще, что в эпоху имп. Николая I открыты Александринский (1828) и Михайловский (1833) театры; последний по проекту Росси, но по внутреннему устройству — по проекту Брюллова.

Перейдем к изобразительному искусству. Как показывает М. Ф. Каменская, дочь академика и более того, профессора Академии художеств, а затем и вице-президента её, медалиста и графика графа Толстого, император Николай Павлович дружественно, по-интимному, относился к её отцу, одной из черт в характере которого была рассеянность, свойственная многим профессорам.

Однажды, как она повествует, Николай Павлович, посещая Академическую выставку, просил графа сопровождать его и посоветовать ему, какую картину лучше бы купить. Но у графа Толстого в то время был насморк и он вынужден был часто доставать платок из кармана, чтобы утереть себе нос. А император каждый раз при этом улыбался, что не ускользнуло от внимания профессора и он, будучи самолюбивым, стал нервничать и накаляться. Император, заметив раздражение графа, при следующем появлении платка схватил Толстого за руку, поднес её к его глазам и сказал:

— Толстой, скажи мне на милость, какой это у тебя флаг? Я что-то не разберу?

Вопрос императора объяснялся тем, что граф Толстой по рассеянности вместо платка положил в карман тряпочку, которой вытирали кисти.

На шутливый и дружественный вопрос Государя граф стал извиняться, но Николай Павлович, обняв его за плечи, ласково сказал:

— Ах, ты, мой художник!

Другой случай — с теми же лицами — произошел в той же Академии художеств. Граф Толстой жил со своей семьей в здании Академии и вот в один день его известили, что Государь едет сюда. Он надел парадный мундир, но не удержался, чтобы еще раз не взглянуть на свою работу, лежавшую здесь же, на столе его студии-кабинета, и изображавшую в гравировке по металлу иллюстрацию к книге «Душенька» Богдановича. А когда графа известили, что император уже выехал из дворца, профессор-медалист и гравер покрыл металлическую доску меловым порош-

ком, а затем снова стал всматриваться в свою работу и не замечал, как запачкал мундир этим меловым порошком. Тем более, что ему сказали, что император уже поднимается по лестнице. Он быстро полетел в зал для встречи императора. И действительно, не успел он войти в зал, как появился император, который, увидя запыленного художника, стал улыбаться и затем, заметив недовольную мину последнего, подавая руку, сказал:

— Здравствуй, Толстой, скажи мне, пожалуйста, давно ли ты у меня в мельники пошел?

Граф, не поняв шутки императора, стал дуться, и тогда Николай Павлович, показывая на запачканный мундир графа, вынул свой платок и стал им сбивать мел с его мундира.

Но однажды между ними произошел спор, когда Николай Павлович, рассматривая проект медали, на которой был изображен славянский воин, указал профессору на неправдоподобное положение ног на рисунке. Но, когда Толстой не согласился с замечанием императора, тот принял позу воина точно по рисунку и, показав на свою ногу, снова подтвердил замеченную им в рисунке неправильность. Затем, встав правильно, как обычно человек стоит в этой позе, сам стал исправлять на рисунке положение ноги. Толстой вовсе обиделся: — как же его, профессора академии, исправляют, что-де на старости лет дождался такого, что его учат; взъярился так, что схватил рисунок и побежал с ним домой, то есть в другую часть здания, где была его квартира. Здесь, остыв от своей горячки, стал позировать перед зеркалом и понял, что император был прав. Долго он пребывал сконфуженным, но затем, покрыв лаком рисунок с поправкой Николая Павловича, до глубокой своей старости хранил его, как святыню.

А сделав новый исправленный рисунок, он показал его императору и оба остались довольны друг другом. (Воспоминания М. Ф. Каменской. «Исторический вестник», т. 56, 1894.)

Другой случай — также с медалью, но не связанный с Толстым, — показывает вдумчивое отношение Николая Павловича ко всяkim делам: он ничего не делал машинально, не подписывал документов, не знакомясь с ними. Вот тому доказательство.

В 1839 году Капитулу орденов было повелено заготовить особые знаки отличия Военного ордена для раздачи отставным чинам Прусской армии, рисунок которого был представлен императору на утверждение. И Николай Павлович нашел неправильности в проекте знака, и не одну, а две, что он и записал на самом проекте: 1) вместо «Н» поставить «А» (видимо, эти знаки предназначались отличившимся в 1813 г. пруссакам, сражавшимся вместе с русской армией; 2) номера, указываемые на обороте

знака, делать арабскими цифрами, а не римскими, поскольку большие числа не уместятся на знаке.

И в музыке император старался поощрять развитие талантов, он же позаботился и о создании русского национального гимна, заказав его композитору А. Львову, что последним и было выполнено в 1883 году.

Но некоторые, всегда и во всем сомневающиеся и всё критикующие люди стали обвинять композитора в компиляции с немецкого. Пришлось произвести расследование и исследование, и по повелению императора Вильгельма берлинский музыколог Турут доказал, что прусский военный капельмейстер Хааз не только не дал музыкального материала для русского гимна, а напротив, сам почерпнул его из произведения Львова уже после того, как наш русский гимн был официально принят. Но критики и завистники не успокоились и стали ссылаться на пасхальный псалом, поющийся в протестантских церквях Голландии, но и эти попытки были отвергнуты специалистами голландской общей и духовной музыки.

Коммунистической пропагандой в прессе, в кинематографии, в телефильмах, на сцене сделано много, чтобы исказить отношение императора Николая Павловича к Пушкину. Все невзгоды поэта ставят в вину именно ему и, судя по этим «произведениям», получается так, что и в ссылку отправил «Николай Палкин», и преследовал цензурой, и даже замешан в гибели Пушкина. Но на самом деле это совсем не так и требует правдивого освещения, притом весьма обстоятельного.

Известно, что молодой Пушкин легкомысленно провел свои молодые годы и легкомысленно растративал свой талант на эпиграммы, часто очень едкие, чем вызывал к себе враждебное отношение со стороны высмеиваемых им лиц. Наставления родителей, любимого дяди, не воспринимались им. Совсем не мудрено, что в такой обстановке враги Пушкина вредили ему, как могли. А среди врагов были люди весьма высокого положения, которые не затруднялись распространять нелестную для поэта мольбу даже при Дворе. И вот такое обострение дошло до того, что император Александр I выслал его сперва на юг, а затем в отцовскую деревню.

Историю высылки передадим по повествованию Ф. Н. Глинки, полковника, служившего штаб-офицером для поручений при петербургском генерал-губернаторе Милорадовиче. И, когда Пушкина вызвали к тому, то Пушкин, будучи в хороших отношениях с Глинкой, естественно, обратился к нему за советом, как держать себя перед столь высокой персоной. А получив наставле-

ния, немедленно отправился к Милорадовичу, где на предложение показать свои стихи, заявил, что все стихи сожжены, но что он может их возобновить по памяти и тут же написал целую тетрадь. А этим самым так разжалобил генерал-губернатора, что последний пошел к Государю уже совсем с другим взглядом на поэта. На вопрос Государя, как он поступил с Пушкиным, ответил, что он его отпустил без всякого взыскания. Что он его простил. Александру Павловичу это не понравилось и он сперва заметил: «Не рано ли?!» А затем добавил:

— Ну коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг». (Ф. Н. Глинка. Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году. Сборник «Пушкин в воспоминаниях современников. Гос. изд. художественной литературы. 1950.»)

Так «либеральный» Александр I отправил Пушкина в ссылку, а «деспот» Николай I вернул его из ссылки.

А между прочим, следует заметить, что неизданные стихотворения Пушкина были широко известны. И. Д. Якушкин в воспоминаниях о Пушкине сообщает, что «Деревня», «Кинжал», «Четырехстишие к Аракчееву», «Послание к Петру Чаадаеву» и много других были не только известны всем, но что в то время не было сколько-нибудь грамотного прaporщика в армии, который не знал бы их наизусть. (И. Д. Якушкин. Записки. Тот же сборник.)

Возвращение Пушкина из Михайловского так описывает М. И. Осипова. «Первого или второго сентября 1826 года Пушкин был у нас; погода стояла прекрасная, мы долго гуляли; Пушкин был особенно весел. Часу в одиннадцатом вечера сестры и я проводили Александра Сергеевича по дороге в Михайловское. Вдруг рано, на рассвете является к нам Арина Родионовна, няня Пушкина... На этот раз она прибежала вся запыхавшись; седые её волосы беспорядочными космами спадали на лицо и плечи; бедная няня плакала навзрыд. Из расспросов оказалось, что вчера вечером, незадолго до прихода Александра Сергеевича, в Михайловское приехал какой-то не то офицер, не то солдат (впоследствии оказалось — фельдъегерь). Он объявил Пушкину повеление немедленно ехать вместе с ним в Москву. Пушкин успел только взять деньги, накинуть шинель и через полчаса его уже не было» (М. И. Осипова. Рассказы о Пушкине. Тот же сборник).

Приведем еще воспоминания А. Н. Вульфа, где под датой 16 сентября 1827 года упоминается сказанное Пушкиным: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей

«Истории», говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — первом Курбского. Непременно должно описывать современные процессы. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14 декабря» (А. Н. Вульф. Из дневников. В том же сборнике).

Как мы видим, Пушкин об Александре I хочет писать «пером Курбского», а о Николае Павловиче — «теперь уже можно писать», что явно подтверждает поощрительную политику этого Государя к литературе.

Отношение Николая Павловича к Пушкину характеризуется также случаем с Булгариным, который в «Северной пчеле» за 11 марта 1830 года обрушился с неприличной, несправедливой критикой на Пушкина. Когда это стало известным императору, он, вызвав Бенкендорфа, приказал ему: — Я забыл вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере «Пчелы» находится опять несправедливейшая и пошлайшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье, наверное, будет продолжение; поэтому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; и, если возможно, запретить его журнал.

Чего лучше можно найти для свидетельствования истинного отношения императора к Пушкину и для уличения во лжи советскую пропаганду, пытающуюся соединить имена Булгарина с «Николаем Палкиным»?!

Итак, Пушкин снова в Петербурге, откуда во время его ссылки Жуковский обратился к нему с письмом: «...Твое дело теперь одно: не думать несколько времени ни о чем, кроме поэзии, и решиться пожить исключительно только для одной высокой поэзии. Создай что-нибудь бессмертное, и самые беды твои (которые сам же состряпал) разлетятся в прах. Дай способ друзьям твоим указать на что-нибудь твое превосходное, тогда им будет легко поправить судьбу твою, тогда они будут иметь на это неотъемлемое право. Ты сам себя не понимаешь; ты только бунтуешь, как ребенок, против несчастья, которое само не иное что, как плод твоего ребячества: а у тебя есть такие способы сладить с своей судьбой, каких нет у простых сынов сего света, способы благородные, высокие, перестань быть эпиграммой, будь поэмой.

И я Ваш покорный слуга Жуковский»

(Из письма Жуковского Пушкину от второй половины сентября 1825 года).

И Пушкин внял голосу своего друга и стал на достойный путь, путь высокого творчества, чем дал упомянутую возмож-

ность друзьям, среди которых, как можно судить из письма, находился и сам император Николай Павлович, дети которого воспитывались под неослабным влиянием В. А. Жуковского.

Да это письмо стало поворотным пунктом в судьбе Пушкина и, скажем мы, в судьбе русской литературы. Вскоре Пушкин был вызван из ссылки, а затем был приглашен императором Николаем I к себе для откровенного разговора и отеческого внушения, который закончился пониманием и уважением друг друга. Ведь откровенность у честных людей всегда вызывает симпатию. Так, когда Николай Павлович спросил Пушкина, был ли бы он с декабристами, если бы находился 14 декабря в Петербурге, поэт ответил утвердительно, на что император сказал: «Довольно ты надурачился, теперь будь рассудительным, и мы более ссориться не будем». О том, что император взял цензуру на себя, мы указали в другой главе. Здесь же добавим, что после разговора с Пушкиным император сказал своему окружению, что он беседовал с умнейшим человеком, а Пушкин написал:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дел Петра
Мрачили мятежи и казни.

В этих строках поэт сравнивает царствование Петра I с царствованием Николая I, а далее он пишет:

Семейным сходством будь же горд,
Во всем будь пращуру подобен!
Как он — неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Что касается интриги против Пушкина, во главе которой стоял голландский посол Геккерн, то, увы, и здесь советская пропаганда пытается извратить факты и втянуть в эту интригу имя императора. Но вот мы читаем в письме Николая Павловича его брату Михаилу: «Геккерн сам сводничал Дантесу в отсутствии Пушкина, уговаривая жену его отаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, и всё это открылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пушкиным Дантес вдруг посватался к сестре Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна».

И тогда Двор перестал принимать Геккерна, все стали его порицать, и когда в Петербург прибыл новый посол Голландии Геверс, то вопреки дипломатическому обычаяу, император Ни-

колай I не пожелал принять отъезжающего посла. (П. Е. Щеголов. Дуэль Пушкина и Дантеса. «Исторический вестник», т. 100, 1905.)

Граф Бенкendorf в свою очередь подтверждает этот необычный в дипломатическом мире случай и говорит, что император, как хороший семьянин, был просто поражен гнусностью Геккерна. (Записки гр. Бенкendorфа. «Исторический вестник», т. 91, 1903.)

Как видно из записок А. О. Смирновой, Геккерн был отзван по требованию императора Николая I, написавшего королеве голландской Анне Павловне, его сестре, личное письмо с своим негодованием по поводу поведения посла Голландии. Кроме того, А. О. Смирнова приводит еще один случай отрицательной оценки императором Дантеса. Как-то гр. Бенкendorf характеризовал Николая Павловича Дантеса как хорошего офицера, на что император вскричал: «Хороший офицер? Танцор! Он часто бывал под арестом!» Этот случай ей был известен от Перовского, присутствовавшего во время этих пререканий между императором и графом Бенкendorфом.

Пушкин понял Николая Павловича и полюбил его и хотел солидаризировать интеллигенцию и трон. По поводу возможности издания журнала Пушкин написал: «Страстно бы взялся бы за редакцию политического и литературного журнала, то есть такого, в коем печатали бы политические заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые всё еще дичатся, *напрасно полагая его неприязненным к просвещению*» (А. О. Смирнова. Записки. Вышеуказанный сборник. Выделено нами. — М. З.).

Как известно, Николай Павлович пожаловал Александру Сергеевичу Пушкину звание камер-юнкера, придворное звание, с тем чтобы поэт имел какой-то постоянный доход, в данном случае — оклад от Министерства Двора Его Величества. В связи с этим приятель поэта Соболевский разразился эпиграммой:

Сияй, сияй, о Пушкин, камер-юнкер,
Раззолоченный, как клюнкер.

Когда Пушкина не стало, император Николай Павлович разделил общую печаль и одновременно сделал всё от него зависящее, чтобы облегчить судьбу его семьи, — он:

- 1) приказал выдать на похороны 10000 рублей;
- 2) распорядился оплатить долги Пушкина в сумме 92500 рублей;
- 3) приказал произведенные казначейством удержания про-

центов со ссуды Пушкина, в порядке отчисления в пользу инвалидов (5%), вернуть семье поэта;

4) приказал выдать из Главного казначейства 50000 рублей на первое посмертное издание произведений Пушкина;

5) а министру внутренних дел предложил циркулярным письмом содействовать реализации этого издания;

6) отдал распоряжение очистить от долгов имение Пушкина, дабы обеспечить малолетних детей поэта;

7) установил пенсии: вдове до нового замужества по 5000 рублей в год; дочери до замужества по 1500 рублей в год; сыновьям — до вступления на службу по 1500 рублей каждому в год. (По Архиву опеки Пушкина. Летопись Государственного литературного музея.)

Это ли не милость, не щедрость, не признание таланта!

Некоторые подумают: но это Пушкину, величайшему поэту и писателю России, а как другим? Нет, и к другим так же щедр был Николай Павлович: например, к Батюшкову, Загоскину, Каратыгину и др.

Что касается цензурирования Николаем Павловичем произведений Пушкина, то все завидовали поэту. Так, мы говорили уже, что князь П. А. Вяземский писал (6 января 1827 г.): «Пушкин получил обратно свою трагедию из рук Высочайшего цензора. Дай Бог каждому такого цензора...» (Из письма кн. П. А. Вяземского от 6 января 1827 года. Пушкин в воспоминаниях современников. Гос. изд. художественной литературы, 1950).

А тот же князь по этому поводу написал Пушкину: «Ты счастлив, твой цензор дает тебе дышать и режет только Аббас-Мурзу в горах и жжет Ибрагима на море. Мне хочется иногда просить тебя пустить в свой жемчуг мои бруски для свободного пропуска...» (Из письма кн. П. А. Вяземского к А. С. Пушкину от 22 ноября 1827 г. Там же).

Безобразия с цензурой, творимой безграмотными цензорами разных ведомств и начальниками в этих ведомствах, шли помимо воли императора, против его желания, против его благожелательного отношения к литературе. Сам Пушкин по этому поводу писал: «Не он виноват в свинстве его окружающих» (А. С. Пушкин и его эпоха. Политические взгляды Пушкина. «Иллюстрированная Россия», 1937).

Николай Павлович любил театр и всячески поддерживал его таланты. Мы уже приводили имена актеров и драматургов, обилие которых показывает, что имело смысл писать пьесы; если бы театр и драматурги зажимали, едва ли многие рисковали бы писать в стол.

Говоря о театральной жизни в связи с отношением императора к театру, укажем милый и остроумный ответ Николая Павловича известной заграничной актрисе Рашель. Она в первый свой приезд в Петербург потребовала от театральной администрации, чтобы в ложах сидело не более четырех зрителей, чем она вызывала большую раскупаемость билетов. И как-то, когда она при встрече с императором стала жаловаться на то, что он редко бывает на её спектаклях, Николай Павлович, не растерявшись, ответил:

— Моя семья так велика, что я боюсь, чтоб не быть пятым в ложе.

Конечно, этим он осудил её надменное требование и, так сказать, поставил её в деликатной форме на место, а вместе с тем, не стал женщине говорить о действительной своей занятости по делам государственного управления. Он таких разговоров с женщинами вообще избегал.

Отрицать уродливость чиновничего аппарата Николаевской эпохи не станем, но мы намерены подчеркнуть, что она была не в столь больших размерах, как это принято представлять. Не надо забывать о тяжелом наследстве от Александровской эпохи, когда бюрократизм, взяточничество и прочие пороки бюрократии расцвели пышным цветом, которые легко и не сразу можно было вывести. Бессмертные произведения Гоголя, Грибоедова, Островского, Салтыкова-Щедрина и других наших классиков со всей остротой критической мысли представляют яркую галерею общественных уродов, но, во-первых, они, в сущности, бытуют типы, взятые ими из предыдущей эпохи, и, во-вторых, это были аномальные типы, аномальные явления, которые тем самым вызывали протест общества; эта уродливость, проходя через призму общественной мысли, общественной критики, проектировалась в сознании всего общества тенью большей величины, чем сама реальная действительность. Конечно, нехватка людей, тем более образованных, вынуждала администрацию терпеть их недостатки и терпеливо ждать новое поколение гуманных людей. Сам же Николай Павлович не любил нечестных, корыстных, эгоистических и путаных людей и он сурово карал за взяточничество и прочие безобразия.

Заметим также, что уродливость чиновных людей первой половины XIX века по сравнению с советской уродливостью представляется столь незначительной, что будущие поколения будут удивляться тому времени и принимать типы, нарисованные нашими классиками, лишь за предвидение советской действительности.

Как мы отмечали в другой главе, декабристы искренне раскаивались в своем поступке и Каховский был в восторге, когда при его допросе император сказал ему: «Я первый гражданин в своем отечестве».

Император Николай I был первым императором, посетившим Кавказ, и, будучи в Тифлисе, после торжественной встречи сказал: «...нельзя не удивляться, как чувства народной преданности к лицу монарха не изгладились от того скверного управления, которое, сознаюсь, к моему стыду, так долго тяготеет над этим краем».

От себя мы добавим, что такой любимый русский писатель, как Пушкин, боялся крайностей и считал, что только просвещенный и здоровый консерватизм может оградить культуру, прощевение, науку и искусство, то есть все ценности, которые накапливаются веками. Революция же, по его мнению, всё это сокрушит. И как прав он оказался! Нам с душевной горечью придется в этом убедиться.

В главе «14 декабря и Николай I» мы уже затронули тему о господствовавших мировоззрениях, но здесь снова вернемся к ней.

К началу XIX века Россия оставалась страной с аграрно-крепостническим укладом. Политическим идеологом в Александровскую и затем в Николаевскую эпохи был Карамзин, историк, писатель и мыслитель, политическое кредо которого определялось формулой: православие — самодержавие — народность. Детальное изложение его взглядов выражено в записках «О древней и новой России» и в «Мнении русского гражданина», где Карамзин совершенно ясно утверждал необходимость для того времени у нас самодержавия.

Карамзин, когда Александр I мечтал об отказе от самодержавия, написал императору: «Россия перед святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти. Можешь все, но не можешь законно ограничить её».

Но не только русские того времени смотрели так, но и, например, чешский деятель национального движения Палацкий, который в беседе с Юрием Самариным так определил пути развития чехов и русских:

«Россия должна развиться и устроиться совершенно самобытно; в этом и вся наша надежда; но от нас не ждите и не требуйте, чтобы выработали какие-либо новые политические формы. Мы слишком глубоко приняли в себя германскую образованность и мы не в состоянии от неё отрешиться: *Wir sind zu sehr in ihre Gegensätze begriffen*. Наше дело было спасти народное вещество

от материального поглощения его чуждой стихией, и мы этого достигли, воскресив в себе историческую память и отстояв свой язык; но в нас пересохло начало исторического творчества» (Бар. Б. Нольде. Юрий Самарин и его время. ИМКА-ПРЕСС. 2-е изд.).

По мнению Карамзина, самодержец нес священную миссию — служения России. Как и Пушкин, мнение которого мы выше привели, Н. М. Карамзин был врагом революции, ибо он признавал лишь эволюцию. И, скажем, не только он, мыслитель и историк, так полагал, но и большинство мыслящих людей русского общества, да и сам император Николай I находился в числе таковых и, более того, он был последовательным и убежденным сторонником этой идеологии.

Николай Павлович серьезно воспринимал самодержавие, как освященное Свыше и как строй, установленный просвещенной его бабушкой, Екатериной. В связи с этим напомним некоторые параграфы «Наказа» Екатерины II:

9. Государь России есть монарх самодержавный, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно с пространством толь великого Государства.

10. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присыпаемых, награждало медление, отдаленностью мест причиняемое.

12. Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угоджать многим.

13. Цель самодержавного правления не в том, чтобы у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направлять к получению от них самого большого от всех добра.

19. Государь есть источник всякой власти политической и гражданской.

В том же наказе имеются и определения гражданской свободы. Так, в параграфах 36 и 37 говорится, что «политическая, гражданская вольность состоит не в том, что каждый может делать, что ему угодно, а в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть и чтобы не быть принужденны делать то, что хотеть не должно».

А в параграфе 39 говорится: «Политическая свобода есть спокойствие духа, происходящее от убеждения граждан, что всякий из них наслаждается безопасностью».

В наказе сказано и о нравственности, как источнике благосостояния, что только тот народ имеет право пользоваться благосостоянием, в котором развито чувство долга, законности, справедливости. Но, чтобы возвысить нравственность, нужно

дать народу надлежащее воспитание, ибо таковое создает Людей.

А потому Николай Павлович любил и ценил Карамзина, что видно хотя бы из его отношения, из его реакции на смерть историка и мыслителя (22 мая 1826 года), когда император неожиданно приехал на квартиру покойного, чтобы поклониться праху Карамзина. Свидетели рассказывают, что у императора всё время беспрерывно текли слезы и он так расстроился, что не мог войти в комнату, где собралась семья покойного, а поцеловав руку и лоб покойного, вышел прямо в сад, чтобы успокоиться. Вдове же послал сказать, что будучи в расстроенных чувствах, он не посмел к ней приблизиться, чтобы своим видом еще более не усилить её горе. (И. Телешев. Император Николай I в Курске. «Исторический вестник», т. 33, 1888.)

Большую часть своего царствования император Николай I оставался твердым в своих убеждениях, был полон веры и энергии при исполнении своей божественно освещенной миссии. И это было понято многими передовыми людьми. Политический быт и социальная жизнь Западной Европы, каковы они были в действительности, нанесли идею западников существенный удар, что признал Герцен: «Скажем, ясновидением взглянул я в душу буржуа, в душу рабочего и ужаснулся». И далее записал: «В тирании без тирана есть что-то отвратительнейшее, нежели в царской власти. Там знаешь, кого ненавидишь, а тут анонимное общество политических шулеров и биржевых торгаши, опирающееся на общественный разврат, на сочувствие мещан, опирающееся на полицейских пиратов и на армейских кондотьеров, душит без увлечения, гнет без веры, из-за денег, из страха...» А в работе «С того берега» Герцен со всей остротой разочаровавшегося человека написал: «В демократии — страшная мощь разрушения, но когда она примется создавать, теряется в ученических опытах, в политических этюдах... Действительного творчества нет».

Николай Бердяев так объясняет критическое отношение Герцена к западному мещанству: «Восстание Герцена против западного мещанства связано было с идеей личности. Средневекового рыцаря заменил лавочник» (Николай Бердяев. Русская идея. ИМКА-ПРЕСС. Париж).

А Константин Аксаков на ту же тему писал: «На Западе души убиваят, занимаясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством; совесть заменяется законом, внутренние побуждения — регламентом, даже благотворительность превращается в механическое дело; на Западе вся забота о государственных формах...» (К. Аксаков. Записка

«О внутреннем состоянии России. Полное собрание сочинений под редакцией И. С. Аксакова. 1861—1880).

Да, стремление к перенятию западных форм сильно повредило русскому народу и России. Западу ведь не понять русского и русских, у которых не форма важна, а содержание, а таковое исходит из души и из сердца. Поэтому-то прав англичанин, говоривший Пушкину, что русский крестьянин — свободный человек, несмотря на барщину, на крепость к помещику.

Убедившись в несостоятельности апостолов революции, в их духовном и творческом бессилии, Герцен в своем «Былое и думы» (IV) изрек: «Какое счастье, что все энтузиасты похоронены!» А в письме к Тургеневу (1857 г.) находим: «Добросовестно, с покорностью перед истиной и скорее с предрассудками в пользу Запада, чем против него, изучая его десятый год не в теориях и книгах, а в клубах и на площадях, в средоточии всей политической и социальной жизни его, должен сказать, что ни близкого, ни хорошего выхода я не вижу». А в статье «На краю нравственной гибели», задавая вопрос — должна ли Россия следовать Западу, — четко и определенно заявил: «Я чую сердцем и умом, что история толкается именно в наши (русские) ворота».

А позже Лев Толстой, проверив опыт Запада, в своих педагогических статьях, заявил: «Мы, русские, не имеем никаких оснований предполагать, — ни того, что мы должны необходимо подлежать тому же закону и цивилизации, которому подлежат европейские народы, ни того, что движение цивилизации вперед есть благо».

Аналогичные мысли находим у теоретика народничества, публициста и литературного критика Н. К. Михайловского, который в своих «Литературных воспоминаниях» (III) пишет: «Движение европейской цивилизации ... совершается нецелесообразно и неразумно, но с ним следует бороться». Как видим, Михайловский «не хочет сделать из России второе издание Европы, не хочет буквально повторения всего европейского опыта», что видно из тех же его «Литературных воспоминаний», где к тому же он выражается более определенно:

«Можно требовать от России буквального повторения истории Европы в экономическом отношении, но можно представить себе и другой ход вещей. Мы представляем собой народ, который был до сих пор, так сказать, прикомандирован к цивилизации. Наша цивилизация возникает так поздно, что мы успели вдоволь насладиться на чужую историю и можем вести свою собственную вполне сознательно — преимущество, которым в такой мере ни один народ в мире до сих пор не пользовался...»

Н. В. Гоголь также критически относился к Западной Европе и её новейшим установлениям, он признавал, что Европа «болеет» необыкновенной сложностью всяких законов и постановлений, и потому предостерегал от гибельного европейского пути. Как у Гоголя в его трактате «О православной России», так и у Достоевского в его «Дневнике писателя» находим одно и то же — явное отрицание Западной Европы.

Различное отношение к жизни у русских и у европейцев — тема, которая живо затронула сердце нашего глубокого мыслителя и писателя Федора Михайловича Достоевского, написавшего в «Дневнике»:

«Если же нет братьев, то никаким «учреждением» не получите братства. Что толку поставить «учреждение» и написать на нем: Свобода, Равенство, Братство? Ровно никакого толку не добьетесь тут «учреждением», так что придется присовокупить к трем «учредительным» словечкам четвертое: «ou la mort», «fraternité ou la mort» — и пойдут братья откалывать головы братьям, чтобы получить через гражданское «учреждение» братство. Это только пример, но хороший. Вы, г. Грановский, как Алеко, ищете спасения в вещах и явлениях внешних: «пусть-де у нас в России поминутно глупцы и мошенники (на иной взгляд, может, и так), но стоит лишь пересадить к нам европейские формы (которые там завтра же рухнут), народу нашему чужды и воле его неприхожие, есть, как известно, самое важное слово русского европеизма».

Поэт Языков также боролся против навязывания западничества:

Вы, люд заносчивый и дерзкий,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!

Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет проклятый ваш язык!
Крепка, надежна Русь святая,
И Русский Бог еще велик!

Прав был Языков, называя школу западников «не русской», «богомерзкой», ведь за Грановским пошли чернышевские, за чернышевскими — бакунины, за бакуниными Ленин и Сталин, превратившие Россию в «богомерзкий» синоним.

Таким образом мы видим, что в передовых, почитаемых умах, и не только Николаевской эпохи, жил умственно и душевно

отказ от Европейской модели, завезенной и самим Александром I и его офицерами-декабристами из Западной Европы. Ф. М. Уманец так поэтому характеризует мировоззрение Николая Павловича:

«Мировоззрение Николая I имело большой смысл, как противодействие увлечениям и некоторой распущенности Александровской эпохи. Если Александр будил мысль, то Николай, прежде всего, умел комбинировать общественные силы. К этому прибавить замечательную силу воли, жажду деятельности, доходящий до самопожертвования патриотизм, идеально честное отношение к тому, что он считал своей обязанностью, и верность своему слову...»

И далее:

«Александра с широкими планами и идеализмом понимали, может быть, два десятка образованных русских людей его времени... Гений Николая общедоступный, более по мерке среднему русскому человеку того времени. Он более удовлетворял, если не истинным потребностям России, то её *общественному мнению*. Николай более был сыном своего века, чем Александр своего, он *чувствовал за собой всю Россию!*» (Ф. М. Уманец. Проконсул Кавказа. «Исторический вестник», т. 33, 1888. Выделено нами. — М. З.).

Итак, мы видим у Николая Павловича ту же нелюбовь к Западной Европе, как и у многих ведущих, почитаемых людей, он её недолюбливал, как её недолюбливали Карамзин, Гоголь, Языков, Пушкин, Константин Аксаков, Достоевский, Михайловский и как понявший, наконец, Герцен, как историк князь М. М. Щербатов, который в своих трактатах «О повреждении нравов в России» констатировал, что сближение с Западной Европой, хотя и поправило нашу внешность, но одновременно, что весьма печально и больно, разрушило нашу русскую древнюю нравственность, наш русский древний и чистый общественный уклад, нашу крепкую, чистую и глубокую веру православную. Мы видим, что идеи, оценка нашего сближения с Западной Европой весьма и весьма близка такой же оценке и Языкова, и Николая Васильевича Гоголя, глубоко и даже мистически верующего русского душой и сердцем человека, к тому же близкого простому народу, понимавшего его болезни и печали, его радости, заботы и тревоги.

Созвучие этих передовых русских людей, русской духовной и интеллигентской элиты, с мировоззрением, душевной настроенностью императора Николая Павловича, как мы видим, полное и однозначное, звучащее гармонией, звучащее в одном ключе.

Весьма дельное и справедливое замечание сделал в своей «Записной книжке» П. А. Карагыгин, известнейший драматический актер и режиссер того времени, записавший: «Вольтер сказал, что разумный человек должен быть свободным. Жаль, что он не учил свободу быть разумной». Это понимал и император Николай Павлович, это понимали и передовые русские люди его эпохи и, скажем мы, это поняли и русские люди позже, вынужденные оставить свою родину и отдать свое тело чужой земле.

Так мудро сказал тот Карагыгин, о котором поэт Николай Агнивцев вспоминал:

Я помню радостные миги...
Я помню преклоненный зал,
Когда бессмертный Карагыгин
Вдвоем с Бессмертием играл!

Интересно также письмо ученого и публициста Бориса Чичерина, написанное к издателю «Колокола»:

«В обществе ином, которое не привыкло еще выдерживать внутренние бури и не успело приобрести мужественных добродетелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднее, нежели где-либо. У нас общество должно купить себе право на свободу разумным самообладанием, а вы к чему приучаете? К раздражительности, к нетерпению, к неустойчивым требованиям, к неразборчивости средств. Своими желчными выходками, своими, не знающими меры шутками и сарказмами, которые носят на себе заманчивый покров независимости суждений, вы потакаете тому легкомысленному отношению к политическим вопросам, которые и так уже слишком у нас в ходу. Да, нам нужно, конечно, независимое ни от кого общественное мнение — это едва ли не первая наша потребность; но общественное мнение, умудренное, стойкое, с серьезным взглядом на вещи, с крепким закалом политический мысли, общественное мнение, которое могло бы служить правительству и опорой в благих начинаниях, и благоразумно задержкою при ложном направлении» (Письмо к издателю «Колокола», опубликованное в сборнике «Несколько современных вопросов»).

Видимо, это письмо заставило Герцена глубже вникнуть в социально-политическую жизнь Запада и убедиться в ложности её направления.

Так или иначе, отталкивание от Запада усиливало позицию славянофилов и спор этих полюсов продолжался поколениями и, более того, и теперь в Советской России славянофильские идеи стали ведущими в кругах независимой общественности. Мы про-

иллюстрируем этот спор куплетами Константина Сергеевича Аксакова из его водевиля «Москва и Петербург». Вот диалог этих городов, имперской столицы и белокаменной Москвы. Приводим, поскольку водевиль этот давно забыт и приводимое мало кому известно:

ПЕТЕРБУРГ:

России город европейский,
Богат и бесподобен он,
В нем блещет шпиль адмиралтейский,
В нем корабли от всех сторон.

Империи краса столица,
Он возрастает каждый час,
Он центр, в том всякий согласится,
Цивилизации у нас.

Во всем характер просвещенья,
И сказано о нем давно,
Что в нем в Европу, без сомненья,
Для нас прорублено окно.

Как пышно он себя украсил!
Мосты, проспекты, Летний Сад,
Как он себя обезопасил!
Он в море выдвинул Кронштадт.

К нему и враг не прикасался;
В России было много бед,
Но он всегда от них спасался,
Ему не вреден общий вред.

Всё это делает не ломко,
Он мудр и славен, как Ликург,
И тост произношу я громко:
Да здравствует Санктпетербург!

МОСКВА:

Столица древняя, родная,
Её ль не ведает страна?
Её назвать, и Русь Святая
С ней вместе разом названа.

У ней с землей одни невзгоды,
Одно веселье — общий труд.
Её дела — любовь народа
Ей право вечное дают.

За Русь она не раз горела,
Встречая полчища племен,
За Русь она не раз терпела
И поношение и плен.

В напастях вместе с нею крепла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь из пепла
И с нею Русская земля.

Но в страхе врагам, на радость края
Она велика и жива,
И старый клич я поднимаю:
Да вечно здравствует Москва!

(Ольга Н. Из воспоминаний, «Русский вестник»,
т. 191, 1887.)

Мы не затронули в настоящей главе нашу русскую духовную культуру, как православную, так и культуру других вероисповеданий. Император Николай Павлович заботился об улучшении положения в духовной жизни, заботился об улучшении положения духовенства и о подготовке образованных пастырей. Прежде всего он провел меры по улучшению материального положения сельского духовенства с тем, чтобы они могли приобретать и читать книги, журналы и быть на уровне современных тогда требований жизни и с тем, чтобы авторитет сельского батюшки в глазах его паствы стал выше и тверже. При императоре Николае I издан устав епархиального управления, а также преобразованы, с той же целью поднятия культурного уровня духовенства, духовные училища, открыта четвертая православная Духовная академия, осуществлены и другие необходимые меры.

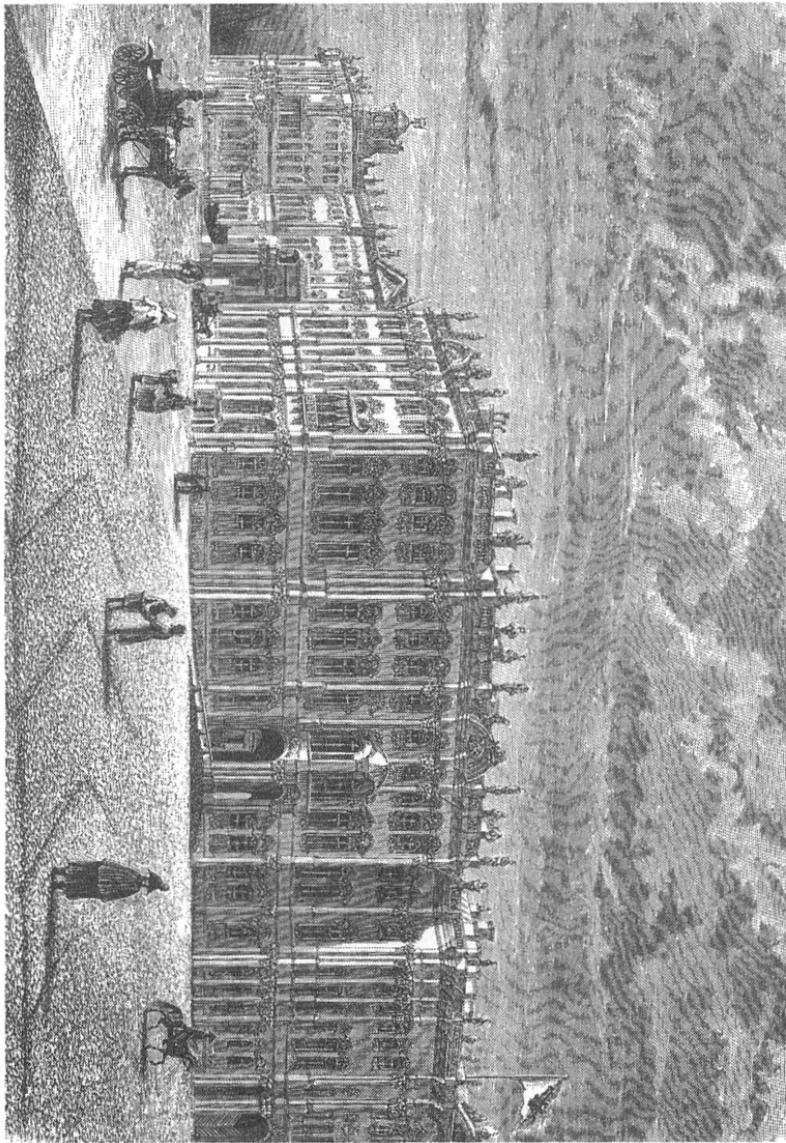
Но как мы сказали, и другим вероисповеданиям император уделял внимание: мы уже указывали об открытии Римско-католической духовной академии в городе Вильно и об открытии духовных училищ на Кавказе.

Все это делал император, понимая, что нравственность создается прежде всего религией, понимал он также, что начало соборности Руси заключено в соборности на местах, в церковности приходских общин. Понимал он, что этим и крепка Русь.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Исторический очерк М. С. Лалаева. Император Николай I — зиждитель русской школы. СПБ. 1896.
2. Месяцослов в 1853 году. СПБ.
3. Виктор Фукс. Реформа реформы 1864 года. «Русский вестник», т. 190, 1888.
4. М. Ю. Лермонтов. Сочинения.
5. Н. Г. Макиевский-Зубов. Кавказ и кавказские наместники. «Вестник Европы», т. I, 1906.
6. Н. Любимов. Михаил Никифорович Катков. «Русский вестник», т. 194, 1888.
7. Воспоминания А. М. Карагыгиной. «Русский вестник», т. 152, 1881.
8. Воспоминания М. Ф. Каменской. «Исторический вестник», т. 56, 1894.
9. Ф. Н. Глинка. Удаление А. С. Пушкина из С. Петербурга в 1820 году. Сборник «Пушкин в воспоминаниях современников». Гос. изд. художеств. литературы, 1950.
10. И. Д. Якушкин. Записки. Тот же сборник.
11. М. И. Осипова. Рассказы о Пушкине. Тот же сборник.
12. А. Н. Вульф. Из дневников. Тот же сборник.
13. Из письма Жуковского Пушкину от второй половины сентября 1825 года.
14. А. С. Пушкин. Сочинения.
15. П. Е. Щеголев. Дуэль Пушкина и Дантеса. «Исторический вестник», т. 100, 1905.
16. Записки графа Бенкendorфа. «Исторический вестник», т. 91, 1903.
17. А. О. Смирнова. Записки. Сборник «Пушкин в воспоминаниях современников». Госиздат худож. литературы. 1950.
18. По Архиву опеки Пушкина. Летопись Государственного литературного музея.
19. Из письма кн. П. П. Вяземского А. С. Пушкину от 22 ноября 1827 года. Там же.
20. А. С. Пушкин и его эпоха. Политические взгляды Пушкина. «Иллюстрированная Россия», 1937.
21. И. Телешев. Император Николай I в Курске. «Исторический вестник», т. 33, 1888.
22. Николай Бердяев. Русская идея. Париж, ИМКА-ПРЕСС.
23. К. Аксаков. Записка «О внутреннем состоянии России». Полное собрание сочинений под ред. И. С. Аксакова. 1861—1880.
24. А. И. Герцен. Былое и думы.
25. А. И. Герцен. На kraю нравственной гибели.
26. А. И. Герцен. Письмо к Тургеневу. 1857.
27. Лев Толстой. Педагогические статьи.
28. Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания (I и III).
29. Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Т. I. СПБ., изд. Маркса, 1895.
30. Н. М. Языков. Сочинения.
31. Ф. М. Уманец. Проконсул Кавказа. «Исторический вестник», т. 33, 1888.
32. Кн. М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России.
33. П. А. Карагыгин. Записная книжка.
34. Николай Агницев. Сборник стихов «Блестящий Санкт-Петербург», Лондон. 1968.
35. Б. Чичерин. Письмо к издателю «Колокола». Сборник «Несколько современных вопросов».
36. Ольга Н. Из воспоминаний. «Русский вестник», т. 191, 1887.
37. М. Николаевич. Историческая объективность или некоторые исторические параллели. Изд. «Эхо», 1948.
38. «Наказ» имп. Екатерины II.
39. И. В. Мещанинов. Памяти принца П. Г. Ольденбургского. «Исторический вестник», т. 129, 1912.
40. М. — Павел Андреевич Федотов. «Исторический вестник», т. 54, 1893.

Зимний дворец. С грав. XIX в.



Глава 5

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ

В предыдущей главе мы, собственно, уже затронули эту тему, но, однако, по важности вопроса о русской культуре того времени, мы выделили последний в самостоятельную тему, хотя и связанную с настоящей. В конце предыдущей главы мы даже коснулись общей оценки русского общества, а теперь развернем эту оценку в более широком объеме.

Когда вы смотрите «Ревизора», то забываете, что начало разврата русского общества относится вовсе не к Николаевской эпохе, а к предыдущим, в частности к эпохе Александра I. А. А. Верещагин отмечает оценку Екатерины II её любимого внука Александра Павловича, как «множество противоположностей» и дает в дополнение свою характеристику этого Государя:

«Слабовольный Государь был способен одновременно мечтать о конституции и дрожать за самодержавие, думать об отмене крепостного права и вводить военные поселения, сменять смелых реформаторов строгими блюстителями порядка, приближать Кочубея, Новосильцева, Строгонова, Чарторыйского и дружить с грубым и тусклым Аракчеевым».

И далее Верещагин пишет:

«Политические идеалы первых дней царствования Александра I скоро стали признаваться несбыточной мечтой. Рядом с гуманными законами на бумаге — продолжал царить безграничный произвол богатого и сильного; в административных учреждениях — вопиющие злоупотребления; в суде — поголовное взяточничество» (А. А. Верещагин. Памяти прошлого).

Сам Александр I, ощущая отсутствие в достаточной степени нужных людей, жаловался Наполеону: «А у меня не хватает того, что у вас называется людьми, даже для составления министерства. И, кроме того, мне приходится переделывать тысячу вещей; места занимают люди негодные» (В. К. П. Исторические силуэты. «Исторический вестник», т. 44, 1891).

Нам представляется, что «люди» были, хотя и недостаточно для заполнения всего административного аппарата, — но кто захочет быть у дела заведомо неверного, когда сегодня этак, а завтра совсем наоборот; переделки ведь были основным в характере Александра I, а переделываться не каждый способен по своим нравственным взглядам. Тот же источник указывает, что посол Наполеона в Петербурге, Коленкур, писал своему импера-

тору: «Можно ручаться за что-нибудь в стране, где за весьма немногими исключениями, нет ни людей, ни правил?»

А В. Р. Зотов приводит мнение Никитенко, говорившего об императоре Николае I, что он знает «науку царствовать», что «его строгость к другим — в связи со строгостью к себе. Это, конечно, редкость в государях самодержавных. Но ему недостает главного — людей, которые могли бы быть ему помощниками. У нас есть придворные, но нет министров; есть люди деловые, но нет людей с умом самостоятельным, с душою возвышенной. Один Сперанский» (В. Р. Зотов. Цензор и профессор. «Исторический вестник». Т. 54, 1893).

Сенатор Фишер говорил: «Важно не то, что кое-где на местах администраторы не на месте, но самое важное, что много было людей нечеловеческого образа: купец рвался к богатству, проглатывая очередную жертву; управляющий имением богател за счет обкрадывания владельца и притеснения крепостных; карательный кляузничал на людей, не давших ему взятки, а судили в пользу дающего; брат шел на брата, человек человеку волк был. «Хамелеоны» расплодились на земле» (Записки сенатора Фишера. «Исторический вестник», т. 113, 1908).

Разумеется, одному честному, трудолюбивому и умному Николаю Павловичу трудно было справиться со столь многочисленными болячками и потому он приветствовал и хвалил «Ревизора», потому стремился расширить просвещение и всячески поддерживал деятелей культуры, и всё это для того, чтобы перевоспитывать людей, перевоспитывать не насилием, а именно прощением. Он не боялся критики, а наоборот, жаждал критики, — конечно, не злобной, а здоровой. Об этом повествует Н. А. Энгельгардт следующим образом:

29 февраля 1856 года состоялся домашний спектакль у великой княжны Марии Николаевны, когда давали пьесу графа Соловьева «Чиновник», в которой идеальный чиновник Надимов требовал кликнуть на всю Россию: «Искоренить зло с корнями!», то есть взяточничество. Когда же император Александр II стал хвалить эту пьесу, то Плетнев начал говорить о состоянии общественных нравов и что об этом будто бы нельзя говорить было, но Государь во всеуслышание справедливо заметил: «Давно бы пора говорить это!» (Н. А. Энгельгардт. Цензура в предреформенную эпоху. «Исторический вестник», т. 90, 1902.)

Мы здесь добавим, что «великих молчальников» было много и в Николаевскую эпоху, и второе, — что Николай Павлович вызывал к откровенности. Но каков же был правящий слой? Кто были помощниками императора?

К. И. Фишер так оценивает помощников императора:

«Николай Павлович служил России так усердно, как не служил ни один из его подданных; он трудился добросовестно, не ошибался в системе, и был обманываемым с отвратительным цинизмом. Он был несчастлив в выборе людей. Он назначил шефом жандармов Бенкendorфа... Образованный человек, доброго сердца, благородного характера, неустрешимый, чего же более? И далее отвечает на свой вопрос: но он был беспечным... Государь им верил, и как они отплатили ему, за его доверие? Бенкendorf всё забыл из-за своей беспечности; Орлов вмешивался в грязные спекуляции; Воронцов оклеветал Муравьева, лучшего русского генерала; Панин сделал всё, что мог к унижению Сената; Меньшиков не обманывал Государя, но ни одной правды не умел сказать, не обинуясь... Что должна выстрадать его (Государя. — М. З.) натура, когда он увидел, что во всем ошибался и во всем его обманывали... Патриотизма не было ни в ком из его окружающих; главнокомандующего лишали средств обороны из страха, чтобы он не сделался фельдмаршалом... Десять лет прошло со времени его (Николая I. — М. З.) кончины, но я скорблю еще о нем. Он тяжело искупил свои невольные ошибки, он безупречен был в помышлениях, патриот, труженик и честный человек!» (Записки сенатора К. И. Фишера. «Исторический вестник», т. 113, 1908).

Тот же Фишер указал также на равнодушие министра внутренних дел Новосильцева к делу и еще большего равнодушия графа Гурьева, киевского, черниговского, полтавского и подольского генерал-губернатора, который целое утро просиживал в оранжерее, рассматривая болезненные растения и подрезывая их для определения болезни. А когда ему докладывал адъютант, что директор канцелярии ожидает с бумагами, он с явным неудовольствием покидал оранжерею.

Илья И. Г. Бибиков, виленский, минский и ковенский генерал-губернатор, позволивший о директоре канцелярии, докладывавшем ему, сказать: «И этот дурак воображает, что я его слушаю». (Записки сенатора Фишера. «Исторический вестник», т. 113, 1908.)

Фишер приводит пример саботирования царского приказа о снятии таможенного кордона между Финляндией и Петербургской губернией, когда саботажники сочли приказ за безграмотную меру и стали тихой сапой его проваливать, затягивать в надежде, что Государь забудет о нем. Как пишет Фишер, они думали, что Николай Павлович невежда в таможенных вопросах, но Фишер, будучи на приеме у Государя, выслушал прекрасный царский доклад по таможенному вопросу.

Таковы были помощники, которых приходилось терпеть из-за недостатка подходящих людей.

Дворянство не было единым: столичное — уподоблялось западной аристократии, а в политическом плане пыталось, по старинке, решать судьбы России; поместное же, как показывает А. Тройницкий, в свою очередь, расслаивалось на три категории: «сеньоров», зажиточных и, наконец, обедневших. Первые представляли дворян, имевших более одной тысячи крепостных мужского пола и составлявших по данным 1858 года всего лишь 1,1% дворянства. Зажиточные, владевшие от ста до тысячи душ, составляли 20%, а обедневшие, владевшие менее чем ста душами, составляли почти 80% всего дворянства. Материальное неравенство дворян вызывало и различное их отношение к государству и к самодержавию. «Сеньоры» жили, как многие показывают, восточными пашами, с многочисленной прислугой, имея множество лошадей, не считая ни доходы, ни расходы, а потому часто оказывались в долгах и, не считаясь с этим, продолжали вести роскошную жизнь. Молодые же поколения их прожигали жизнь в Париже, на ривьерах, в венских салонах, забывая свою страну, свой народ.

Бедные дворяне жили, ото дня ко дню, сжимаясь под реальностью недостатка, в отношении же к государству, к императорской власти полагали самодержца гарантом хоть небольшой, а всё же их земельной собственности.

Средняя же группа дворянства, владевшая в среднем 470 крепостными душами обоего пола, имела возможность пользоваться культурными достижениями, получать и давать своим детям хорошее образование и тем быть независимыми гражданами империи. Обычно эти дворяне жили в городе и лишь на лето переселялись в свои поместья. Но эта группа, составлявшая примерно 18500 семей, дала наибольший вклад в российскую культуру, да и не только в российскую, ибо именно из неё вышли многие интеллектуальные, государственные и общественные деятели. Однако из этой же группы дворянства вышли и политические прожектёры, как кн. Кропоткин, Бакунин, Плеханов, Герцен и другие.

Если же говорить о дворянстве в целом, то дальнейшие наши иллюстрации достаточно хорошо характеризуют российскую «элиту».

(Многие фактические данные приведены нами здесь по: А. Тройницкий. Крепостное население в России по десятой народной переписи. СПБ, 1861.)

Но что собой представляло дворянство? Наиболее яркую характеристику мы видим у Плетнева, в его стихотворении, посвященном бар. Дельвигу:

Дельвиг! как бы с нашей ленью
Хорошо в деревне жить;
Под наследственною сенью
Липец прадедовский пить;

Беззаботно в полдень знойный
Отдыхать в саду густом,
Выйти под вечер спокойный
Перед сладким долгим сном;

Ждать по утру на постеле,
Не зайдет ли музя к нам;
Позабыть все дни в неделе
Называть по именам;

И с любовью не ревнивой
Без чинов и без хлопот,
Как в Сатурнов век счастливый,
Провожать за годом год!

Так жили старосветские помещики, так жили Обломовы, жили жизнью трутней, не давая ничего стране и народу и пользуясь правом, добытым давнишними их предками.

Характеристику поместному дворянству того периода можно найти из следующих картин, достойных пера наших русских сатириков. Как рассказывает Булгаков, губернатор Калужской, а затем Тамбовской губерний, некоторые дворяне откидывали такие «артикулы», что ему приходилось опасаться за свое губернаторское место. Так, в Калужской губернии, когда Калугу навещал цесаревич Александр Николаевич, одна дворянка решила подать ему прошение, что ей в этот раз не удалось. Но через месяц цесаревич возвращался с юга снова через Калугу и она написала новое прошение, так как старое уже пожелтело. А это её обращение было написано не самой помещицей, а кем-то, но во втором прошении она решила исправить само обращение к цесаревичу, а именно — титулование «Августейшему», поскольку месяц август прошел и наступил сентябрь, на «Сентябрейшему».

В Тамбове, как повествует тот же губернатор, произошел вовсе исключительный «артикул». В губернии жил один помещик, никуда не выезжая и никого не посещая, в далеком медвежьем углу, и вот, он впервые попал в уездный город для участия в дво-

рянских выборах. Как его описывает Булгаков, это был человек «не то первобытный, не то обезьяна», весь заросший, растительность у которого начиналась от глаз, внутренне совершенный невежда. И вот этим своим видом он заинтересовал дворянское собрание, в котором нашлись балагуры и любители подшутить. Один из таковых на жалобу этого дикаря о своей скучной жизни предложил ему поступить на службу, уверяя, что служба многого не требует. Когда же дикарь сознался в том, что он никогда и нигде не служил и ничего не умеет, да и не знает, где можно искать службу, балагур разыграл невежду, уговорив его написать прошение о предоставлении ему места фрейлины. Такое прошение было написано и в конце концов попало к Николаю Павловичу, который потребовал к себе губернатора, намереваясь устроить ему взбучку. Но Булгакова спас его талант комично и интересно всё рассказывать и Государь, слушая описание этого дворянина, хохотал почти беспрерывно; смеялась затем и императрица, слушая пересказ своего супруга. (А. И. Соколов. Встречи и знакомства. «Исторический вестник», т. 123, 1911.)

Из письма Юрия Федоровича Самарина к князю Владимиру Александровичу Черкасскому видно, что даже московское дворянство «боялось труда». Самарин пишет: «Ведь это признаки неизлечимой болезни одряхления общества. Давайте будить, что есть силы!» Далее Самарин пишет, что эта болезнь принимала нередко резкие формы в виде раздражения, вызывавшего иногда «наступательное действие с неразборчивостью средств, часто наивных, а иногда прямо грубых». Так, например, на заседании тульского дворянского комитета по устройству быта помещичьих крестьян большинство, желая отклонить неугодное им заседание, сослались на то, что в комнате якобы угарно, и покинули зал, несмотря на отсутствие этой причины. В той же Туле, во время дворянских выборов, противники князя Черкасского потребовали бумагой с подписями от предводителя дворянства Арсеньева, чтобы тот ходатайствовал об удалении князя Черкасского, а когда Арсеньев отказался принять эту бумагу, они подняли такой шум, что пришлось закрыть заседание. А надо сказать, что князь Черкасский был представителем правительства. Он писал И. С. Аксакову о комитете: «Я, говоря с членами большинства, всегда говорю им, что они напоминают мне меня самого, когда мне было лет семь; меня ставили в угол, я блажил, плакал, кричал, топал ногами и всё-таки не хотел учить скучного урока».

А. Ф. Кони, которого мы выше цитировали, также пишет: «Россия состояла тогда из отдельных сословий, не связанных общими интересами. Умственная жизнь ограничивалась дворян-

ской средой, но в ней лишь незначительная часть состояла действительно из воспитанных людей, получивших здравые представления об обязанностях гражданина и правах человека. Остальная часть дворянства была бичом варварского деспотизма» (А. Ф. Кони. На жизненном пути. Ч. I. Ревель—Берлин).

Вместе с тем в то время наука считалась недворянским делом. Отношение же к труду и к крестьянам можно видеть из письма одной дворянки, вынужденной на время заняться своим хозяйством: «Я принуждена была смотреть за курами и деревенскими бабами; рассуди, радость моя, сносно ли благородной дворянке смотреть за такой подлостью». И А. И. Михайловский говорит, что русские помещики не желают следить за успехами сельского хозяйства в Западной Европе и что книги по этому вопросу не читают. (А. И. Михайловский-Данилевский. «Исторический вестник», т. 49, 1892.)

А разве не обличающий, ужасный для поместного дворянства факт, приводит князь Оболенский, а именно — указ императора Николая I по поводу зверского обращения Л. Д. Измайлова со своими крепостными и изъятия дела из ведомства тульских присутственных мест, ввиду их продажности, и передаче дела в присутственные места Рязанской губернии?

Но о бюрократии.. Вообще говоря, представители ее думали лишь о себе, о своем обогащении. Они ранее Бухарина выдвинули лозунг на своем щите: «Обогащайтесь!». Действительно, в бюрократическом аппарате мало было умных, дальних людей. Когда вопрос о перестройке железной дороги Петербург—Москва (позже по справедливости названной Николаевской) обсуждался министрами, то большинство высказалось против постройки, считая её невозможной и бесполезной. Министр финансов боялся больших расходов и не верил в её доходность, а министр путей сообщения Толь заявил, что новгородские болота, разливы рек и Валдайская возвышенность — неодолимые препятствия, и что мороз и снега будут помехой в эксплуатации дороги. Но Государь 1 февраля 1842 года заявил, что он соглашается с меньшинством, находит постройку дороги возможной и повелевает немедленно приступить к подготовительным работам и, как первый шаг, создал с этой целью Строительный комитет, возглавляемый цесаревичем Александром Николаевичем.

Позже министром путей сообщения был назначен Клейнмихель, о котором одни говорили, что он на строительстве дороги обогатился, другие, как сенатор Фишер, что Клейнмихель «стоил много денег государству азиатскими аллюрами по службе и мнимыми угодами Государю, но что он не воровал, что он

все же стоил государству меньше, чем Чернышев и Орлов, которые служили ширмой для организации воров, расплодившихся под их кровом изумительно и развивших свою наглость до уродливости» (Записки сенатора Фишера. «Исторический вестник», т. 112, 1908).

Тем не менее по окончании строительства Николаевской железной дороги Клейнмихель получил от императора трость с большим набалдашником, усыпанным бриллиантами. Князь А. С. Меньшиков, поздравляя его и низко кланяясь, сказал: «Поздравляю, граф, душевно радуюсь. По-моему, вы не одну трость, а сто палок заслуживаете».

Чтобы рассстаться с Клейнмихелем и объяснить терпимость к нему императора, отметим также, что тот же Клейнмихель, в порядке подчеркнутой выше угодливости, выдал своего благодетеля Аракчеева, представив документ, обличающий Аракчеева во лжи перед императором. Великий князь Константин Павлович назвал Клейнмихеля «гадким и низким человеком, недостойным находиться вблизи императора». Но Николай Павлович, согласившись с этой характеристикой, написал брату, что «к несчастью, более чем часто бываешь вынужден пользоваться услугами людей, которых не уважаешь, если они могут принести хоть какую-нибудь пользу, а таково именно положение данного лица» (Записки сенатора Фишера. «Исторический вестник», т. 113, 1908).

Здесь добавим, что Николай Павлович удалил Аракчеева, диктатора в царствование Александра I, каковую меру признает и Фишер, а также историк Шильдер, безусловной заслугой его перед Россией. Император Николай I распрощался также с Руничем и Магницким, непристойно себя показавшими.

Расточительность, расхищение, казнокрадство — главнейшие пороки бюрократического аппарата конца XVIII и начала XIX века. Когда император Николай I, как повествует А. Я. Бутковская, приехал проверить ход строительства Брестской крепости, он, подняв кирпич, спросил одного из свитских:

— Знаете, из чего сделан он?

— Полагаю, из глины, Ваше Величество.

— Нет, — ответил император, — из чистого золота, по крайней мере я столько за него заплатил.

А при строительстве в Киеве днепровского моста, как оказалось, воровство достигло невероятных размеров, и когда император Николай I послал своего флигель-адъютанта Васильчикова расследовать это, то на мосту его встретил строитель-немец, инженер, вручивший пакет, в котором был отчет о строитель-

стве и две тысячи рублей банковскими билетами. Васильчиков немедленно сообщил об этом императору и послал вещественное доказательство. По проверке растрата оказалась в размере одного миллиона рублей.

Громкое дело было, когда Кивицкий и Политковский растратили громадную сумму Инвалидного капитала. Кое-кто из генерал-адъютантов за ротозейство были лишены звания; тогда Николай Павлович в разговоре с наследником заметил: «Мне кажется, что во всей России только ты, да я не воруем». (А. Я. Бутковская. Рассказы бабушки. «Исторический вестник», т. 18, 1884.)

В Грузию был послан с ревизией сенатор барон Ган, открывший множество злоупотреблений, вызывавших раздражение в грузинском обществе, несмотря на его обычную покорность. Всюду царило самоуправство и мошенничество. В числе таковых оказался и князь Дадиани, который постоянно использовал солдат для личного своего хозяйства и не только солдат, но и солдатских жен, и кроме того развел спекуляцию в огромных масштабах. Государь при посещении Грузии сказал: «У развода я велел коменданту сорвать с князя Дадиани, как недостойного оставаться моим флигель-адъютантом, аксельбант и мой шифр, а самого его тут же с площади отправить в Бобруйскую крепость для предания неотложно военному суду». И далее император сказал: «Не могу сказать, чего стоила моему сердцу такая строгость, и как она меня расстроила, но в надежде, поражая виновнейшего, спасти прочих командиров полков, более или менее причастных к подобным же злоупотреблениям, я утешался тем, что исполнил свой долг» (Записки сенатора Фишера. «Исторический вестник», т. 113, 1908).

Приведем также данные из писем дежурного генерала, позже Финляндского генерал-губернатора, Закревского к Воронцову:

«Не скрою, толку мало добьетесь у военного министра касательно вещей, о коих к нему писали. Такой молодец, что из рук вон... У нас всё смирно, дела по всем министерствам идут так, как Вы слышите. Воровство не уменьшается!...»

Соответственно пишет и А. Растворчин Закревскому: «Ныне тот, кто не украдет, почитается дураком». Или в другом месте: «Должен сказать по истине, что здесь народу много, а людей мало». (В. К. П. Исторические силуэты. «Исторический вестник», т. 45, 1891.)

В связи с таким лихоимством, определяющим несовершенство современного Николаю Павловичу общества, Н. Н. Сергиевский внес шутливое предложение в губернском гербе изобразить

в виде эмблемы «руку загребающую» и к ней сделать поясняющий девиз: «Рука берущего не оскудевает». (Н. Н. Сергиевский. Чертова кукла. «Исторический вестник», т. 129, 1912.)

Но император, сказав сыну в шутку про воровство, знал, что далеко не все воруют, а есть и честные люди, честные служаки. Я. И. Костенецкий рассказывает о своем родственнике А. М. Требинском, пошедшем служить в «место соблазна» — в таганрогскую таможню. Здесь он вскоре стал её управляющим и наладил дело так, что таможня стала давать доходы значительно большие, чем другие, более важные. Прошедшие ревизии этой таможни отметили удивительный порядок в её делах. Обо всем этом стало известным министру финансов графу Вронченко и потому, когда стали искать кандидата на вакантную должность управляющего петербургской таможни, то министр просил императора назначить на этот пост именно Требинского. Так он стал управляющим столичной таможни.

А надо сказать, что до него служащие петербургской таможни, не говоря о высоких чиновниках, жили крезами, имели богатые кареты с рысаками, роскошные квартиры, красивых сдержанок, которых они одаривали бриллиантами, и к тому же мантировали службой.

Когда Требинский навел порядок, сам живя скромно и ходя на службу пешком, стал требовать ревностной службы от подчиненных и часто проверял их работу, то доход таможни уже в первый год его управления повысился на четыре миллиона по сравнению с предыдущим годом. Но своим строгим и честным управлением он вызвал недовольство служащих, привыкших дотирь государственное учреждение, как свою корову, а кроме того и недовольство руководящих чинов высшей инстанции, получавших ранее свою определенную дань.

Николай Павлович заинтересовался новым управляющим столичной таможни и заметив, что он ходит пешком по улицам столицы, как-то, остановив его, спросил:

— Ты, стариk, как я часто вижу, всё пешком ходишь. Тебе это тяжело, отчего ты не ездишь?

— Нет экипажа, Ваше Величество. Получая жалованье четыре тысячи (в год. — М. З.), нельзя иметь в Петербурге экипаж, — ответил служака.

— Я дам тебе экипаж.

И Николай Павлович приказал отпускать ему из Кабинетных денег (Кабинета Его Величества. — М. З.) на экипаж по полторы тысячи ежегодно.

Но граф Вронченко умер и новый министр финансов иначе

отнесся к многочисленным жалобам служащих таможни и высших чинов на Требинского, а потому стал беспокоить и придираться к нему. И когда к императору пришло прошение Требинского об освобождении его от должности и выходе в отставку, то Николай Павлович, вызвав честного служаку к себе, сказал ему:

— Я знаю, тебя сильно жмут, а ты не бойся. Послужи еще, а сейчас возьми свое прошение назад.

И Требинский продолжал служить верой и правдой, но злобствующие не унимались, всё гнуснее интриговали против него, распространяя всякую клевету. Не выдержал старик, снова подал прошение об отставке и пошел лично вручать его императору, которому обрисовал обстановку и невозможность в такой атмосфере управлять таможней. Тогда Николай Павлович, с печальным лицом, заметил:

— Ну, старик, с этими подлецами и я ничего не могу поделать! Выходи в отставку.

Но в благодарность за честную службу император назначил Требинскому пенсию в размере полного его жалования и оставил за ним право на экипажные деньги в том же, как и ранее, размере. (Я. И. Костенецкий. Рассказы о Николае I. «Исторический вестник», т. 12, 1883.)

Вот прекрасно нарисованная картина русской бюрократии того времени, той атмосферы, в которой Николаю Павловичу приходилось наводить порядок. Прекрасно нарисованная картина совсем непрекрасной обстановки, непрекрасных нравов бюрократического аппарата, однако, как мы видим на примере Требинского, было немало среди чиновников и порядочных людей. Кроме того, не следует забывать, что и в других странах не ангелы составляют бюрократический аппарат. Автору пришлось наблюдать сплошной грабеж американских администраторов, как армейских, так и УНР, в послевоенные годы на территории Западной Германии. Таким образом, при сравнении с чиновничим миром западных государств, наши бюрократы были уж не совсем такими, как рисуют их Гоголь, Грибоедов, Салтыков-Щедрин. Посмотрим, как характеризует русскую администрацию английский посол Дурган, отправившийся по назначению в Россию через Константинополь, Одессу. Эти его наблюдения и дальнейшее пребывание в стране позволило ему сказать, что русская администрация лучшая по сравнению с той, которой вверено местное управление в Англии.

Несколько лучше, чем в чиновной среде, обстояло положение в среде военной, но и там было много безобразий. И там

вся надежда императора и все его усилия для уничтожения безобразий были на выращивание культурных людей, образованных, воспитанных кадров.

С военной средой ему пришлось познакомиться прежде всего, когда он был назначен (20 января 1818 года) генерал-инспектором по инженерной части. Деятельность Николая Павловича в этой области, как её оценивает историк Шильдер, была «блестящей и плодотворной во всех отношениях». В 1819 году великий князь учредил Главное Инженерное училище, чем положил начало русскому инженерному корпусу. Одновременно он был командиром бригады первой гвардейской дивизии, в которую входили Измайловский и Егерский полки, а начальником дивизии тогда был назначен Паскевич. Этой бригадой Николай Павлович командовал восемь лет и за это время хорошо изучил командные кадры. По возвращении из заграничного похода дивизия была, как видно из записок Николая Павловича, «...и без того расстроенной трехгодовым походом и к довершению всего дозволено офицерам носить фраки. Было время (поверит ли кто тому?), что офицеры езжали на учение во фраках, накинув на себя шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранялась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а всё делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день».

Ничего себе армия! Армия или сборище развращенных декабристов? Да, Николай Павлович заметил и брожение в части офицерства. Говоря вообще, он делил офицеров на три категории: «усердных и знающих, на добрых малых, но запущенных, и на решительно дурных, то есть говорунов, дерзких, ленивых и совершенно вредных», которых он «жал без милосердия и всячески старался от них избавиться».

Теперь, я думаю, читатели поймут, почему декабристы не хотели видеть на троне дельного и строгого к распущенными людям императора.

Николай Павлович показывает регressiveный механизм русского общества, говоря, что ему удалось многое упорядочить, но «то было нелегко, поскольку люди эти составляли как бы цепь, проходящую через все полки и, кроме того, в обществе имели покровителей, коих сильное влияние сказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне оплачивалось».

Когда Николай Павлович вступил на престол, он многое делал для упорядочения в армии, он много ездил по России и

инспектировал войска; да не парадировал, как его брат Александр и как его отец Павел Петрович, а по-деловому. Так, в 1837 году в Вознесенске он устроил маневры, в которых участвовало триста пятьдесят эскадронов с 144 орудиями. Артиллерию он проверял на стрельбе. Не забывал проверить готовность войск и тревогами.

При посещении корпусов, дивизий и отдельных частей, расположенных на юге, император был удручен плохим их состоянием и высказал своему окружению, что не думал вовсе, что в нашей армии могут существовать такие войска. А когда Николай Павлович в 1837 году посетил Войско Донское и когда 22 октября под Новочеркасском было собрано восемнадцать тысяч войсковых казаков, то, будучи поражен их плохим состоянием, сказал: «Кроме гвардейских эскадронов (атаманского и учебного полков), все прочие — совершенная дрянь... Всё это мне показалось скорее толпой мужиков, нежели военным строем». (Это «Запись графа Бенкendorфа» — по рассказам самого императора о его путешествии по России. «Исторический вестник», т. 91, 1903. А выше — многое по Шильдеру, «Император Николай I, его жизнь и царствование», т. I.)

В результате этого посещения император утвердил положение об Управлении Войска Донского, в то время как до того донцы управлялись на основе устаревшего положения 1760 года, а фактически — «как деды управляли».

Такое плачевное состояние войска на юге России вызвало среди дальних и понимающих офицеров, казалось, странное, по неожиданности, суждение.

У князя Меншикова был адъютант Краббе, который при встрече с Орловым рассказывал подробно о сути Инкерманского сражения и, выслушав злорадное сожаление Орлова, прибавил:

— Но это дело имело и хорошие последствия!

— Какие?

— Все полковые командиры перебиты! — серьезно закончил Краббе.

В приведенном сарказме, видимо, заключалась нелестная характеристика командиров полков. А всё же Николай Павлович отдавал предпочтение военным людям, именно вследствие врожденной армейской дисциплины и войскового порядка, почему он сократил срок солдатской службы на пять лет, введя пятилетний отпуск для прослуживших двадцать лет. Бенкendorф и другие из помощников Государя возражали против этой меры, но Государь смотрел на это дело шире: он видел в этих «бессрочно отпускных» рассадник для замещения должностей по хозяйству и для службы в казенных заведениях, считая пятилет-

ний отдых на родине вполне заслуженным. (Из указанных выше «Записей» гр. Бенкendorфа.)

Громкое дело слушалось в военном суде вследствие приказа от 9 февраля 1853 года о предании суду трех генералов, одного адмирала и двух генерал-лейтенантов, членов Комитета о раненых, за «бездействия власти, беспечность и допущение важного государственного ущерба». Скандал был грандиозный, а важность дела видна из того, что председателем суда был назначен генерал-фельдмаршал князь Варшавский, граф Паскевич-Эриванский.

Дело заключалось в том, что директор канцелярии Комитета действительный статский советник и камергер Политковский систематически присваивал себе комитетские деньги, так что к моменту его ареста похищенная сумма достигала более одного миллиона ста тысяч рублей серебром.

Суд приговорил генерала Ушакова к исключению со службы и аресту в крепости на шестимесячный срок, адмирала Казакова к исключению со службы и вменению ему в наказание времени ареста в бытность под судом, а генералов Арбузова, Граббе и Засса, в уважение короткого их пребывания в членах Комитета, к трехмесячному аресту в крепости, генерала же Мандерштерна — к аресту в крепости на один месяц. Кроме того, растроченные деньги взыскать с имущества подсудимых.

10 апреля 1853 года Николай Павлович, внимательно ознакомившись с этим делом, конфирировал приговор в следующей редакции:

«Приговор суда касательно генерала Ушакова нахожу правильным, но считаю гораздо виновнее в том, что дозволил себе дерзко настаивать на награждении Политковского, несмотря на мои отказы, тогда как отличия нисколько с его стороны не было, но, напротив, ежели б Ушаков исполнил свою обязанность по долгу данной присяги, воровство бы открылось; потому приговор суда утверждаю во всей силе. Адмирала Казакова, вменив лишение генерал-адъютантского звания и суд в наказание, уволить со службы. Генерала Мандерштерна, вменив суд в наказание, возвратить к прежней должности коменданта. Генерала Арбузова, вменив лишение генерал-адъютантского звания и суд в наказание и приняв в соображение малое нахождение в наличности при Комитете за командировкой к командованию гренадерским корпусом, избавить от дальнейшего взыскания и возвратить к должности инспектора гвардейских и гренадерских резервных и запасных батальонов. Генерал-адъютантов Граббе и Засса признаю виновными только в том, что усумнясь в пра-

вильности существующего порядка в Комитете, не довели об этом, как генерал-адъютанты, до моего сведения, за что объявить им строжайший выговор и от дальнейшего взыскания освободить». (По статье М. К. Соколовского «К характеристике Николая Первого» в «Историческом вестнике», т. 113, 1908.)

Из изложенного видно, что генерал Ушаков попал под полное влияние директора канцелярии и полностью доверял ему, а члены Комитета были успокоены авторитетом их председателя. Из этого процесса и из суда над Дадиани, о котором мы говорили выше, можно заключить, что император, пытавшийся упорядочить страну и армию, а затем увидевший упорное сопротивление этому, решил этими последними примерами пресечь безобразия и показать, к чему они приводят.

Говоря о воспитании новых военных кадров в кадетских корпусах и военных училищах, нужно еще раз подчеркнуть особое внимание Николая Павловича к этой проблеме, — ведь ему остро необходимы были новые, неиспорченные прежними царствованиям людьми. Однако и здесь без упущений со стороны администрации сих военных заведений не обходилось.

Как мы уже отмечали, особым благоволением Николая Павловича пользовались специальные военно-учебные заведения, среди которых был и Морской корпус. Государь часто его посещал, в иную неделю два-три раза и случалось, что два дня подряд. В каждый свой приезд он обходил весь корпус, присутствовал в классах во время занятий, посещал роты, осматривая постели кадетов, их белье и платье, посещал лазарет, утешая больных милостивым словом, а к серьезно больным присыпал придворного медика. Особенно нежным попечительством Государя пользовалась только что сформированная малолетняя, или резервная рота, составленная из детей от десяти до двенадцати лет. А директором корпуса император поставил такого выдающегося моряка, как И. Ф. Круzenштерн. И это неизменное попечение тем более выделялось на фоне конца царствования Александра I, когда преподавательский состав в Морском корпусе, исключая математика, был на чрезвычайно низком уровне, на том же уровне было и хозяйство: кадеты были одеты в старые, рваные, заплатанные одежды, дисциплина отсутствовала, многие ученики оставались в одном классе по нескольку лет, а единственной мерой воспитания были розги.

П. В. Митурич рассказывает об одном внезапном посещении Морского корпуса весной 1826 года, когда Николай Павлович вошел незамеченным никем и дежурный гардемарин даже не узнал сперва императора. И что же обнаружил посетитель? Препода-

вателей и офицеров не было, а увидев одного из кадетов, одетого в лохмотья, царь с возмущением сказал: «Так не одевают и арестантов!»

А когда он откинул один матрац в дормитории, то обнаружил там: сало, коньки, свечи, гвозди, бутылку с ваксой и т. п. Это безобразие происходило потому, что не было присмотра, и потому, что дежурство офицеров было чрезвычайно длительным, когда их внимание терялось; сами подумайте, что с вами было бы, если вам пришлось бы дежурить подряд целую неделю. И эту неразумную меру Государь повелел впредь никогда не применять, а ввести суточное дежурство. После общей взбучки учителя стали приходить вовремя в классы, а постепенно их состав был заменен на более квалифицированных. Всех кадетов постригли и вымыли, всюду стала чистота и опрятность. Как пишет бывший воспитанник корпуса Митурич, «сапоги даже выдали новые, так что ножных пальцев теперь ни у кого не было видно. Раздали праздничное платье для вседневного ношения и были сняты мерки для постройки нового».

Заменили не только учителей, но и администрацию. Директором, как мы уже отметили, назначили Круценштерна. Старшие роты переформировали, морская гимназия, находившаяся в том же помещении, была ликвидирована, а среди преподавателей появились известные педагоги и учёные: например, преподаватель истории историограф Шульгин, начертательной геометрии — Остроградский, русской словесности — опытный педагог Плаксин и даже преподаватель Закона Божьего — академик о. Березин. (Воспоминания П. В. Митурича. «Исторический вестник», т. 33, 1888.)

Заканчивая наш обзор относительно состояния в военной области и влияния на упорядочение армии Николая Павловича, напомним, что он объявил строгий выговор командирам корпусов, дислоцировавшихся в западных областях России, за то, что они не обращали внимания на ополячивание офицерского состава, когда офицеры-русские, говорили между собой по-польски. («Исторический вестник», т. 40, 1890.)

Из всего выше сказанного видно, сколь много забот, беспокойства, труда легло на плечи Николая Павловича, из-за культивирования в предыдущие царствования невежества, распущенности, неорганизованности, халатности и казнокрадства.

Внимание Николая Павловича к воспитанию образованных и дальних кадров сказалось не только на улучшении состояния армии, но и на культурной жизни. Приведем часть известных впоследствии генералов, учёных, дипломатов, государственных

деятелей, воспитанных в кадетских корпусах, военных училищах, военных академиях и других учреждениях в Николаевское время: А. А. Алябьев — композитор; П. П. Аносов — генерал-майор корпуса горных инженеров, ученый, опубликовавший новый способ закалки стали в сгущенном воздухе; А. И. Астафьев — генерал-майор, писатель, академик-экономист, академик Генерального штаба; князь Баратов С. Г. — историк; Е. А. Баратынский — поэт; Ф. Ф. Беллинсгаузен — мореплаватель, адмирал; Д. Г. Бибиков — государственный деятель; М. И. Богданович — генерал-лейтенант, военный академик, военный историк; Н. П. Божеянов — генерал-майор, инженер-кораблестроитель; А. И. Бутаков, контр-адмирал, гидрограф, путешественник; Д. П. Бутурлин — генерал-майор, военный историк; М. Н. Васильев — вице-адмирал, мореплаватель, совершивший кругосветное плавание; А. Ф. Вельман — военный топограф, писатель; Ф. П. Врангель — адмирал, мореплаватель, почетный член Академии Наук; М. П. Вронченко — генерал-майор, геодезист; М. А. Гагемейстер — мореплаватель, исследователь Тихого океана; кн. Голицын Н. С. — генерал от инfanterии, военный историк; кн. Голицын Н. Б. — композитор, музыкальный критик, виолончелист; Ф. М. Достоевский — писатель; Л. А. Загоскин — исследователь Аляски; гр. Игнатьев В. Н. — академик-химик; гр. Игнатьев А. А. — генерал-лейтенант, дипломат, военный академик; Г. С. Карелин — путешественник и натуралист; гр. Киселев П. Д. — государственный деятель; К. И. Константинов — генерал-лейтенант, ученый артиллерии, ракетной техники и приборостроения; Д. Е. Коцебу — мореплаватель; И. И. Лажечников — писатель; Д. Я. Лаптев и Х. П. Лаптев — мореплаватели, исследователи Арктики; Ф. Ф. Матюшкин — адмирал, мореплаватель, этнограф; Н. Н. Муравьев-Карский — дипломат и государственный деятель; Г. И. Невельской — адмирал, исследователь Дальнего Востока; кн. Орбелiani Г. З. — поэт; Н. П. Римский-Корсаков — вице-адмирал, мореплаватель; А. А. Саблуков — генерал-лейтенант, ученый и изобретатель; М. Д. Тебеньков — вице-адмирал, исследователь Тихого океана; А. З. Теляковский — генерал-лейтенант, фортификатор; М. А. Титов, Н. А. Титов, генерал-майор, — оба композиторы, Н. С. Титов — композитор; П. А. Федотов — живописец, поэт, композитор; А. Г. Чавчавадзе — грузинский поэт; А. Д. Чертов — историк, археолог, нумизмат; И. И. Шанц — адмирал, мореплаватель, и др.

Особо мы оставили вопрос, касающийся военной среды — вопрос об отношении императора Николая I к Ермолову. Постаравшись хотя бы поверхностно проанализировать его.

Ермолов, можно сказать, принадлежал к суворовскому типу полководца и человека. Как показывает Ф. М. Уманец, Ермолов, командуя войсками на Кавказе, запретил изнурять войска фронтовым учением, что было еще при Александре I, увеличил мясную порцию и собственной властью разрешил носить вместо касок папахи, а вместо ранцев холщевые мешки и, вдобавок к шинелям, ввел овчинные полушибки, поскольку в горах ночью ощущался сильный холод.

Интересно как он сумел увеличить мясную порцию, за счет чего?

Дело в том, что в 1816—1817 годах некоторые ханы дарили Ермолову ценные вещи, но он, отказываясь от них, просил дарить баранов. Всего, как утверждает Уманец, он получил таким образом семь тысяч голов, которых раздал по полкам с тем, чтобы их не резали года четыре-пять, стало быть, на приплод. Он написал в приказе: «Сих дарю полкам, хочу, чтобы солдаты, товарищи мои по службе, видели, сколько приятно мне стараться пользе их». Понятно, что всё это личные враги Ермолова использовали, фальшивя и искажая факты. Ермолов, как и Суворов, не выносил засилия на верхах немцев, что дало повод братьям Бенкendorфам, Ламздорфу, Адлербергу, Сухтелену, Клейнмихелью и другим начать против Ермолова непрекращающиеся интриги. Ермолов не скрывал своей неприязни к немцам и, например, входя во внутренние покой императора Александра I и заметив многих генералов немецкого происхождения, обратился к ним с вопросом:

— Позвольте узнать, господа, не говорит ли кто из вас по-русски?

Он же говорил Пушкину о походе Дибича в 1828—1829 годах:

— Лет через пятьдесят подумают, что в этом походе с нашими войсками участвовали вспомогательные войска пруссаков и австрийцев, предводимые такими-то немецкими генералами. (Ф. М. Уманец. Проконсул Кавказа. «Исторический вестник», т. 33, 1888.)

А потому, когда мы анализируем неприязненное отношение императора Николая I к Ермолову, то должны учесть: 1) характеристику Ермолова, данную Александром I его брату и его преемнику; 2) неправильную и злостную оценку Ермолова немецким окружением императора из-за взаимной неприязни Ермолова; 3) подозрение, внущенное гр. Бенкendorфом, что Ермолов имел связи с декабристами; 4) благоволение Ермолова к разжалованным офицерам, служившим на Кавказе рядовыми.

Несмотря на постоянные наветы, Николай Павлович ценил Ермолова. Так, в день открытия памятника, посвященного доблести русских войск под Кульмом, он пожаловал Ермолову орден Андрея Первозванного и, кроме того, назначил ему пенсию в сорок тысяч рублей. (Ольга Н. Из воспоминаний. «Русский вестник», т. 191.)

Ермолова любили солдаты и офицеры, служившие под его начальством. Память о Ермолове сохранилась в солдатской песне:

Не орел гуляет в ясных небесах,
Богатырь наш потешается в лесах.

Ура! Ура! Ура!
Он охотится с дружиной молодцов,
С крепким строем закавказских удальцов.

Что бурав крутит-вертит песок в степях,
Он громит и топчет горцев в пыль и прах,

С ним стрелою громовой мы упадем,
Сокрушим, сожжем, разрушим в прах, сотрем,

С ним препятствий не встречаем мы ни в чем,
Для него нам жизнь-шутка ни по чем!

Лес — сожжем, гора — сотрем, река — запрем,
И в скале мечом дорогу просечем.

Где пройдем, там разольем мы смерть и страх,
След наш — памятник в потомстве и веках!

О, да здравствует наш батюшка-сардарь!
Для побед его дал Бог и Государь!

Ура! Ура! Ура!
Для побед его дал Бог и Государь!*

* Запевала поет две строчки каждого куплета, а хор, как показано в последнем куплете, вслед за «Ура! Ура! Ура!» повторяет вторые строки.

В результате наветов на Ермолова Государь уволил его (28 февраля 1827 года) от командования Кавказскими войсками и наместничества (может быть подобно с управляющим петербургской таможни, о котором мы указали в этой же главе ранее), однако позже, после беседы с ним, Николай Павлович признал неправильность его представления о Ермолове и выразил пожелание, несмотря на болезненный вид генерала, чтобы тот вернулся в строй. А в последние часы своей жизни император вспомнил Ермолова, которого великий князь Константин Павлович называл «Проконсулом Грузии», и осудил за несправедливое отношение к нему, как себя, так и свое окружение. (П. Е. Щеглов. Император Николай I. «Исторический вестник», т. 95, 1904.)

Вспомним также аналогичное столкновение, на почве неприязни к немцам, историю с Юрием Самариным, о чем мы поведали в другой главе.

Наша обрисовка русского общества в Николаевскую эпоху коснулась ближайшего окружения императора, его помощников, бюрократии, военной среды, а теперь скажем весьма кратко об обывателях, о «меньшей братии».

Кое-кто подумает, что такое титулование исходит от народников, от социалистов, от печальников угнетенных, но нет... исходит такое величание от апостолов-евангелистов.

Мы коснемся «меньшей братии» весьма коротко. Когда двести рабочих пришли в Царское Село с жалобой, что подрядчик на постройке железной дороги Петербург—Москва не выплачивает им заработной платы, Государь Николай Павлович так распёк Клейнмихеля, начальника строительства этой дороги, что он долго помнил.

Среди «меньшей братии» было немало просто обывателей, а обыватель, известно, как флюгель, то туда, то сюда повернется, у него нет твердого стержня, прочного фундамента, чем пользуются разные злоумышленные люди, с их различными целями. Когда по стране прокатилась эпидемия холеры, народ, возбужденный такими людьми, начал бунтовать в различных районах страны, говоря, что медики умышленно травят людей. Такой «холерный бунт» произошел и в Петербурге на Сенной площади, во чреве столицы, во чреве в двух смыслах: в центре её и в месте торговли съестными припасами. А называлась она Сенной, поскольку сюда ранее привозили на продажу и сено.

Император Николай Павлович, как только узнал о собравшейся бунтующей на этой площади толпе, немедленно отправился туда к неистовавшему народу один, без охраны и свиты. Здесь император перед всей толпой взял банку меркурия, кото-

рым тогда лечили холеру и который простые люди принимали за отраву, поднес ко рту, но подбежавший медик заметил императору, что он может потерять зубы. Однако император, бросив медику фразу — «Тогда вы мне сделаете челюсть», — на виду у всех проглотил эту жидкость, чтобы доказать вздорность слухов; затем приказал всем встать на колени и перекреститься. Так один-одинёшенька Государь усмирил бунт. (Воспоминания баронессы М. П. Фредерикс. «Исторический вестник», т. 71, 1898.)

Конечно, не только такими мерами тогда боролись с холерой. В воспоминаниях графа М. Ф. Толстого находим меры, принятые в Москве в 1830 году:

«В каждой части Москвы была открыта больница, лучшие иль более знаменитые врачи начальствовали в этих больницах; к ним было прикомандировано множество других врачей. Больных привозили в театральных каретах...

Сенаторы, заслуженные генералы и другие почетные лица Московской аристократии приняли на себя обязанности попечителей в каждой части города... Не забыли обратиться и к высшему Попечителю, к Господу Богу, когда митрополит Филарет учредил 25 сентября крестный ход по всей Москве... Никогда, ни прежде, ни после не было такого благочестивого настроения между московскими жителями: храмы были полны ежедневно, как в светлый день Пасхи; почти все говели, исповедывались и причащались св. Таин, как бы готовясь к неизбежной смерти» (Гр. М. Ф. Толстой. Мои воспоминания. «Русский архив», кн. II, 1881).

Социальный обзор почти закончен, остается сказать о русском крестьянстве, но о нем мы скажем в более широкой постановке, чем об обычаях. Русские крестьяне была та среда, которая более всего душевно роднилась с батюшкой-царем Николаем Павловичем. И это понятно, ибо среди крестьян было немало отслуживших свою военную службу, и в том числе бессрочно отпущеных, то есть старослужащих солдат, которые бо́готворили императора Николая Павловича, и они-то и рассказывали о нем своим односельчанам. А бо́готворили, чуя в царе доброго, русского человека, близкого к нуждам простых людей, в том числе и солдат.

Да, солдаты уважали, любили Николая Павловича, но и он любил русского солдата, что можно видеть из изложенного здесь. Но мы, в подкрепление настоящего утверждения, приведем его приказ по Действующей армии от 17 апреля 1818 года, изданный в Сан-Стефано:

«Доблестные войска Действующей армии! Семнадцать месяцев переживал я с вами труды и лишения походной жизни... В

течение этого времени не раз высказывал я и мою задушевную благодарность и мое удивление вам, войска Действующей армии... Искренне благодарю всех начальников дивизий, бригадных, полковых командиров и начальников отдельных частей, всех штаб-и обер-офицеров за их примерную во всех отношениях службу.

Особенное, сердечное и искреннее спасибо тебе, русский солдат: ты не знал преград, ни лищений, ни опасностей. Безропотно, безостановочно шел ты в грязи и в снегу, в жару и холод, через реки и пропасти, через долы и горы и бесстрашно бился с врагом, где бы с ним ни встретился. Для тебя не было невозможного на пути, который тебе указал начальник. Тебе честь, тебе слава, добытая кровью и потом России, бившейся за освобождение угнетенных христиан.

Я горжусь и всегда буду гордиться, что мне пришлось командовать такою славною армией...

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и сотнях.

Подпись: Главнокомандующий Действующей армией, Генерал-инспектор по кавалерии и по инженерной части

Николай»

Кто из царей, кроме Николая Павловича, мог написать приказ с «особенным, сердечным спасибо» русскому солдату? И это «спасибо» не было формальным и бюрократическим, но действительно искренним, шедшим от сердца.

В. А. Маклаков в своих воспоминаниях говорит о монархических чувствах народа следующим образом:

«Монархические чувства в народе были глубоко заложены. Недаром личность Николая Первого в широкой среде обывателей не только не вызывала злобы, но была предметом благоговения... Это был настоящий Государь...» (В. А. Маклаков. Воспоминания [Власть и общественность на закате Старой России]).

Говоря о крестьянстве, должны мы коснуться и проблемы крепостничества, порока, который так хорошо охарактеризовал Гоголь в «Мертвых душах». Само название этого классического произведения гласит о торговле душами, то есть людьми подневольными, крепостными, живым товаром и вместе с тем даже уже умершими крепостными.

Как показывает уже упоминавшийся нами А. Тройницкий, крепостные вовсе не составляли большинство населения России: по ревизии 1858—1859 гг. из шестидесяти миллионов всего населения сорок восемь миллионов составляли государственные крестьяне и помещичьи крепостные примерно поровну. Географически же наибольшее количество последних размещалось в цент-

ральных и западных областях, в последних, видимо, в значительной мере, как наследие Польши. В большинстве пограничных (исключая запад) областей и в Сибири крепостной неволи не знали.

Государственные крестьяне поземельно были прикреплены во второй половине XVI в. С государственных крестьян взималась подать. Хотя государственные крестьяне юридически не обладали правом на земельную собственность, они могли, фактически, пользоваться ею, как хотели. Из их среды появились скопщики-спекулянты, что вызвало необходимость указа, ограничивающего куплю-продажу государственных земель. И как следствие того же явления и самовольствия части чиновных людей, последовал также указ императора Николая I об учреждении Министерства государственных имуществ (указ 1830 г.). Одновременно государственные крестьяне получили право собственности на свою землю и право создавать самоуправления.

Попытаемся в дальнейшем показать положение русского крестьянина в глазах иностранных путешественников, но сперва сошлемся на Фонвизина, который много путешествовал по Франции и имел возможность сравнения. Он утверждает, что судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Пушкин также утверждал, что в России его времени не было человека, не имевшего собственного дома, чего не наблюдалось на Западе. Иметь корову, писал он, в Западной Европе признавалось за роскошь, в то время как у нас наличие лишь одной коровы считалось бедностью. Он же отмечает, что русскому крестьянину принадлежали и плоды его труда. Характер и факты, приведенные Пушкиным в разговоре с английским путешественником, подтверждаются и другими иностранными путешественниками.

Джон Дундас так описывает русскую деревню: «Здесь в каждой деревне можно найти хорошие, удобные бревенчатые дома, огромные стада разбросаны по необъятным просторам, и целый лес дров можно приобрести за гроши. Русский крестьянин может разбогатеть обыкновенным усердием и бережливостью...» (John Dundas Cochrane. Negative of a Pedestrian Journey through Russia and Sibiran Tatary. London. 1824).

Роберт Бремнер, в свою очередь, свидетельствует: «Не только в одной Ирландии, но и в тех частях Великобритании, которые, считается, избавлены от ирландской нищеты, мы были свидетелями убогости, по сравнению с которой условия русского мужика есть роскошь... Есть области Шотландии, где народ юится в домах, которые русский крестьянин сочтёт негодными

для своей скотины» (Robert Bremner. *Excursion in the Interior of Russia*. London, 1839.)

Даниэль Фильд считает, что по сравнению с большинством стран в XX в., русская деревня эпохи империи была оазисом закона и порядка. (Из журнала «*Kritika*». Daniel Field. Cambridge, Mass. Vol I. № 2. 1964.)

Советская энциклопедия, рисуя облик императора Николая I, называет его «ярым крепостником и охранителем дворянских интересов», что безусловно и неисторично и совсем ложно. Мы далее покажем, как решался крестьянский вопрос при Николае Павловиче, но сперва отметим его, Государя, критику крепостной зависимости, когда он, принимая депутатию смоленского дворянства, 18 мая 1847 года, сказал:

«Теперь я буду говорить с вами не как Государь, а как первый дворянин империи. Земля принадлежит нам, дворянам, по праву, потому что мы приобрели её нашей кровью, пролитой за государство, но я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу этого понять иначе, как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством, — с другой... Это у должно положить конец. Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли...» (А. Ф. Кони. На жизненном пути. Т. III. Ревель-Берлин. Выделено нами. — М. З.).

Вот вам и «крепостник», вот вам и «защитник дворянских интересов»! Обвинить дворянство в обмане невежественных крестьян и говорить «этому должно положить конец!» на языке советских пропагандистов означает обратное!!!

Но нам скажут, это — слова и только слова. Покажем и дела. Император Николай I отлично понимал, что крестьянский вопрос являлся в России главнейший, или одной из главнейших социально-политических и хозяйственно-экономических проблем. Он понимал, что «беден крестьянин — бедно и государство», он видел, что крепостной труд малопроизводительный, что крепостное право препятствует развитию народного хозяйства; что оно подрывает доходность государственной казны и сужает возможности усиления обороноспособности страны; что бедный крестьянин — плохой потребитель, что отсутствие должного потребителя тормозит развитие промышленности, торговли и железнодорожного строительства и, как видим из цитаты, крепостная неволя является опасную угрозу общественному и государственному порядку.

Скажем более категорично: освобождение крестьян от крепостной зависимости было заветной мечтой Николая Павловича, но нельзя упрощенно рассматривать всю эту проблему, существо-

дела гораздо сложнее, чем обычно предполагают. Помещики, в результате тягот Отечественной войны, оказались в большой задолженности — к 1834 году более 54% всех поместий были заложены. Рост крестьянского населения усложнил барщинное поместье, так как на той же земельной площиади появились лишние рты. Действительно, с 1816 по 1835 гг. прирост крепостных крестьян выразился в полтора миллиона ревизских душ. Такое положение привело помещиков к натуральной системе хозяйствования, в которой наряду с производством сельскохозяйственных продуктов на вотчинных фабриках производились и все предметы, необходимые для существования помещика, его семьи и его дворни.

В таком положении оказалась предреформенная Россия. Естественно, что в обществе назревало сознание необходимости крестьянской реформы. Юрий Самарин в своих теоретических рассуждениях пришел к выводу, что крестьянская земля не является предметом исключительного права наследственной собственности помещика, что рядом с помещичьим правом наследственной собственности является также право наследственного пользования крестьянина. Так возникло понятие о нераздельности земледельца с землей, понятие, заметим, совершенно чуждое Западной Европе. (Барон Б. Э. Нольде. Юрий Самарин и его время. Société Anonyme Imperimerie de Navarre. Paris, 1926.)

Как мы отмечали в других главах, декабристы жаловались императору на рабское положение крестьян, но, увы, они планировали по-европейски, именно — освобождение крестьян без земли. (А. К. Бородин. Из писем и показаний декабристов. СПБ, 1906.)

Император называл крепостничество «началом зла», но, встречая сопротивление в высших кругах, жаловался на свое политическое одиночество. Впрочем, это сказано слишком сильно — император фактически не был одинок. По почину Тульского губернатора Н. Н. Муравьева, позже графа Амурского, образовался с высочайшего разрешения кружок тульских помещиков для составления проекта освобождения крестьян. И Николай Павлович в этих трудных для него условиях решается на ряд реформ, в которых главным их деятелем и энергичным помощником императора стал генерал Киселев, управляющий ведомством Государственных имуществ.

Забегая вперед, упомянем констатацию историка Корнилова, «...что при императоре Николае I по этому вопросу делается больше, чем при либеральном Александре I» (Корнилов. История России от Смутного времени до наших дней. Изд. «Иллюстрированная Россия»).

Последнее замечание тем более существенно при наличии проекта освобождения крестьян, составленного князем Меншиковым, графом Воронцовым и графом Потоцким. Когда проект был представлен императору Александру I, он охарактеризовал этот проект «как происки карбонарства» и не захотел серьезно отнестись к нему.

Николай Павлович же, наоборот, взялся за решение этой проблемы со всей присущей ему серьезностью. Встречая упорство крепостников, он предпринял обходной маневр для решения всей намеченной программы по отмене крепостного права. Дело в том, что государственные крестьяне, то есть крестьяне, сидящие на государственных землях, составляли почти половину земледельческого населения России. Государь намеревался примером устройства государственных крестьян возбудить инициативу и в отношении освобождения крепостных барских крестьян.

Генерал Киселев предпринял наделение малоземельных и безземельных государственных крестьян земельными участками от десяти до пятнадцати десятин на ревизскую душу. Он считал продуктивным хозяйство, ведущееся на наследственном семейном участке в тридцать-сорок десятин, на каковых и поселял желающих казенных крестьян. Хуторяне обязывались вести образцовое хозяйство по указанному плану.

Приведем конкретные данные о реформе государственных крестьян. Из государственных земель было передано этим крестьянам — а их насчитывалось девять миллионов душ (25% всех крестьян): не имевшим земель — 500.000 десятин; малоземельным — 2.244.790, переселенцам на малообжитые земли — каковых насчитывалось около 160000 душ — 2.500.000 десятин. Кроме того, сельским общинам было передано около трех миллионов десятин леса.

И не только передачей земли государственным крестьянам отмечена эта реформа, но и благоустройством их. Так, через шестнадцать лет по публикации манифеста о государственных крестьянах количество сельских школ возросло с шестидесяти до 2550 и количество учащихся с 1800 до 110.000 ребят. И ко всему этому на этих землях введено в широкой мере самоуправление.

Итак, программа отмены крепостного права предвидела её реализацию постепенно, от одной стадии к другой, от регулирования взаимоотношений между землевладельцами и крестьянами до полного освобождения последних. В осуществление этой программы императором Николаем I были изданы следующие указы:

- 1) О запрещении помещикам отдавать крестьян на тяжелые горнозаводские работы, а также отдавать крестьян во временное пользование лицам, не имеющим права владения крестьянами.
- 2) Об установлении ответственности помещиков за нищенство их крестьян.
- 3) О выдаче ссуд помещикам для оказания продовольственной помощи нуждающимся крестьянам.
- 4) О запрещении помещикам обезземеливать крестьян.
- 5) О запрещении помещикам Польского края произвольно уменьшать крестьянские наделы и увеличивать их повинности (закон 1846 года).
- 6) О разрешении фабрикантам отпускать на волю «посессионных» крестьян.
- 7) О «временно обязанных» крестьянах, с предоставлением помещикам права заключать добровольные соглашения с крестьянами о прекращении личной крепостной зависимости и о переводе их в разряд обязанных поселян (с обязательством отрабатывать барщину и платить оброк).
- 8) О разрешении крестьянам выкупаться с землей целыми семьями в случаях, когда помещичьи земли продавались с торгов.
- 9) Об обязательстве помещиков Лифляндии и Эстляндии передать землю в вечное арендное пользование крестьянам и продавать им землю.
- 10) О ликвидации системы рабства в Сибири: об освобождении рабов и запрещении их покупки.
- 11) Об организации агрономической помощи крестьянским хозяйствам, об организации сельскохозяйственного общества, а также об учреждении удельной земледельческой школы и об издании «Земледельческого журнала».
- 12) Об организации мелкого сельскохозяйственного кредита.
- 13) О ликвидации военных поселений.
- 14) Об устройстве казенных крестьян, о чём мы указали выше. (М. Николаевич. Крестьянский вопрос в эпоху императора Николая I. «Эхо», № 17 от 14/IX 1946).

Кроме всего этого, укажем, что 3 марта 1848 года последовал закон, предоставляющий крестьянам право, — правда, с согласия помещика — приобретать недвижимую собственность. А ранее, в 1827 году, — закон, говоривший, что если за поместными крестьянами остается менее 4,5 десятин на душу, то такое имение должно передаваться в казну или же крепостным представляется право перечисляться в свободное городское состояние.

Таким образом мы видим громадную всестороннюю работу по облегчению участия крестьянства и по постепенной отмене крепостного права, проведенную при императоре Николае I, что вынуждены были признать даже советские авторы. Так, профессор Архангельский в трудах, изданных в Казани, вообще тенденциозных, всё же вынужден был признать, что «особенно много мер для устройства казенных крестьян было принято правительством при Николае I в тридцатых годах XIX столетия, при министре Киселеве, заведовавшем государственными имуществами. Киселев предпринял *полное переустройство всего мирского и земельного строя* казенных крестьян» (Проф. Архангельский. Очерки по истории земельного строя в России. Казань).

Кстати заметим, что отмена крепостного права вообще не так уж запоздала по сравнению с Западной Европой, как многие полагают. Как показывает князь Щербатов, в Дании барщина существовала до 1850 года; в Мекленбурге крепостное право отменено в 1824 году, но полицейская и судебная власти помещиков, с правом телесного наказания, существовали почти по всей Германии до 1848 года. В Австрии крепостное право отменено также в 1848 году.

Вообще говоря, история крепостного права — весьма сложна и не во всем понятна и вкратце её невозможно объяснить, почему мы, не вдаваясь в эту историю, отсылаем интересующихся к труду В. Б. Ельяшевича «История права поземельной собственности России». Париж. 1948—1951.

Сложность проблемы отмечает и Л. Тихомиров: «Николай I всю жизнь подготавливал практические к этому средства. Если крепостное право пережило на сто лет манифест о вольности дворянства, то причину этого составляла крайняя трудность разрубить гордиев узел крепостничества, столь сильно завязавшийся за XVIII столетие. Население страныказалось правительству слишком неразвитым для того, чтобы управление государства могло обойтись без дворянства, а дворянство почерпало средства к своей государственно-культурной роли только из крепостного права. Отсюда колебания власти и даже лучших людей дворянства. Масса дворянства, с естественным сословным эгоизмом, и не хотела отказаться от выгодного положения, созданного для неё историей. В отношении же крестьян в правительстве жила вечная боязнь, как бы всякий шаг к освобождению их не превратился, вместо разумной реформы, в кровавую пугачевщину» (Л. Тихомиров. Монархическая государственность. Ч. III. Изд. «Русское слово», переизд. с изд. 1905 г.).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. А. А. Верещагин. Памяти прошлого.
2. В. К. П. — Исторические силуэты. «Исторический вестник», тт. 44, 45, 1891.
3. В. Р. Зотов. Цензор и профессор. «Исторический вестник», т. 54, 1893.
4. Записки сенатора Фишера. «Исторический вестник», т. 113, 1908.
5. Н. А. Энгельгардт. Цензура в предреформенную эпоху. «Исторический вестник», т. 90, 1902.
6. А. И. Соколов. Встречи и знакомства. «Исторический вестник», т. 123, 1911.
7. А. Ф. Кони. На жизненном пути. Ч. I. Ревель—Берлин.
8. А. И. Михайловский-Данилевский. «Исторический вестник», т. 49, 1892.
9. А. Я. Бутковская. Рассказы бабушки. «Исторический вестник», т. 18, 1884.
10. Н. Н. Сергиевский. Чертова кукла. «Исторический вестник», т. 129, 1912.
11. Я. И. Костенецкий. Рассказы о Николае I. «Исторический вестник», т. 12, 1883.
12. Н. К. Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царствование. Т. I.
13. Запись графа Бенкендорфа (рассказ императора о его путешествии по России). «Исторический вестник», т. 40, 1890.
14. М. К. Соколовский. К характеристике Николая Первого. «Исторический вестник», т. 113, 1908.
15. Воспоминания П. В. Митурича. «Исторический вестник», т. 33, 1888.
16. «Исторический вестник», т. 40, 1890.
17. Ф. М. Уманец. Проконсул Кавказа. «Исторический вестник», т. 33, 1888.
18. Ольга Н. Из воспоминаний. «Русский вестник», т. 191.
19. П. Е. Щеглов. Император Николай I. «Исторический вестник», т. 95, 1904.
20. Воспоминания баронессы М. П. Фредерикс. «Исторический вестник», т. 71, 1898.
21. Гр. М. Ф. Толстой. Мои воспоминания. «Русский архив», кн. 2, 1881.
22. В. А. Маклаков. Воспоминания (Власть и общественность на закате Старой России).
23. А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. III, Ревель—Берлин.
24. А. К. Бородин. Из писем и показаний декабристов. СПБ, 1906.
25. Корнилов. История России от Смутного времени до наших дней. Изд. «Иллюстрированная Россия».
26. Проф. Архангельский. Очерки по истории земельного строя в России. Казань.
27. В. Б. Ельяшевич. История права поземельной собственности. Париж. 1948—1951.
28. М. Николаевич. Крестьянский вопрос в России в эпоху императора Николая I. Газ. «Эхо», № 17 от 14/IX 1946 г.
29. Социально-экономический семинар. Экономическая политика свободной России. М. Залевский. Экономическая политика в сельском хозяйстве. Разд. В, гл. 2.
30. Плетнев. Стихотворение Дельвигу.
31. Л. Тихомиров. Монархическая государственность, ч. III. Изд. «Русское слово», Бузнос-Айрес.
32. А. Тройницкий. Крепостное население в России по десятой народной переписи. СПБ, 1861.
33. John Dundas Cochrane. Negative of a Pedestrian Journey throu Russia and Siberian Tatar. London. 1924.
34. Robert Bremner. Excursion in the Interior of Russia. London. 1839.
35. «Kritik». Daniel Field. Cambridge. Mass. Nr. 2, Vol. I, 1964.



Русская пехота. Справа. XIX в.

Глава 6

ОКРАИННАЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

Рассматривая данную тему, мы прежде всего должны заметить, что рыцарское чувство Николая Павловича не позволяло ему пренебречь договорами, заключенными его старшим братом, а ведь заключение «Священного Союза» не только определяло отношения между странами-участниками договора, но более того, этот договор определял всю европейскую политику. Таким образом, как бы Николаю Павловичу ни хотелось вести самостоятельную политику, но он вынужден всё же был считаться с договором и быть верным «Священному Союзу». А надо сказать, что европейская жизнь в царствование Николая I осложнилась как революционными событиями 1848 года во многих странах Европы, так и восстаниями в Польше в 1830—1831 годах и в Венгрии в 1849 году, а также пробуждением национального сознания южных славян и греков.

Международная жизнь стала бурной, острой, к власти пришли в ряде стран люди, фантазии и претензии которых нарушали общепринятые нормы... Можно даже сказать, что взрывчатого материала в этот период было более, чем можно себе представить. И только твердость, энергия и ум Николая Павловича позволили России не подвергнуться разрушению, развалу и превращению в хаотическое состояние. Если бы трон принял кандидат декабристов Константин Павлович, то в такой сложной и острой обстановке он бы растерялся, как растерялся он в момент возникновения польского мятежа.

Обрисуем сперва положение в Польше, которая жила по конституции, дарованной ей Александром Павловичем в 1815 году. По этой конституции поляки имели хартию, сейм, польскую армию, особые финансовые преимущества, свое управление, свой язык, свои учебные заведения, свою администрацию сверху донизу. Единственным россиянином, являвшимся наместником русского царя, был цесаревич Константин Павлович, ревниво охранявший польскую конституцию и вообще чисто польские интересы. Приведем иллюстрацию: когда император Николай I предложил послать польский корпус против Турции, то Константин Павлович отказался выполнить это, когда же Николай Павлович предложил созвать сейм для решения этого вопроса, то Константин назвал требование своего брата «нелепой штукой». Но сейм был созван и Николай Павлович открыл его своей конституцион-

ной речью, что он сделал противно своему взгляду, чувствуя всю преждевременность такого устройства Польши, в чем события 1830—1831 годов подтвердили правоту его точки зрения. Все же император Николай I считал себя обязанным считаться с данной старшим братом конституцией, а также с позицией другого своего брата, поставленного Александром Павловичем на пост наместника в Царстве Польском.

И надо подчеркнуть, что Николай Павлович, как утверждает историк Корнилов, относился к польской конституции более лояльно, чем творец этой конституции Александр I. Поляки же пользовались в то время много большими правами, чем русские люди у себя.

Французский историк Шарль Сеньобос пишет о польской конституции и правах поляков таким образом:

«...в это время *абсолютно ни один другой народ Центральной Европы не имел столько политической свободы, как поляки*» (выделено нами. — М. З.). Но так говорит француз, посмотрим, что утверждает поляк? Польский историк Шимон Ашкенази написал: «Не подлежит сомнению, что конституция Царства Польского 1815 года была по тем временам *наиболее прогрессивной конституционной хартией в Европе*». И далее он, сравнивая с Францией, пишет: «Царство Польское по сравнению с Францией получило в *десять раз более широкие избирательные права*» (выделено нами. — М. З.).

И еще, что следует заметить: поляки забыли, или не хотели знать, что в то же время в Галиции происходила германизация, в том числе и польского населения, что в нормальных городских школах преподавание велось на *немецком языке*.

Нам скажут, что Ашкенази не чистый поляк, так мы приведем слова Станислава Кутшебы, сказавшего, что польская конституция «превосходила французскую в отношении привлечения общества к власти».

И еще примечательно, что по конституции 1815 года Польша располагала своей польской армией, ядром которой были части, *сражавшиеся под знаменами Наполеона против России*. Это ли не верх либерализма, этого ли недостаточно, чтобы понять безрассудность поляков, поднявших мятеж против России. (Факты и цитаты — по Е. В. Спекторскому. Принципы Европейской России в XIX и XX веках. Любляна. 1936.)

Когда поляки восстали в 1830 году, император Николай I обратился к ним с манифестом, в котором обещал амнистию всем, кто прекратит безумную борьбу.

Историк Шильдер опубликовал записку императора Николая I, написанную при возникновении польского восстания. В этой записке император выражает мнение, что Польша вовсе не нужна России, что русские больше затрачивают тягот, не извлекая никаких преимуществ. Кроме того, он, упирая на противоречие в строях России и Царства Польского, полагает, что «сохранение Польши в составе России может вызвать недовольство в наших рядах (в Польше большая вольность)». А по нанесению поражения полякам заключил: «Я не вижу другого средства, кроме следующего: объявить, что часть России получила полное удовлетворение завоеванием королевства, но что Россия не имеет никакого интереса владеть страной, неблагодарность которой была столь очевидной; что истинные её интересы требуют установить границу по Висле и Нарову; что она отказывается от остального, как недостойного принадлежать ей, предоставляя своим союзникам поступать с ним по своему усмотрению...» И заканчивает тем, что всё «это возможно, если там не создастся государства, враждебного России». Юрий Самарин отрицал возможности польской автономии и так же, как император Николай I, предпочитал вовсе отказаться от Польши.

Отношение России к Польше видно также из беседы генерал-фельдмаршала Дибича с курьером Польши, подполковником Фаддеем Вылежинским, служившим в Наполеоновской армии, привезшим бумаги от польского диктатора Ягоницкого резиденту в Петербурге князю Любецкому. Вот часть их беседы, когда Дибич начал так:

«Я говорил о Вас императору, и Его Величество с удовольствием узнал, что Вы не принимали участия в первые моменты революции... Император Александр дал Польше конституцию, — обстоятельство, которое не одобрялось русскими, ибо, спрашивается, почему же одна страна должна быть управляема лучше и иначе, чем другие, находящиеся под властью одного и того же Государя, а вдобавок еще страна покоренная. Я также, как русский человек, был против этого — говорю Вам это прямо. Тем не менее, так как император Александр (добрейший человек в мире) непременно желал этого, — Россия ничего не сказала, пожелав всевозможных благ Польше и дарованным ей учреждениям. Таким образом вы получили конституцию... В Польше было всё-таки больше хорошего, чем дурного...

Повторяю еще раз, что у вас были причины к недовольству, но во всяком случае они не могут служить оправданием революции, подвергающей страну стольким бедствиям. Ну что же? Что можно ожидать от войны? Как можете вы думать, что исход

этой борьбы будет вам благоприятен?.. Наполеон вступил в Россию с четырехсоттысячной армией, состоявшей из лучших войск, и что из этого произошло?..

Я буду считать только регулярные польские войска. У вас было двадцать шесть батальонов пехоты, допустим, что теперь пятьдесят два батальона; а у меня в первой линии семьдесят два батальона и столько же во второй... У меня сто сорок эскадронов регулярной кавалерии, не считая казаков, и четыреста полевых орудий...

Войска ваши хороши, хорошо обучены, храбры, но наши русские солдаты более закалены, более способны к войне. Во время последней турецкой кампании мне очень хотелось иметь под своей командой польские войска, и я уверен, что я был бы ими очень доволен... Это создало бы совершенно другое направление мыслей в вашей армии и, быть может, послужило бы даже препятствием к осуществлению революции. Но великий князь Константин не хотел этого дозволить...» (К. А. Военский. Николай I и Польша. «Исторический вестник», т. 92, 1903).

Далее подполковник Вылежинский был принят графом Бенкendorфом, сказавшим:

«Я решительно не могу понять, каким образом поляки пришли к мысли о революции; как они не рассчитали, не предвидели тех опасностей и тех бедствий, которые угрожают их родине! Я не сомневаюсь, что причины к недовольству были, но это все-таки не давало права начинать революцию, особенно если вы сравните другие завоеванные области Польши с положением поляков в Царстве. Посмотрите, например, на Галицию, разве она не несчастливее вас? У нее нет ни народного правительства, ни конституции, ни собственной армии, ни администрации, ни национальности, ни даже своего языка, а вдобавок, страна обложена тяжелыми налогами. А великое герцогство Познанское, которое, конечно, не пользуется теми преимуществами и тем благосостоянием, как Царство Польское, с политической и экономической точки зрения. Сравните себя, наконец, с Литвой, с Волынью и другими бывшими польскими областями, находящимися под властью России; какая громадная разница между ними и вами во всех отношениях! А между тем все эти провинции остались спокойными, и только Царство Польское, пользовавшееся до сих пор такими громадными преимуществами, находится теперь в восстании. Ваша страна могла служить образцом экономического благосостояния, ей удивлялись все иностранцы, население постепенно увеличивалось, повинности не были обременительными, вы управлялись своими собственными законами, торговля

и промышленность процветали, города и села постепенно увеличивались и вся Польша представляла завидный образец благоустройства и культуры. Во всей этой ласковшей взор картине было, правда, одно пятно — это великий князь Константин, который зачастую нарушал волю Государя и действительно не раз подавал повод к неудовольствиям. Но не надо было так торопиться, ибо всем известно, что великий князь должен был оставить Варшаву, отправиться весной за границу и более уже не возвращаться...»

Затем граф Бенкendorф указал примеры благодетельного отношения императора Николая I к полякам: коронование его в Варшаве, открытие сейма, справедливость его в деле приговора сената в борьбе сената с великим князем, покровительство польской фабричной промышленности даже в ущерб России, его уважение к польской национальности, выразившееся в даровании денежных средств для реставрации древнего замка польских королей в Кракове и мавзолея Собесскому в Варшаве, его покровительство польскому искусству, наукам и т. под.

Затем, как показывает К. А. Военский, подполковник Вылежанский был принят и самим императором, причем аудиенция эта продолжалась до поздней ночи. Государь, по словам самого подполковника, был более опечален, чем возмущен поляками. (К. А. Военский. Николай I и Польша. «Исторический вестник», т. 92, 1903.)

В результате всего виденного и слышанного в России подполковник Вылежанский, вернувшись в Польшу, более внимательно взглянул на то, что происходит и делается в Польше и в своих написанных затем воспоминаниях отметил: «Большинство еще успокаивали себя надеждами, что всё окончится мирно, и надо сказать по справедливости, что весьма малое число жителей, особенно обитателей правого берега Вислы, было довольно совершившейся революцией».

Кроме того, он констатировал, что вожаки восстания пользовались ложью, распространяя слухи, будто в Петербурге произошла кровавая революция, что император покинул столицу, что литовский корпус возмутился и шел на соединение с поляками, что русский корпус графа Палена был совершенно уничтожен. Но можно сказать, что польские вожаки забыли, добавим мы, что «ложь не во спасение».

Аналогичное можем найти и в литературе, как, например, в романе «Колычевская вотчина» М. Г. Веселковой-Кильштет, в котором помещик, отставной гусар, влюбленный по уши в свою, моложе его, жену-польку, впервые говорит ей жесткие для нее слова:

«— Во-первых, душа моя, хоть я и москаль, как ты выражаяешься, но на меня тебе жаловаться не приходится; во-вторых, то же самое можно сказать и про отношение России к Польше: веры польской мы не уничтожали, землю от вас не отбирали, до 1830 года у вас оставались ваши учреждения, и наши цари даровали вам больше прав, чем нам, своим исконным подданным. Так в чем же вы вините нас? Поверь мне, когда мы *подпадали под вашу власть, вы куда бесцеремоннее обращались и с нами, и с нашей верой, и с нашими церквами*» (выделено нами. — М. З.).

14 февраля (ст. ст.) 1832 года для Польши был издан Органическийstatut весьма либерального характера. Когда польская делегация прибыла в Петербург, чтобы поблагодарить императора, то он принял её весьма сухо, написав князю Паскевичу об этом:

«Сознаюсь, что я глубоко презираю их, и их благодарность не имеет для меня никакой цены. Я стремлюсь к тому, чтобы заслужить благодарность России, — вот моя постоянная мысль».

Николай Павлович знал, что польские революционеры, снабженные фальшивыми паспортами от французских префектов, проникали через Познань и Галицию в русские пределы, что они обманывали народ, заявляя, будто за ними вся Европа и что в русских войсках тоже вспыхнет восстание. А потом многие из них кончили самоубийством или, как показывает А. М. Белов, по успехе русских войск были изрублены своими же польскими повстанцами. (А. М. Белов. Иностранные о России. «Исторический вестник», т. 136, 1914.)

В 1835 году император Николай I, возвращаясь из Вены, прибыл в Польшу и здесь принял польскую делегацию, которая намерена была обратиться к императору, но он это предупредил, начав говорить сам:

«Я знаю, господа, что вы хотели обратиться ко мне с речью; я даже знаю её содержание, и именно для того, чтобы избавить вас от лжи, я желаю, чтобы она не была произнесена передо мной. Да, господа, для того, чтобы избавить вас от лжи, ибо я знаю, что чувства ваши не таковы, как вы меня в том хотите уверить».

Далее Государь напомнил делегации, как она клялась в верности и клялась накануне революции — пять и восемь лет назад. И далее Николай Павлович упрекнул делегатов, а вместе с тем и всех повстанцев:

«Вы никогда не хотели довольствоваться самым выгодным положением и кончили тем, что сами разрушили свое счастье. Я вам говорю правду, чтобы уяснить наше взаимное положение,

и для того, чтобы вы хорошо знали, чего держаться...» — закончил Государь, более мягко заявив:

«Поверьте мне, господа, принадлежать России и пользоваться её покровительством есть истинное счастье. Если вы будете хорошо вести себя, если вы будете выполнять все свои обязанности, то моя отеческая попечительность распространится на всех вас, и несмотря на всё происшедшее, мое правительство будет всегда заботиться о вашем благосостоянии...» (Записки графа Бенкendorфа. «Исторический вестник», т. 91, 1903).

П. Гейсманс также отмечает благоволение русских императоров к полякам, как императора Павла I, так, в особенности, императора Александра I, и удивляется полякам, которые при таких условиях воевали в рядах Наполеона против России. Воевали, можно сказать, за чечевичную похлебку, ибо Наполеон за заслуги поляков «даровал» им так называемое «Герцогство Варшавское», стало быть, не Польское, а Варшавское лишь. В то время, как Александр I даровал полякам многое больше. Поляки полагали, как видно, что Царство Польское было восстановлено Венским конгрессом, в действительности же державы-участники конгресса предоставили императору Александру I право дать «конгрессовой Польше» такое устройство, какое он сочтет необходимым. Да, он мог дать полякам не более того, что дал прусский король Познанской области. А Александр дал Царство Польское (по-польски «Крулевство»). Поляки имели, как подчеркивает вышеуказанный автор, свои законодательные палаты, свои финансы, свои школы, свою администрацию и даже свои войска, и это несмотря на участие поляков в Наполеоновских полчищах. Царство Польское было самостоятельным государством, лишь объединенным в лице монарха с Россией. Даже русская земля — Холмщина — была включена в Царство Польское, даже литовские земли левого берега Немана были включены в то же Царство.

Поляки, пользуясь расположением к ним Александра I, а в сущности его слабостью, ополячили даже русские губернии, как, например, Киевскую, Волынскую, Подольскую, где стал господствовать польский язык в судах, в дворянских собраниях, в учебных заведениях. В Кременце был открыт польский лицей, а в Вильне университет, не с русским, а польским обликом.

Восстание 1830—1831 гг. заставило императора Николая I отменить конституцию своего брата и сблизить Польшу с административным устройством России, но полякам был оставлен их язык в местной администрации, суде, в школе и оставлен кодекс Наполеона, как они хотели. Но, спрашивается: почему же поляки

поносили Николая I? Он поставил предел ополячиванию и латинизации в русских землях, управление в них вновь получило русский характер, и русский язык снова получил здесь право гражданства, а греко-униатская Церковь воссоединилась с православной. (П. Гейсман. Славянский вопрос в понимании русского добровольца 1876 года, гл. IV. «Военный сборник», № 11, 1916.)

Но какова оценка происшедших событий, какова оценка поляков того мятежного времени? Когда император Николай I был еще малышом, у него была няня англичанка Лайон, которая была взята в плен поляками. Она рассказывала свои впечатления об ужасах и жестокостях, происходивших в Варшаве в 1794 году. И мы добавим, — она была права в своей оценке; ведь пленных русских офицеров и солдат в 1830—1831 годах поляки не только убивали, но сперва жестоко мучили, чemu много свидетельств.

А вот характеристика поляков, данная княгиней Екатериной Радзивилл, урожденной Ржевусской, отец которой был коренным поляком. Она в своих воспоминаниях признавала себя русской по идеям, мнениям, по привязанности и даже говорила, что любит Россию со страстной преданностью и что не желала бы принадлежать к какой-либо другой национальности, в том числе и польской. Она, вместе с тем, пишет, что не понимала поляков и что в особенности ей была «отвратительна их манера вмешивать религию в политику».

Позже к католической пропаганде присоединилась на Западе и евангелистская, утверждавшая, будто лютеранство преследуется в России. Эти клеветнические измышления являлись обычной злостной кампанией Западной Европы против России. Уж где, как не в России, уважалась свобода совести! Достаточно сказать, что в Петербурге, не говоря уже о Прибалтике, имелись: четыре лютеранских, пять католических, одна армянская, одна иудейская, одна буддистская церкви, а также мечеть. А в таком небольшом городе как Петергоф, с населением всего в десять тысяч, имелись лютеранская церковь, которую у нас называли кирка, и католический костел.

Мы посоветовали бы иезуитам и лютеранам заглянуть в Галицию, в Закарпатскую Русь, где православие всячески зажималось. А разве не те же балтийские немцы, то есть лютеране, в основном, преследовали латышей, принявших православие, что вызвало резкую отповедь Юрия Самарина в III выпуске его «Окрайн».

Но вернемся к княгине Е. Радзивилл.

Княгиня Е. Радзивилл сама по себе, помимо её русскости, интересна еще тем, что одной из её теток была супруга француз-

ского романиста Бальзака и что её двоюродной сестрой была графиня Мнишек, а бабушкой её мужа была принцесса Луиза Прусская; кроме того её золовкой была племянница знаменитого Талейрана. Сама Е. Радзивилл была знакома с Бисмарком и другом семьи Радзивилл не менее знаменитым Мольтке. Следовательно, мысли ее заслуживают внимания.

Интересно её свидетельство о личности императора Николая Павловича. Говоря о том, что эта личность была оклеветана своими, русскими, и чужеземными врагами, она пишет: «В сущности, — это был один из самых благородных и великодушных людей на свете; его обожали все, имевшие какие-либо отношения с ним» (В. А. Тимирязев. Воспоминания княгини Радзивилл. «Исторический вестник», т. 100, 1905).

Чтобы поставить точку в вопросе об отношении видных людей к Польше, приведем из отрывка А. С. Пушкина «Бородинская годовщина»:

Сбылось, — и, в день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк
В бореньи падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Она народной Немезиды
Не узрит гневного лица
И не услышит песнь обиды
От лиры русского певца.
Но вы, мучители палат,
Вы, черни бедственный набат
Клеветники, враги России!

Не стоит забывать еще одного исторического факта, а именно — что Польша была *трижды разделена Пруссией, Австрией и Россией*, а главное, напомним, что перед Тильзитским миром часть Польши, которая затем вошла в состав России, *была Прусской* и что *Варшава*, таким образом, в то время *была прусским городом*. (С. С. Татищев. Император Николай I и июльская монархия во Франции. «Исторический вестник», т. 30, 1887.)

О русификации писали повсюду больше, чем следовало бы, но вовсе забывали о полонизации белорусов, литовцев, русин и украинцев. Не следует также забывать и об опружении поляков. Что творилось в польских землях, находившихся под прусским владением, находим в книге Романа Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос»:

«У прусского правительства осталось одно средство — искоренение польской национальности при помощи физического насилия. Акты такого насилия начинают быстро следовать один за другим, все более резкие и варварские в своем характере, всё более и более противореча конституционному строю государства и духу современной гражданственности. Преследование польского языка в школе, в армии, во многих местностях и в церкви, приобретение покупкой польских земель через посредство колонизационной комиссии, все эти средства оказываются уже недостаточными, прусские власти начинают прибегать к таким приемам, как запрещение почте доставлять письма с адресами, написанными по-польски, и истязание в школе детей за польскую молитву. Наконец венцом системы является закон, воспрещающий говорить по-польски на публичных собраниях, и закон о принудительном отчуждении польской земли, акт необычной важности, подрывающий в корне правовой строй современного цивилизованного общества» (Роман Дмовский. Германия, Россия и польский вопрос. Санкт-Петербург, 1909).

Конечно, положение поляков в Пруссии было несравненно с положением в Царстве Польском и, конечно, прусских поляков следует пожалеть, но вспомним, что польское коло в I Государственной Думе стояло за принудительное отчуждение земель у русских помещиков в польских губерниях и в данном случае считало такое насилие вполне конституционным.

Но урока 1831 года поляки не заучили и, когда император Александр Николаевич снова пошел навстречу стремлениям поляков, то они вторично подняли восстание в 1863 году. А неблагодарность всегда рано или поздно выходит боком, каждый бунт, поднятый лишь одними чувствами, без взвешивания шансов, без учета сил, заканчивается преследованиями и лишениями хотя бы некоторых преимуществ, а то и всех, как это видно из всеобщей истории.

Юрий Самарин, обстоятельно ознакомившийся с польским вопросом сперва еще будучи на Украине, а затем в польской миссии Н. А. Миллютина, так объясняет трагедию поляков: польское государство погибло и не могло выжить, поскольку польское общество было носителем полонизма, воинствующего католициз-

ма, стремящегося под видом просветительной миссии внедрить в другие славянские народы католицизм, господство иезуитов, а с ними и самих поляков. (Барон Б. Нольде. Юрий Самарин и его время. ИМКА-Пресс, II издание.)

Как мы указывали, польский крестьянин стоял в стороне в обоих восстаниях, не разделяя стремлений шляхетства, что и было замечено русским правительством. Поэтому император Николай I в 1846 году издал закон, по которому основная масса польских крестьян получила право пользоваться своими участками под условием выполнения повинностей в отношении землевладельцев-панов. Заметим, что кодекс Наполеона, утвердившийся временно в Польше, признавал крестьян лично свободными, но лишал их земли. Закон же 1846 года имел то преимущество, что он устанавливал зависимость не только крестьянина от помещика, но и последнего от крестьянина, поскольку закон устанавливал систему договоров между обеими сторонами: помещик обязывался предоставлять крестьянину земельный участок, а крестьянин обязывался исполнять определенные повинности по отношению к пану. И еще одно важное обстоятельство заключалось в законе: предусматривались периодические проверки исполнения настоящего закона, проверки соблюдения взаимных обязательств. И этот пункт оказался весьма важным, что показала проведенная позже проверка: помещиками были за период до проверки навязан крестьянам 121 дополнительный вид повинностей. Но крестьяне ценили закон 1846 года за то, что, как пишет Юрий Самарин, участник польской миссии Милютина, такой «создал из ничего право крестьян на землю».

Насколько закон 1846 года о земельном устройстве в Польше был разумным, видно из того, что назначенная императором Александром II особая миссия в составе Милютина, Черкасского и Самарина представила обширный доклад о земельных отношениях в Польше и программу реформ, в которых лейтмотивом было требование восстановления в полной силе закона 1846 года, искаженного за 15 лет его существования шляхетством в свою пользу.

Таким образом, основа земельного устройства в Польше, предусмотренная законом императора Николая I в 1846 году, оказалась весьма плодотворной, что признал и выдающийся польский деятель Роман Дмовский: «...реформа, являвшаяся актом меттерничьей политики и вследствие способов её проведения с самого начала оцененная дворянством как несправедливость, стала благодеянием для края; она создала здоровый и многочисленный крестьянский слой на крепкой экономической

основе, предназначенный служить элементом равновесия общественных отношений в крае» (Бар. Б. Нольде. Юрий Самарин и его время. ИМКА-Пресс, II издание).

Но посмотрим, каково было отношение русского общества к польским восстаниям? Так, в адресе Самарского дворянства подчеркивается подрывная работа западноевропейских стран против России, стремление ослабить и унизить Россию: «Пусть на бумаге и в речах сочиняют небывалую историю, переименовывают целые племена и отписывают к Польше половину России: Земля Русская заявит свое единство». И, что важно, несмотря на неблагодарность и коварство польского шляхетства, русское общество, как видно из указанного адреса, не требует возмездия, но... «Мы не требуем оплаты за рассчитанные оскорблении и за невинную коварно пролитую кровь, но сбережем для лучших времен сознание нашего племенного родства с поляками. Пусть знают они, что не мы обрадуем врагов славянского мира отречением от уверенности, что рано или поздно благодушие победит озлобление, улягутся предубеждения и примиренные поляки протянут нам братскую руку» (Бар. Б. Нольде. Юрий Самарин и его время. ИМКА-Пресс, II издание).

Отметим также: когда было возбуждено судебное дело против тайных обществ поляков, то император Николай I передал это дело на рассмотрение не русского какого-нибудь чрезвычайного суда, а польского Сената.

В 1848 году по Европе прокатилась волна революций, восстаний, мятежей или хотя бы просто беспорядков, вызвавших, естественно, в императоре Николае I настороженность и приостановку проводимых уже или намечавшихся к проведению реформ. А в особенности после Венгерского восстания. Что же произошло в Венгрии в это смутное в Европе время?

Итак, в 1849 году произошла так называемая Венгерская кампания. Верный политике своего старшего брата, своего предшественника, верный заключенному им дружественному союзу с Австрией и Пруссии, император Николай I оказал военную помощь молодому, только что восшедшему на престол Францу-Иосифу для отражения возмущившихся венгров. Эта помощь была оказана после того, как австрийский молодой император прибыл в Варшаву, где в это время находился император Николай I, и, целую руку последнего, молил помочь ему. Это произошло после того, как в апреле 1849 года польский генерал Бэм, возглавивший одну группу венгерских войск, овладел Трансильванией и габсбургско-лотарингская династия была объявлена венграми лишенной «навеки» престола, а венгерские войска стали угрожать и самой Вене.

Просьба молодого австрийского императора была услышана, и русские войска вошли в Венгрию, а 1 августа 1849 года армия Гергеля сложила оружие перед русским авангардом. Так Австрия и ее император были спасены от уничтожения и унижения.

Мне всегда казалось ошибкой Николая Павловича это спасение Австрии и подавление венгерского восстания русскими войсками; мне всегда казалось, что за неоднократное коварство (вспомним Суворова) Австрию следовало наказать, предоставив ее собственной судьбе. Однако позже я обнаружил мотивы русского Государя, помимо его верности Священному Союзу, по которым он решил вмешаться в австрийские дела.

Во-первых, русский император спасал не Австрию, а австрийскую монархию как таковую, в порядке верности указанному Союзу.

Во-вторых, Николай Павлович был вообще врагом всяких революций.

В-третьих, он прислушивался к голосу южных славян, находившихся под скипетром австрийского монарха; а эти славяне страшились усиления венгров, ибо мадьяризация для них была страшнее австрийского гнета, и потому они добровольно становились в ряды австрийской армии и ожесточенно дрались против венгров. А надо сказать, славянское движение, славянская мысль широко распространялась, в особенности в России, и влияла на русское общество и не менее — на самого русского императора. Характерно, что даже западники в то время считали необходимым единение славян. Ф. М. Достоевский, не будучи славянофилом, видел в объединении славян особую миссию русского народа, миссию служения человечеству. По этому поводу находим у него:

«Само собою после Петра обозначился и первый шаг нашей новой политики: этот первый шаг должен был состоять в единении всего славянства, так сказать, под крылом России. И не для захвата, не для насилия. Это единение, не для уничтожения славянских личностей перед русским колоссом, а для того, чтобы их же воссоздать и поставить в надлежащее отношение к Европе и к человечеству, дать им, наконец, возможность успокоиться и отдохнуть после их бесчисленных вековых страданий, собраться с духом и, ощутив свою новую силу, принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации» (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Ч. I. СПБ, изд. Маркса, 1895).

Совершенно естественно, что и Николай Павлович, современник Достоевского, разделял эту общую точку зрения и стре-

мился обеспечить столь необходимые южным славянам покой, отдых, умиротворение. Тем более, что сербский патриарх Иосиф Рячич взывал: «Попустит ли великая Россия истребление наше от лица земли?» И сербы шли в австрийскую армию.

Мы показали три мотива, которые определяли линию императора Николая I, а сейчас дополним их: в-четвертых, — во главе венгерского восстания находились польские вожаки Бэм, Высоцкий, Дембинский и другие. И, в-пятых: спасая австрийскую монархию, спасая Франца-Иосифа, император Николай I полагал пользоваться своим влиянием на него, в частности, для улучшения положения южных славян. Другое дело, что этот австрийский монарх ответил черной неблагодарностью, — это не укладывалось в сознании благородного русского царя, рыцаря на троне. К великому сожалению, противоречие между долгом и истинным желанием Николая Павловича сопутствовало ему и император сознавал это со всею реальностью. Как-то Николай Павлович сказал австрийскому посланнику графу Георгу Эстергази: «Знаете ли двух глупейших королей польских? Я вам скажу: то были Ян Собесский и я. Оба мы спасали Австрию, но признательности от нее за это не пожали». Горькая истина! Однако не надо думать, что Николай Павлович это понял лишь поздно, нет, реальный ум его правильно оценивал политическую обстановку и он слышал высказывания венгерских вождей в адрес России. Вот, что, например, говорил Клапка, один из руководителей венгерского восстания, парламентеру русской стороны полковнику Исакову:

«...Император Николай нас погубил, а зачем? Неужели вы верите в благодарность Австрии? Вы спасли ее от совершенной гибели, они же вам заплатят за это, поверьте, мы их знаем и не в силах верить ни одному их слову...» (Н. В. Исаков. Венгерская кампания 1849 года. «Исторический вестник», т. 81, март 1913).

Однако отношения венгров к русским и к русскому императору оставались хорошие. Да и русские воины в далеком тылу более сочувствовали венграм, нежели австрийцам. Сам Государь был возмущен, когда узнал, что австрийцы, несмотря на обещание русскому командованию не применять смертной казни, повесили четырех венгерских генералов при сдаче и самого Гергяя. По данным «Месяцослова», 10(22) сентября 1851 года решением Венского суда венгерские вожаки Кошут, граф Казимир Батиани, Михаил Хорват, Мориц, Николай Перцели, граф Владислав Телеки и другие, всего 37 человек, заочно приговорены к смертной казни. («Месяцослов на 1853 год». Санкт-Петербург.) Возмущены были этим и русские офицеры. А император Николай I, желая облегчить судьбу венгров и их вождей, послал в Вену даже своего

наследника и просил Франца-Иосифа отдать Гергеля ему на поруки. Особо важно отметить, что венгерские повстанцы предпочитали сдаваться русским, а не австрийцам.

Так Россия ввязалась в европейские дела самым активным способом. Как мы уже заметили, император Николай I, вмешавшись в австрийские дела, руководствовался стремлением поставить Австрию в зависимость от благоволения России, но Австрия знала, чье мясо съела, — она боялась за свои славянские народы и их симпатии к России, а потому всегда относилась к России с немалой подозрительностью. Но она забыла рыцарский характер русского императора, его непреклонную верность заключенным договорам, она мерила на свой аршин. Вот как записал маркиз де Кюсти принципиальную точку зрения русского императора, выявленную им при их встрече:

«Меня очень мало знают, — говорил император Николай I, — когда упрекают в моем честолюбии; не имея ни малейшего намерения расширить нашу территорию, я хотел бы еще более сплотить вокруг себя народы России. И лишь исключительно над нищетой и варварством я хотел бы одерживать победы: улучшать жизненные условия русских гораздо достойнее, чем расширяться...»

Но западные правители не верили или не хотели верить этим заверениям русского императора, их не устраивало такое представление своих народов о России и её императоре. А вот, что пишет Достоевский о русской политике:

«Кстати, этот взгляд на неподкупность внешней политики России и на вечное служение её общечеловеческим интересам даже в ущерб себе оправдывается историей и на это слишком надо обратить внимание. В этом наша особенность сравнительно со всей Европой» (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Ч. I. СПБ, изд. Маркса, 1895).

Таким образом, несмотря на политические цели России служить человечеству, Россию боялись, а потому и ненавидели. Можно еще понять французов в этом, ведь у них еще свежо было в памяти поражение Франции времен Наполеона; понятна, пожалуй, и вражда Англии, дрожавшей вечно за Индию, понятна и потому, что она сама — царица морей — по характеру своему известна была в русском народе, как «англичанка всегда гадит», «англичанка», которая не терпит конкуренции, но неблагодарность Австрии нельзя понять, хотя и можно объяснить.

В отношении Австрии и её коварства, приведем всеподданнейший доклад графа Нессельроде Государю:

«Австрия с большим усердием действовала в смысле, враж-

дебном России. Все австрийские заграничные агенты отчасти по инстинкту, отчасти вследствие полученных инструкций, усердно старались поддерживать неприязненный образ действий их правительства и помогали друг другу с замечательным единодушием. Их язык и поведение обнаруживали повсюду одинаковую зависть к могуществу России, одинаковую ревность воздвигать ей препятствия, одинаковую любовь к туркам и, наконец, одинаковые пожелания в пользу торжества последних».

А в мемуарах Меттерниха обнаруживается интересный факт, а именно, что под Наварином в рядах турецкого флота, находившегося под командованием Ибрагима-паши, было несколько австрийских военных кораблей. (*Mémoires, documents et écrits laissés par le prince de Metternich publiés par son fils. Vol III-IV.*)

И вот еще иностранное свидетельство об австрийской политике; а именно — принца Альберта, супруга английской королевы Виктории, который в письме к Штокмару писал: «Австрия сердита на самое себя, гневается против Бога и целого мира и имеет на то основательные поводы, потому что своей двойственной политикой она осталась у всех за спиной».

Действительно, многие прусские министры предостерегали своего короля от происков Австрии: «Если Вы рассчитываете на военную помощь Австрии, то сильно ошибаетесь, она всё обещает, всё подпишет, что угодно, но ни в чем не сдержит слова». А Мантейфель сказал английскому послу в Берлине, лорду Блон菲尔ду: «Австрия есть держава, с которой мы ни до чего не договоримся, и с которой не сговорится никто. Я знаю, вы недовольны нами; мы не сделаем того, конечно, чего вы ожидали, но, по крайней мере, мы не обманывали вас». А военный агент Франции в Вене, генерал Летонг, писал о политике Австрии: «Австрия всегда готова спешить на помощь только победителю». А Бисмарк сказал о вершителе австрийской политики, графе Буоле: «Никто не мог знать наверное — павлин он или петух индийский».

Сам Меттерних, когда он был уже не у дел, во время Венской конференции сказал Горчакову: «... Но меня тяготит, в высшей степени, убеждение, что путь, которым следует Австрия, покроет её стыдом и срамом, тогда как Пруссия наследует утраченную нами роль и решит вопрос, когда только пожелает».

Да, Пруссия была наиболее дружественной к России, хотя и не безукоризненным нашим партнером. Дружбе с Пруссией способствовала женитьба Николая Павловича на прусской принцессе Фридерики-Луизе-Шарлотте-Вильгельмине, дочери короля Фридриха Вильгельма III. Кроме того, совместные боевые действия

против Наполеона спаяли тогда русские и прусские войска. А Фридрих-Вильгельм упрочил дружбу еще тем, что назначил великого князя Николая Павловича шефом 3-го (позже он стал 6-м) Кирасирского прусского полка. Николай Павлович это оценил и относился всю жизнь к этому полку как действительно к своему. Заметим, что указанная выше помолвка с прусской принцессой произошла 23 октября 1815 года, когда прусская армия возвращалась из Франции и проходила торжественно через Берлин.

Вообще надо сказать, что Николай Павлович душевно и дружественно относился к Пруссии и это подтверждает Луи Шнейдер, артист и режиссер королевского театра и, вместе с тем, военный корреспондент и издатель газеты «Друг солдата», усердным читателем которой был и русский император Николай I. Последний в письме к военному представителю Пруссии в Петербурге генералу Рауху в бурный 1848 год заявил с нескрываемой иронией: «Ныне осталось всего три добрых пруссака: это я, Вы, любезный Раух, и Шнейдер». Конечно, это фраза, но сказанная в тот момент, когда Прусский король поддался левым настроениям и вернулся в революционный Берлин. Николаю Павловичу, с его верностью монархическому принципу, непонятно было поведение короля, и он испытывал горькое разочарование. И, кроме того, уж если по соседству распространяется революционная зараза, думал он, значит надо быть еще более бдительным, чтобы не допустить её в Россию.

Упомянутый Шнейдер, который был также личным чтецом прусского короля, был, как видно из отношения к нему нашего императора, прусским патриотом и идеологическим единомышленником русского императора. К тому же заметим, он, не в пример многим путешественникам и иностранным мемуаристам, знал русский язык, поскольку детство он провел в Ревеле, каковой факт ценил Николай Павлович. Николай Павлович в этом признавался Шнейдеру и говорил ему, что обычно прочие иностранные корреспонденты, не зная русского языка, часто искажают фактическую сторону жизни русских и России и вдобавок подтверждают свою авторитетность утверждением, что он-де был в России.

Шнейдер, как военный корреспондент, неоднократно бывал на маневрах русских и беседовал не раз с русским императором, которого уважал и даже относился к нему с благоговением. Он присутствовал, разумеется, также на русских и прусских совместных воинских маневрах, устроенных императором Николаем I в районе Калиша. Эти маневры имели цель усилить единство двух соседних стран, а с другой стороны, являлись демонстрацией в

адрес других европейских держав и, в частности, в адрес колеблющейся Австрии.

Луи Шнейдер описал эти маневры в его «*Kalisch im September des Jahres 1835. Berlin 1835. Der Soldaten Freund*». Кроме того, он написал «*Aus meinem Leben*», трехтомный труд, в котором много сказано об императоре Николае I, дана его полная биография.

Но не следует думать, что только Луи Шнейдер, только немец, способен удовлетворить запросы специальной среды и выпускать литературу для неё, в данном случае — для солдат. И у нас нашелся свой Шнейдер, а именно — А. Ф. Погосский, написавший много пьес, повестей, рассказов, предназначенных для солдат и, в частности, написал «Солдатские заметки» (1855), в которых выразил мысль, ставшую известным изречением: «Плох тот солдат, который не думает стать генералом». Погосский издавал также специально направленные журналы, как, например: «Солдатская беседа», «Досуг и дело», «Народные беседы». Умер А. Ф. Погосский в 1874 году.

Говоря о дружеских отношениях Николая Павловича с Берлинским Двором, заметим, однако, что император зорко следил за прусской внешней политикой и, когда назрело столкновение между Пруссией и Австрией, он заявил враждующим сторонам, что поставит русские войска между ними, чем предупредил войну, кровавые события. Этот шаг русского императора соответствовал смыслу «Священного Союза», и Николай I предпочел стать арбитром, а тем самым создавал авторитет и России. А когда во Франции произошло свержение Карла X и была введена конституционная монархия, Николай I призывал Австрию, Пруссию и Англию к совместным действиям для сохранения во Франции легитимного строя и одновременно запретил пропускать через Кронштадтский порт французские суда с новым их флагом. Он не понимал конституционной монархии, что видно из его разговора с Киселевым, когда он сказал:

— Она изобретена для жонглеров и интриганов. Я могу понять монархический и республиканский образ правления, но конституционный для меня непонятен... Это фокусничество. Если бы мне, в качестве частного человека, приходилось бы выбирать местожительство, то я предпочел бы республику, ибо этот образ правления лучше всего гарантирует права граждан. Но он подходит не для всех стран. Нужно держаться освященного временем. (А. М. Белов. Иностранцы о России. «Исторический вестник», т. 136. 1914.)

В таком определении конституционализма Николай Павлович был не одинок. Как показывает барон Б. Нольде, Юрий Са-

марин также говорил, что для него в конституционализме всегда чувствуется сословность и плутовство высших классов. (Бар. Б. Нольде. Юрий Самарин и его время. ИМКА-Пресс).

Поэтому к Франции того времени император Николай I относился с нескрываемым раздражением. А когда во Франции начали формировать польские легионы, он заявил, что это будет означать войну России против Франции, и французскому правительству пришлось отказаться от этой авантюры.

Укажем также: когда император Николай Павлович пытался осуществить совместную с Австрией и Пруссии борьбу против проникновения революционных идей и когда Пруссия не согласилась на такую конвенцию, то русский император дал почувствовать свое осуждение такой политики Пруссии особой демонстрацией. В день празднования дня рождения брата русской императрицы Александры Федоровны принца Альберта кто-то из немцев при русском Дворе провозгласил тост за здравие принца, а Николай Павлович, отвернувшись, громко сказал рядом сидевшему генералу Орлову:

— Пью за ваше здоровье, генерал!

И 11 октября императрица отметила в своем дневнике подписание конвенции. (Из цитированного уже выше А. М. Белова.)

Мы видим, что только одна неделя потребовалась, чтобы Пруссия согласилась на конвенцию. Не мудрено, что среди европейских дипломатов в сороковых годах XIX столетия распространялась поговорка: «Достаточно царю зевнуть, чтобы даже все куры в Испании на полчаса раньше собрались на насесты».

И действительно, русский император держал себя с достоинством перед иностранным миром. В 1831 году он приказал заложить на стапелях одновременно десять стопущечных кораблей, что взволновало англичан, и их посол осмелился спросить императора Николая I, зачем он строит столько кораблей? На что Государь веско и остроумно ответил:

— Для того, чтобы мне потом не смели задавать подобных вопросов.

Французы же того периода были еще наглее, — видимо, у них была короткая память: они забыли 1812—1815 годы. Их политики изволили писать, что кавказские горцы приносят-де большую пользу России, производя в ней периодическое кровопускание, без чего у неё, как у полнокровного индивидуума, завелись бы в голове сумасбродные идеи, опасные для спокойствия Европы.

Однако, прежде чем взяться за тему замирения Кавказа, упомянем наши военные операции в Азии, а именно — войну с

Персией. Началась она, когда персидские войска вторглись в русское Закавказье. Усилиями наших войск, под командованием Паскевича, сперва вытеснили персов из русской территории, а затем взяли Эривань и продолжали преследовать врага так, что заняли и Тавриз. В результате сего был заключен Туркманчайский договор, по которому Россия приобрела Эриванское и Нахичеванское ханства.

А в 1839 году была проведена военная экспедиция в Хиву с целью освободить русских невольников, прекратить грабежи и насилия, производившиеся в пограничных областях России и обеспечить права российских подданных. В результате экспедиции хивинский хан поторопился выполнить эти требования и издал фирман, которым строго, под угрозой смертной казни, воспрещалось всем подвластным ему племенам производить грабежи в российских областях и держать в неволе российских подданных. (История русских войн. Бесплатное приложение к журналу «Русский паломник» за 1915 год, выпуск 8-9.)

В 1828 году возникла Русско-Турецкая война, протекшая сравнительно коротко; она велась как на кавказском, так и на европейском фронтах. Русские войска заняли Карс, Ахалцык, Ахалкалаки и Эрзерум на первом и Адрианополь на втором фронтах. По Адрианопольскому мирному договору Россия приобрела устье Дуная и черноморское побережье Кавказа. Греция в результате этого договора приобрела независимость, а Молдавия, Валахия и Сербия получили более благоприятные условия существования.

Война же на Кавказе с горцами началась в 1825 году, и причин её было немало, мы уже коснулись ее частично в другой главе, здесь же отметим важность связи, надежной и непрерывной с Грузией, для чего построили Военно-Грузинскую дорогу. Но горцы, нападая на обозы и путешественников, а затем и на большие этапы (оказии), сопровождаемые охраной, нарушили эту связь и, таким образом, вызвали решительные против них действия. Но мы полагаем, что многие сейчас рассматривают завоевание Кавказа и борьбу горцев против русских с точки зрения сегодняшних условий, что на самом деле искаляет истину и не дает правильного представления о Кавказской войне. Чтобы понять общее положение на Кавказе, обрисуем сперва общее положение в Закавказье.

Еще до окончательного замирения Кавказа Николаем Павловичем принимались меры по улучшению жизни Кавказа. Так, в 1842 году был учрежден Особый комитет и так называемое Временное отделение для управления Закавказским краем. С при-

соединением Грузии все неопределенные повинности населения, под названием приношений и подарков местным властителям, были отменены и, как пишет Н. Г. Макаевский-Зубок, с приходом русских в край население «получило значительное облегчение... Произвол князей и дворянства был значительно ослаблен, что в свою очередь составило большое облегчение для простолюдина; пределы Грузии были расширены, соседние независимые народы покорены русским оружием, чем были прекращены набеги на Грузию, которые разоряли последнюю вконец». Описывая порядки в Имеретии, царившие до прихода русских, автор отмечает:

«Население Имеретии при её царях было настолько бедным и угнетенным, что среди него вошло в обычай торговать собственными детьми. Продавались, по дешевым ценам, как мальчики, так в особенности девушки, которыми наполнялись гаремы мусульманских государств». Далее автор указывает, что и в армянских областях положение жителей было тяжелым. Он далее пишет: «Нет сомнения, что азиатские сборщики податей умели взять с населения не только всё, что с них следовало по раскладке, но и то, чего вовсе не следовало, а потому ханский гнет в этих областях был доведен до последней возможности». Далее автор, уточняя, подтверждает, что русское правительство уменьшило налоги с жителей на две трети. (Н. Г. Макаевский-Зубок. Кавказ и кавказские наместники. «Вестник Европы», кн. 2, 1906.)

17 ноября 1844 года император Николай I назначил князя М. С. Воронцова первым кавказским наместником, а чтобы устраниТЬ анархизм, император прежде всего обратил внимание на просвещение и образование новых поколений.

Теперь перейдем снова к теме о войне на Кавказе. Всю войну можно расчленить на три периода: период успешных наших действий в 1830—1840 годах, притом успешных как в военных действиях, так и мирной жизни; период потери этих успехов, расширения мюридизма и успехов горцев в 1841—1849 годы; период приближения к окончательному замирению Кавказа с 1850 года.

А. И. Зиссерман развивает повествование самой борьбы с горцами. В первое время нашей борьбы за Кавказ почувствовали, что горцы по-прежнему намеревались распоряжаться в Грузии, как в порабощенной стране. Автор пишет: «С 1830 года это новое учение (мюридизм. — М. З.) стало обнаруживать последствия уже нешуточные. Под предводительством Кази-Муллы, провозгласившего себя имамом новой секты, большие толпы горцев

ограбили уездный город Кизляр, осаждая крепости Бурную, Дербент и Внезапную, беспрестанно вторгались на плоскости, возмущая покорных нам жителей, или разоряя их за нежелание восставать...»

Далее А. И. Зиссерман критикует нашу политику, которую он называет «мирной»: «Между тем, пока мы, ведя переговоры, следовали мирной политике, Кази-Мулла, в союзе с главными кадиями Гимры и Уцукуля (это названия крупных аулов.— М. З.), продолжал свое дело...»

Но терпение лопнуло и сравнительно крупный отряд вторгся в район действия Кази-Муллы и взял штурмом в 1832 году Гимры, где пал и сам Кази-Мулла. Имамом стал Хамзат-бек, который, следуя тем же террористическим методам, истребил всех членов Аварского ханского рода, не желавших ввергать Аварию в войну с русскими. Но за это Хамзат-бек поплатился от рук Хаджи-Мурата и Османа, убивших его в мечети. Имамом провозгласил себя Шамиль, очень умный, энергичный, деловой организатор. Дважды его разбивали русские и оба раза счастье оставалось на его стороне — в последние минуты ему удавалось бежать. Он стремился объединить в борьбе все племена центрального Кавказа, употребляя подкуп, насилие, террор, клевету, ложь и прочие тому подобные средства. Ему всеми этими средствами удалось втянуть в восстание Чечню и даже часть Аварии. Но с 1850 года стало сказываться наше превосходство и постепенное замирение Кавказа.

Кстати, о Шамиле. Как известно, император российский поселил его на мирное житие в Калуге, а что проделывал этот имам с нашими пленными? Он расстрелял тридцать шесть пленных и отпустил лишь одного поручика Демьянова, предварительно истязав его полтора тысячами ударами плети. Но Николай Павлович стремился к замирению, а не к порабощению кавказских народов. (А. И. Зиссерман. Материалы для истории Кавказской войны. «Русский вестник», т. 101, октябрь 1872.)

Итак, горцы были замирены, но их быт, их верования остались теми, которые они предпочитали. Не так было в парламентарной Англии. В Ирландии англичане запретили католическую религию; все государственные должности были закрыты для католиков. Земли принадлежали англичанам, которые могли удалить досрочно арендатора без всякого вознаграждения. (Шарль Сеньобос. Политическая история современной Европы. Т. 1.)

Соседняя Турция фактически принимала участие в этой войне, снабжая горцев оружием и боевыми припасами, что вызвало

обострение наших отношений с нею, как на Кавказе, так и на Балканах, где турки угнетали славянские народы и препятствовали их культурному развитию. К тому же и положение Греции значительно ухудшилось из-за еще большего притеснения турками местного населения. Напомним, что Греция находилась под турецким владычеством с XV столетия и только в начале XIX греки, не выдержав угнетения, подняли восстание. Кроме того, не следует забывать, что именно они, турки, вызвали его, схватив в пасхальную заутреню в Константинополе греческого патриарха Григория и ряд других духовных иерархов и повесив их. Естественно, что император Николай I не мог оставаться равнодушным к этому беспримерному злодейскому акту, как не могли оставаться равнодушными и многие люди в Западной Европе, в числе которых был и поэт Байрон, вступивший в «филэллинское движение» и в ряды борцов за независимость Греции. Русский император стал призывать западные державы к защите христианства. В результате русский флот вошел в турецкие воды, поддержаный английским и французским флотами. Турецкий флот был разбит в Наваринской бухте (20 октября 1827 г.) и война закончилась Адрианопольским мирным договором, заключенным 2 сентября 1829 года, по которому союзники обеспечили за Сербией, Валахией и Молдавией автономное управление и признание Турцией самостоятельности Греции (3 февраля 1830 г.).

Но император Николай I предпочитал иметь по соседству Турцию, обязанную России, и потому он её спас от полного поражения восставшим египетским пашой Мехметом-Али, к которому присоединился и изменивший турецкий флот. Россия тогда послала свой флот в турецкие воды и экспедиционный корпус на турецкую территорию, угрожая египетским войскам, если таковые не прекратят своих враждебных против Турции действий. Таким образом Россия вмешалась в турецкие дела и в результате спасения её по Ункар-Искельскому договору (26 февраля 1833 г.) Турция обязалась закрыть Босфор и Дарданеллы для прохождения военных судов европейских держав, чем обеспечивалось спокойствие в Черном море. Но этот выигрыш России вызвал ревность и неприязнь со стороны этих держав.

Напрашивается, однако, вопрос, — правильно ли поступил император Николай I, когда сын египетского паши Ибрагим разбил турок в Сирии при Неджибе. Не было ли это ошибкой Государя? Так казалось всегда и мне самому. Я полагал, что нужно было оставить Турцию на произвол судьбы — ведь с ней мы бесконечно воевали и она помогала горцам бороться против русских! Но, во-первых, Англия готовила демарш с тем, чтобы

заставить египтян отказаться от завоевания Турции; во-вторых, император Николай I хотел предупредить этот демарш с тем, как мы уже заметили, чтобы султан спасением Турции был обязан своему северному соседу; в-третьих, император намеревался разрешить ряд наболевших вопросов, интересовавших Россию и балканских славян, а также касательно святых мест в Иерусалиме и духовных учреждений, опекаемых там Россией.

Интересно отметить, что пребывание русских войск под Константинополем для защиты его от египетских войск оставило по себе память в виде монумента, воздвигнутого на азиатском берегу Босфора на высоком мысу с плоской площадкой наверху. Этот мыс носит название Сельви-Бурну, что означает Кипарисовая гора, но теперь там кипариса нет. Памятник, поставленный на мраморную плиту, представляет кусок скалы высотой примерно в три метра. На памятнике имеется четырехстишие:

В этой равнине русские войска были гостями и ушли!
Этот обломок скалы да будет памятью и знаком,
Пусть дружба двух империй останется крепкой и стойкой
И да будет воспеваема устами друзей.

Когда-то этот текст был позолоченным, но со временем по-золота сошла и, более того, некоторые буквы повреждены. На другой стороне памятника заметно углубление, в котором ранее была мраморная плита с датой «15 июня 1835 года», написанной по-русски. Говорят, что доска эта выпала и раскололась.

Но, увы, память осталась каменной, глухой, уста «друзей» стали говорить обратное, турецкое правительство, подогреваемое западными недругами России, забыло об этих словах и о самом памятнике и забыло услугу России.

Однако среди английского русофобского общества нашлись самостоятельно мыслящие люди, как, например, В. Стэд, написавший книгу «Правда о России», в которой он высказал мнение на тему, ревниво волновавшую Англию и Францию, следующим образом: «Босфор — это ворота дома (то есть России), а султан не более, как дворник, у которого ключи от этих ворот». Или, как сообщает П. И. Фирсов, другой англичанин, вступив с ним в беседу, сказал:

— Говорят, что Россия собирается воевать с Турцией. Дай-то Бог! Ах, если бы она хорошенъко вздула турок!

И на вопрос, почему он не любит турок, англичанин пояснил:

— Да кто же их может любить, если только знает, как они терзают христиан. Я сам был в Турции, и под Севастополем

сражался, это было давно, но и теперь стыдно вспомнить, что мы, англичане, защищали такое беспутное во всех отношениях турецкое правительство.

Надо сказать, что и премьер Гладстон относился к России справедливо, и, пока он был на посту, отношения с Англией у нас были нормальными. Он, между прочим, опубликовал книгу под названием «Россия», в которой подтверждает зверства турок и правдиво рисует Россию. Но его сменил русофоб Дизраэли. (П. Н. Фирсов. Император Николай I и Александр II. «Исторический вестник», т. 110, 1907.)

Крымская война, или, как её называют, Севастопольская кампания, началась столкновением с турками из-за того, что турки творили притеснения православному духовенству, а христианские державы Англия и Франция, а также Сардиния не только не поддержали справедливых и скромных требований России, но совместно с мусульманской Турцией обрушились на неё. А началось это, когда в феврале 1853 года русский посол князь Меншиков предъявил султану требования: 1) чтобы православное вероисповедание на всем востоке пользовалось защитой султана, как это было ранее; 2) чтобы Православная Церковь над Гробом Господним пользовалась равными правами с другими христианскими вероисповеданиями и 3) разрешить постройку в Иерусалиме православного храма и приюта для больных и бедных богомольцев.

Но возбуждаемый указанными державами и, возможно, католиками вообще, султан отклонил эти требования, а англо-французская эскадра подошла к Константинополю. Уже само это показывает, что эти державы искали повода, чтобы напасть на Россию.

В марте 1854 года Англия и Франция объявили войну России и 9 апреля, в страшную пятницу, их флот (флот христиан!) пошел к Одессе и открыл по ней огонь из четырехсот пятидесяти орудий, но огонь нашей наскоро устроенной полевой батареи заставил неприятельский флот удалиться. А 22 апреля англо-французская эскадра напала на Очаков, но и здесь её нападение было отбито. (История русских войн. Бесплатное приложение к журналу «Русский паломник» за 1915 год. Вып. 9.)

К вышеприведенному сообщению о нападении англо-французской эскадры на Одессу, на открытый город, приведем справки на основании свидетельства Палатина, прикомандированного к военному губернатору Крузенштерну. Он называет иную дату нападения, — 10 апреля, то есть страшную субботу, и даже указывает точное время, — 6.35 утра.

Эта эскадра появилась в составе двадцати шести кораблей действительно 9 апреля, но огонь открыла 10 апреля. Ответный огонь наших полевых батарей, одна из которых была в наиболее угрожаемом месте, т. к. она была устроена при появлении вражеской эскадры на самом берегу моря. И, как показывает Палатин, фактически сражалась одна именно эта батарея прaporщика Щеголева, остальные батареи не могли участвовать в битве против неприятельской эскадры, так как они были направлены в открытые море, в то время как неприятельская эскадра подошла с Пересыпской стороны. Прaporщик Щеголев только что прибыл по выпуску из военного училища. Его батарея сперва стреляла из всех четырех орудий, затем из оставшихся в строю двух и затем только из одного орудия, действуя против артиллерии неприятельской эскадры шесть часов, пока не взорвался пороховой погреб и не загорелся деревянный каркас батарейного бруствера (по тогдашнему — мерлона).

Три дня стояла против Одессы неприятельская эскадра, но все попытки высадить десант не удались. Батарея Щеголева стояла на крайнем левом фланге, практически у мола, почему эта часть местности стала затем называться Щеголовской. (Палатин. Одесские события. «Русский вестник», т. 127, 1877 г.)

Позже английский корабль «Тигр» налетел на подводную скалу и был расстрелян нашей полевой батареей, причем в плен было взято двадцать пять офицеров, включая раненого капитана и двести одиннадцать гардемаринов.

Итак, Крымская кампания началась нападением неприятельской эскадры на открытый город Одессу и, как известно, она была нами проиграна, ибо против России выступила коалиция в составе Англии, Франции, Турции и Сардинии, но, кроме того, хотя в активных действиях участия и не принимали, но стояли на стороне коалиции Австрия, Швеция и Испания. Страны этой коалиции испугались русских побед над Турцией, в особенности их взволновало занятие нами Валахии и Молдавии, а также произведененный русским флотом разгром турецкого флота в Синопе. Коалиция ввела в Черное море громадный флот и высадила в Евпатории десант почти в восемьдесят тысяч воинов в то время, как русские войска находились в Валахии, а в Севастополе и окрестностях имелось всего лишь тридцать три тысячи наших войск, вооруженных старыми ружьями, против коалиционных новых нарезных.

Помимо того, император Николай I должен был держать войска также на австрийской и на прусской границе и в Балтике, где крейсировала английская эскадра, как и в Северном море, где

англичане осмелились бомбардировать Соловецкие острова, и даже на Дальнем Востоке, где они пытались завладеть Петровавловском. Но всюду их попытки были отбиты, кроме Крыма, где осада Севастополя продолжалась одиннадцать месяцев. На австрийской же границе мы должны были держать свои войска, поскольку в 1853 году Австрия потребовала отвода русских войск от Дуная, угрожая напасть на них с тыла, и это после того, как Франц-Иосиф при свидании с русским императором в Ольмюце обещал держать нейтралитет.

Так осложнилась международная обстановка и положение русских войск в Крыму. Николай Павлович уже послал было большие подкрепления в Крым, как вдруг скончался 18 февраля 1855 года. Но русские воины крепко удерживали свои позиции, пока (27 августа 1855 года) армии коалиции не удалось ворваться на Малахов курган, что заставило русских перейти на Северную сторону бухты. Такова фактическая сторона военных действий и общей обстановки.

У наших врагов, конечно, был лучший флот — паровые суда, скорострельные нарезные ружья, но у нас зато была героическая решимость защищаться. И разве это поражение? Скажут некоторые, что император Николай I вел неправильную политику, но так сказать — слишком просто, надо учесть многие факторы. Соблюдать честь России, твердо придерживаясь подписанных договоров или — поступая по-западному — плевать на свои подписи, на договоры, и считать их лишь кратковременным дипломатическим ходом. Быть непоследовательными, поступать по-иезуитски — сегодня идти в Святые места Крестовым походом против Ислама, а завтра идти с мусульманами против защитников христианства и христиан, и вместе с тем обвинять Россию в агрессии, не переставая самим пользоваться ею всюду и всегда... Нет, так русский император не мог поступать — это не по-русски!

Да, Николай Павлович был не таков, он был рыцарски благороден и до конца честен. Таким он слыл в народе, более — в народах, таким его рисуют в литературе и даже в живописи.

Наши успехи, начиная с разгрома Наполеона, успехи в Персии, на Кавказе, на турецких фронтах, против поляков и венгров, освобождение греков, защита балканских славян — вот, что вооружало западные державы против нас.

Я упомянул живописное восприятие Николая Павловича — да, действительно, как видно из статьи Льва Жемчужникова о художнике А. Е. Бейдемане, последний писал на соискание золотой медали Академии художеств картину на тему «Приидите ко

мне все трудящиеся и обремененные», картину, необыкновенную для стиля академии, картину, в которой главная фигура — Николай Павлович. Надо заметить, что в то время страна переживала крупные события: войны за освобождения греков и славян, Севастополь находился под беспрерывным огнем крупной коалиционной флотилии, русские воины героически отстаивали свои редуты и гибли на них. И в это время Николай Павлович страдал за своих героев, за славян, наших братьев, и его душа часто обращалась с молитвой к Господу. Вот это состояние и схватил своей кистью художник, изобразив царя, схожего по виду с Николаем Павловичем, стоящим на коленях и обращающегося к Христу, а кругом — рабы, бедняки, славяне, греки, наши воины, плачущие дети.

Художнику все эти картины были знакомы из жизни, ведь он происходил из Молдавии, и ему гнет турок был хорошо известен, и потому он острее переживал происходящее, отчего и передал образ Николая Павловича как защитника угнетенных и страждущих народов. Его представление о царе — представление простого народа, ведь для искусства образ создает сам народ, художник же творчески воплощает этот народный образ.

Отметим, что А. Е. Бейдеман затем стал профессором Академии художеств.

Так судил народ о своем царе, интеллигенция же часто склонна к сомнениям и критике, но чтобы критиковать, чтобы судить о политике императора Николая I, надо сперва внимательно взглянуть на политику западных держав.

А надо сказать, что всё творившееся в Западной Европе — политические интриги и столкновения, временные объединения, затем разъединения, изменчивость режимов, частые смены правительств и отсюда смены политических курсов — всё это с трудом удается, нельзя сказать, понять или разобраться, но хотя бы представить в сколько-нибудь ясном виде.

Центр всех интриг находился во Франции, в той стране, которую следовало бы наказать, и наказать сурово, за принесенные Бонапартом многим странам Европы разрушения, разорения и унижения, но, как известно, император Александр I из излишнего своего благородства и европеизма пожалел Францию и ей очень слабо связали руки трактатами 1815 года. А Франция не оценила этого благородства и затаила, как говорится, «в своей душе хамство», — и именно против России, развенчавшей Наполеона и наполеоновскую Францию.

Как показывает С. С. Татищев, в продолжение тридцатилетнего царствования Николая I Франция успела четыре раза пе-

ременить у себя образ правления. При его воцарении Францией правила старшая ветвь Бурбонов, в лице короля Карла X. В июле 1830 года в результате уличных столкновений в Париже установилась конституционная монархия в лице герцога Орлеанского. Николай Павлович видел в этом нарушение божественного права наследственной монархии и нарушение международных договоров, и потому его отношение к «королю улицы» было презгливыми и весьма неприязненным. Через восемнадцать лет герцог Орлеанский был свергнут и Франция была объявлена республикой. И Николай Павлович поддерживал с республиканским правительством вполне нормальные отношения. А 2 декабря 1851 года президент Луи Наполеон, совершив государственный переворот, овладел неограниченной властью и год спустя восстановил Французскую империю. (С. С. Татищев. Император Николай I и июльская монархия во Франции, «Исторический вестник», т. 30, 1887.)

Нельзя, пожалуй, обвинять Николая Павловича в том, что можно предъявить в обвинение и другим нашим государям, например, Николаю II, в том, что он оставался верен союзникам до конца и не заключил сепаратного мира с Вильгельмом II; нельзя обвинять русского человека в том, что он верен своему другу. Но всё-таки какая-то изюминка, скорее перчинка, в этом есть. Нам представляется освещение графом А. Ржевусским этого сложного вопроса наиболее приближающимся к истине.

Граф А. Ржевусский был послан императором на Ближний Восток с целью поддержать молодого султана Абдулу-Меджида в критическую минуту поражения турецких войск от египтян. Когда он вернулся в Петербург и явился с докладом к Николаю Павловичу, то, выразив благодарность султана от его имени и от имени турецкого народа за мощную поддержку, оказанную ему русскими войсками, он указал также и на другую сторону чувств султана, а именно, что тот всё же чувствовал себя униженным, приняв помощь от христианского монарха против своих единоверцев-мусульман.

Император Николай I, будучи удивлен таким замечанием, сказал:

— То, что ты говоришь, возможно, но это ведь будет неблагодарностью.

— Народы всегда неблагодарны, Ваше Величество, — ответил граф.

— Народы да, — возразил Николай Павлович, — но не государи.

Из этой беседы граф Ржевусский заключил:

«Я привожу эти слова, так как они, мне кажется, дают ключ к пониманию характера Николая Павловича, который верил в солидарность монархов и предполагал в других те же рыцарские чувства, которые он вносил в свои отношения с ними. Это рыцарство осталось отличительной чертой личности великого императора, которому я имел честь служить в течение стольких лет. И оно было причиной главной ошибки его славного царствования: в помощи, которую он окказал молодому Францу-Иосифу в борьбе последнего с восставшей Венгрией, протянув ему ту же руку помощи, что и Абдулу-Меджиду в 1839 году» (Отрывки из мемуаров гр. А. Ржевусского. «Исторический вестник», том 82, 1913. Выделено нами. — М. З.).

Заметим, что Николай Павлович понимал и признавал свою неправоту, что видно из его слов, произнесенных в конце доклада графа:

— Кто знает, не был ли я неправ, и кто знает, не окажусь ли я неправым в будущем? Но человек не всегда свободен.

Думается, что Николай Павлович имел в виду его рыцарское отношение ко всем и даже к недостойным государям, но он по своим моральным принципам, его взглядам на долг Государя, не мог поступать иначе; в этом, думается, ключ, открывающий сердце и разум императора Николая I.

Итак, Крымская кампания закончилась неудачей спустя полгода после кончины этого неповторимого Государя.

Но каковы оценки «этой неудачи» нашими российскими деятелями?

Начнем с Ф. М. Достоевского, который, судя по его «Дневнику писателя», в нашей Крымской неудаче видел благословение судьбы:

«Самый полный переворот в политической жизни России наступит именно тогда, когда Европа убедится, что Россия вовсе ничего не хочет захватывать. Тогда наступит новая эра для нас и для всей Европы. Убеждение в бескорыстности России, если придет когда-нибудь, то разом обновит и изменит весь лик Европы. Убеждение это непременно наконец воцарится, но не вследствие наших убеждений; Европа не станет верить никаким уверениям нашим до самого конца и всё будет смотреть на нас враждебно. Трудно представить себе, до какой степени она нас боится. А если боится, должна ненавидеть. Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала нас она за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев. Вот почему-то она любит себя утешать иногда мыслью, что Россия будто бы «пока бессильна».

И это хорошо, что они так наклонны думать. Я убежден, что самая страшная беда сразила бы Россию, если бы мы победили, например, в Крымскую кампанию и вообще одержали бы тогда верх над союзниками! Увидав, что мы так сильны, все в Европе восстали бы на нас, тотчас же с фанатической ненавистью. Они подписали бы, конечно, невыгодный для себя мир, если бы были побеждены, но никогда никакой мир не мог состояться на самом деле. Они тотчас же стали бы готовиться к новой войне, имеющей целью уже истребление России, и, главное, за них стал бы весь свет. Шестьдесят третий год, например, не обошелся бы нам тогда одним обменом одних дипломатических нот; напротив, осуществился бы всеобщий крестовый поход на Россию»... И далее: «Но нас тогда сберегла судьба, доставив перевес союзникам, и вместе с тем сохранив всю нашу военную честь и даже еще возвеличив её так, что поражение еще можно было перенести» (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Т. 1, 1876. СПБ, изд. Маркса, 1895).

Начальник Кунгурской экспедиции, инициатор и руководитель Кокандского похода в 1853 году генерал В. А. Перовский, друг В. А. Жуковского в письме к архиепископу Могилевскому Евсевию пишет, что Крымская война в результате «должна возродить Россию к новой жизни». (Письмо генерала В. А. Перовского к архиепископу Могилевскому Евсевию. Приложение к журналу «Русская старина».)

И, наконец, согласимся с Николаем Соловьевым, обратившим внимание на две войны одного и того же столетия — Отечественную, когда многие города России были либо сожжены, либо разорены, когда большая часть России стала пустыней, и — Крымская война, когда вся мощь союзной армии обрушилась на один город Севастополь, когда союзники долбили этот героический город одиннадцать месяцев, когда только французы потеряли сто тысяч своих воинов. (Н. Соловьев. Скорбные листы Крымской кампании. «Русский вестник», т. 101, 1872.)

И прав знаменитый медик Пирогов, сказавший, что «мы имеем право гордиться, что выдержали стойко Крымскую войну». (Там же.)

Но чтобы окончательно понять условия, в которых произошла неудачная для России Крымская кампания, постараемся разобраться в позициях западных держав и в их политике. Возьмем сперва зачинщицу войны — Францию.

Учитывая переменчивость политического строя Франции, что мы выше показали, а также её экспансию и авантюрную политику Бонапартов, Россия по отношению к Франции была

внимательной и осторожной, впрочем, лучше, точнее сказать, сторожкой. У нас понимали, конечно, что Франция уязвлена трактатами 1815 года, но, во-первых, она своей наполеоновской экспансивностью и агрессивностью была в этом сама виновата, а, во-вторых, мы не могли допустить повторения бонапартизма и потому император Николай I всё время пытался опереться на эти трактаты сохранением противонаполеоновской коалиции, предъявившей Франции эти трактаты. Но союзники оказались тяжелыми и ненадежными: Англия первая отошла от обязанностей по ним, Пруссия же и Австрия то настаивали на соблюдении их, то умышленно их забывали. Так политика европейского равновесия колебалась и вследствие указанного поведения союзников задача по сохранению условий трактатов 1815 года ложилась исключительно на плечи российского императора.

Колебания партнеров России позволили Франции фактически превращать в пустой звук один за другим пункты этих трактатов, в особенности энергичным, а вместе с тем беспринципным Луи Наполеоном.

Ослабляя контроль, коалиция тем самым способствовала экспансии Франции, которая хищнически посматривала как в сторону Рейнских провинций, так в сторону Швейцарии, а в особенности в сторону Бельгии. Лишь ясная и твердая политика России, сумевшей в этом случае опираться на Англию, позволила сохранить независимость Бельгии.

Экспансивность Франции усилилась, когда Луи Наполеон взял бразды правления, совершив переворот, арестовал нежелательных ему парламентариев, и таким образом один своей волей стал вести Францию к реставрации бонапартизма и Бонапартов, вопреки конвенции 12 апреля 1814 года и второй статье трактата 20 ноября 1815 года, устранивших навсегда династию Бонапартов от французского престола. А совершил он переворот следующим образом: 2 декабря 1851 года здание Законодательного Собрания и все стратегические пункты Парижа были заняты войсками, причем квесторы Собрания были арестованы, как и ряд депутатов и генералов, а также других лиц, в том числе, например, и Виктор Гюго. Нежелательные газеты — «National», «Opinion publique», «Messager», «Republique», «Avenement» и другие — были закрыты. 3 декабря декретом Луи Наполеона вместо Законодательного Собрания и Государственного Совета была составлена Временная Совещательная комиссия из назначенных лиц. (Месяцослов на 1853 год. Санкт-Петербург.)

Вопреки трактатам французская армия от месяца к месяцу всё время усиливалась и наполеоновские орлы снова стали парить

на французских знаменах. Но Луи Наполеон, наблюдая колебания и нетвердость партнеров России, неуклонно стремился и к большему — к признанию его императором Бонапартом III.

Николай Павлович, учитывая его заслуги в разгроме революционного фронта, предупреждал по-дружески его не совершать этого рискованного шага, однако оставался в этом одиноким, не встречая поддержки своих партнеров. Русский император справедливо видел стремление Луи Наполеона возродить наполеоновскую империю и стать носителем короны Наполеона I. Более того, Николай Павлович видел в этом стремлении напрасность жертв России, принесенных для освобождения, увы, неблагодарной Европы. Он искал сочувствия в своей политике у Англии, боявшейся усиления Франции, однако внутренние британские неурядицы, перманентные смены кабинетов и связанная с этим смена политических линий задерживали переговоры, а в конце концов даже сорвали реализацию уже подписанного договора между Англией и Россией. И, в сущности, — боязливая нерешительность, стремление уйти от реальности в область сусальных представлений,ственные демократиям; несмотря на непризнание Англией как Наполеона I, так тем более Наполеона III, Европа была убаюкана хитрыми заявлениями последнего об отсутствии у Франции каких-либо агрессивных намерений в отношении Англии. За Англией пошли на попятную и малые европейские страны.

Как мы уже отмечали, политика императора Николая I в отношении Франции не имела агрессивных намерений, но в коалиции русский император видел средство удержать Наполеона III от новой французской агрессии.

Австрия же и Пруссия, пугая нас призраком революции, воплощенной в лице Франции, в то же время придерживалась дружеских отношений с нею и пугала её мощью России, сея таким образом семена раздора. Франция в этих условиях пыталась, как мы уже отмечали, вмешаться в польские дела, но Пальмерстон, с которым Николай Павлович легко договаривался, отказал французам в поддержке из-за «долга перед Россией».

Австрия вообще вела себя двусмысленно, и особенно в польском вопросе. Даже французский премьер Тьер признавал, что в Вене лелеют мечту о восстановлении польского королевства под скипетром Габсбургов.

Выше мы указали дружественное расположение Пальмерстона к России — оно объяснялось исключительно боязнью соглашения между Россией и Францией или, как, он говорил, что «наибольшую опасность для Европы (а думал — для Англии. —

М. З.) представляет возможность соглашения между Францией и Россией».

Одновременно французский премьер Гизо в 1847 году предлагал австрийскому канцлеру заключить тесный союз как против всемирной революции, так и против России на Востоке. Эту идею обрушиться на Россию на Востоке готовился реализовать и Наполеон III, отчасти из личной амбиции, — т. к. император Николай I не считал его равным среди коронованных особ, — отчасти из-за непризнания русским императором права Наполеона III короноваться Бонапартом, и отчасти из чувства мести за поражение первого Бонапарта. Он понимал, что в Европе ему не удастся нанести удар России, так как все державы будут бояться в то же время усиления влияния Франции на европейские дела, а потому решил нанести России удар с фланга, то есть на Ближнем Востоке, считая таковым Турцию и прилегающие к ней области. Этот расчет также базировался на том, что при таком варианте ему удастся вбить клин между Австрией и Россией и привлечь первую на свою сторону, а вместе с тем — и клин между Англией и Россией.

Об этой политике Наполеона III говорит и барон А. Жомини:

«Нельзя ли предположить, что Луи Наполеон, желая европейского осложнения и опасаясь, что оно было бы слишком серьезно на Рейне или в Бельгии, избрал для этой цели Восток, не щадя слабости Турции, не боясь прибавить еще один зародыш разрушения к тем, каковые уже угрожали Османской империи, и имея единственной целью найти здесь элемент территориальных изменений, благоприятных для его стремления к славе и величию» (Барон А. Жомини. Россия и Европа в эпоху Крымской войны).

Мы добавим в качестве примечания, что эта цитата приведена в указанном труде в разрядку.

Тем не менее, несмотря на происки Луи Наполеона (тогда он еще не был Наполеоном III. — М. З.), международное положение России в период перед конфликтом из-за Святых Мест, казалось вполне благополучным, что отмечалось и политическим отчетом за 1852 год, представленным Николаю Павловичу. Действительно, вследствие мер, предпринятых Россией, был уложен вопрос о престолонаследии в Дании и Греции; удалось решительными мерами восстановить согласие между Пруссией и Австрией, а кроме того удалось ликвидировать опасность войны между Турцией и Черногорией, захватившей приморский район в Адриатике, находившийся под владением Турции. Кроме того, удалось

ограничить поползновения новой Франции и добиться соблюдения ею трактатов 1815 года, хотя бы их духа, и также удалось получить заверение от Луи Наполеона о соблюдении статуса кво.

Но, как пишет тот же барон Жомини, «на революционной волне во Франции пришел к неограниченной власти человек предпримчивый, скрытный, склонный к внезапным решениям; единственным принципом которого было не иметь никаких принципов. Из тщеславия, или честолюбия, он стремился играть видную роль, угодя поочередно державам, поддержку которых он надеялся приобрести, выставляя на вид перед монархами услуги, оказанные им порядку, а перед революцией — свой демократический принцип» (там же).

Приведенный Жомини демократический принцип Луи Наполеона следовало бы поставить в кавычки, ведь этот принцип знаком нам, современникам «народных демократий».

Таким образом к концу 1852 года, казалось, ничего угрожающего для России, никаких видов на коалицию против России не намечалось, но на самом деле королю-авантюристу удалось своими настойчивыми интригами лишить Россию её сильного влияния на Востоке.

Итак, изложенное выше показывает, в каких сложных условиях, в полной неопределенности и переменчивости политики западных держав пришлось императору Николаю I вести российский корабль. Особенно витиевата была линия австрийского правительства. В 1808 году, в Петербурге, как повествует Р., австрийский посол граф Мерфельд предложил государственному канцлеру графу Румянцеву посредничество в делах между Турцией и Россией и даже заявил, что Австрия непрочь содействовать присоединению к России Молдавии и Валахии при известном условии, а именно — чтобы при наступлении благоприятного времени поделить между Австрией и Россией все турецкие владения, не спрашивая на то согласия какой-либо другой державы и менее всего Франции. Тогда Австрия интриговала против Франции и каково же было удивление, когда при назревшем конфликте из-за Святых Мест Австрия склонилась на сторону Турции и своей мобилизацией протестовала против занятия нами Валахии и Молдавии — занятия как предупредительной меры, а не как оккупации этих земель. И более того, Австрия встала на сторону Франции, которая и заварила коалиционную войну против России. Эта христианская коалиция вместо того, чтобы вместе с Россией отстаивать права христиан в турецких землях, сплотилась с мусульманской Турцией против христианской России. То они шли

Крестовыми походами для освобождения Гроба Господня, то вместе с мусульманами обрушились на Россию, защищавшую интересы христиан.

Австрийский канцлер Меттерних, когда он оказался уже не у дел, скорбел не о том, что Европа не приняла мер для облегчения положения христиан в турецких землях, и в частности на Балканах, а о том, что Европа на Венском конгрессе не стала добиваться прочных гарантий в пользу Турции. (Р. — К истории восточного вопроса. «Русский вестник», т. 127, 1877.)

Это ли не циничность, это ли не вероломство Австрии!

А Англия? Она сочувствовала России, когда последняя поддержала Турцию против египтян, возбуждаемых Францией, но когда влияние России на Турцию усилилось, Англия заняла враждебную позицию по отношению к России. Благоприятное отношение к России, спасшей Турцию, объяснялось меркантильностью англичан, поскольку Египет стеснял торговлю Англии на Востоке.

Франция же всё время поддерживала египтян — стало быть, интриговала и против Турции, и против Англии, и против России. И то, что Англия, Франция и Турция объединились в коалицию против России, разъяснилось беседой Стратфорда де Реклифа с нашим поверенным в делах Озеровым, когда первый сказал:

«Положение России по сочувствию к ней христиан, подданных Турции, всегда будет внушать подозрения. Всякий одержанный вами успех на этой почве возбудит недоверие не только Порты, но и всех людей Запада... Скажу Вам прямо, — слишком тесная дружба между вами и Турцией возбудит столько же подозрений в Европе, сколько разрыв, который повлек бы за собой войну» (Из книги Богдановича «Восточная война 1853—1856 гг.». Т. I).

Становится ясным: что бы Россия ни делала, как бы она ни поступала, всё равно во всех случаях Россию обвиняли бы, против России интриговали бы, на Россию точили бы мечи. Впрочем, таково жизненное положение, когда в среду нечестных партнеров попадается один честный, то в его честности видят лишь порок, видят лишь подвох.

Многие из россиян видят в спасении Турции от египетских полчищ, после победного сражения их, направившихся было уже к турецкой столице, ошибку императора Николая I и говорят, что ему следовало бы предоставить Турцию её судьбе, пусть египтяне обессилили бы её. Но, скажем мы, при указанной выше ситуации, при указанном к нам отношении Западной Европы, и в таком случае Европа увидела бы подвох России и стремление

уничтожить Турцию, и потому опять-таки набросились бы на нас, выставив себя защитниками Оттоманской империи. Как говорится, куда ни кинь — всюду клин!

Чтобы положение России стало яснее, приведем характерное выступление одного из депутатов во французском парламенте того времени:

«Султану следовало бы приблизить к себе египетского пашу и руководствоваться его советами. Он должен был бы знать, что Магомет-Али самый ревностный поборник ислама. При нем Оттоманская империя снова окрепла бы и возвратила бы прежнее единство; сотни тысяч проникнутых верой воинов окружили бы престол; турецкий и египетский флоты охраняли бы Черное море, и для султана утратили бы всякое значение как само покровительство России, так и ее угрозы» (Von Grafen Prokesch — Osten. Mechmed-Ali, Vice-König von Egipfen. Aus meinen Tagebuch. 1826—1841).

Создается впечатление, что депутат французского парламента вовсе не католик-француз, а мусульманский кадий и что его речь произнесена не во французском парламенте, а на паперти мечети. До того дошли французы в своей ненависти к русским и России. Видно, они никак не могли перенести поражение Наполеона в России и трактаты 1815 года, виновниками которых они сами и были. Бонапарт хотел покорить весь мир и был наказан, понаполеоновские французы жаждали вернуть былое их величие и были наказаны, но не русскими, против которых точили зубы, а пруссаками, и не раз, а дважды.

Россию всегда Европа обвиняла во всех грехах, обвиняла во вмешательстве в польские дела, в венгерские дела, в нападении на Персию, в навязывание своей воли многим странам, но посоветуем Европе вытащить из своих ветхих сундуков зеркало, протереть его от пыли и посмотреть на себя. Она не затрудняется этим, не желая смотреть правде в лицо, так сделаем это мы.

Мы уже отмечали возбуждение поляков французами и подготовку польских легионов во Франции, а ведь, кажется, Польша не соседствует с Францией и, наоборот, очень далеко от нее расположена, так какое французам до нее дело? Но вот и другие факты, определяющие хищнический, агрессивный характер самих западноевропейских держав.

Прежде всего наполеоновская агрессия в Египет, а затем — во всей Европе; вторжение в 1823 году в Испанию для восстановления там абсолютизма, а затем вмешательство Франции (в данном случае в содружестве с Англией) в 1834—1838 годах в гражданскую войну (карлистскую) и поддержка испанских либе-

ралов. Вспомним также, что обожаемого испанцами короля Фердинанда держали при Наполеоне во французском плену и посадили вместо него своего ставленника.

А в конце XVII столетия французские и английские войска оккупировали Португалию, причем в этом случае отдали управление страной даже не в руки ставленника-португальца, а просто английскому генералу Бирсфорду, провозглашенному в 1809 году регентом. Возникший же заговор против оккупантов был подавлен самым зверским образом. И позже англичане вмешивались во внутренние дела Португалии, а также в борьбу за престол между Марией де Глорией (регентшей) и Мигуэлем.

Здесь мы привели примеры вмешательства Франции и Англии в судьбы Пиренейского полуострова и не затронули их вмешательства в судьбы Бельгии, Голландии, Италии, той же Турции, но и приведенного достаточно, чтобы зеркало показало лицемерные и циничные физиономии западных демократий, главных западноевропейских держав.

Аналогично можно показать и физиономию Австрии, которая многократно вмешивалась в судьбы Италии, Швейцарии, Германии, Дании и, конечно, балканских народов.

Но почему такая неприязнь со стороны западноевропейских держав по отношению к России, почему такие козни, предательства, неблагодарность, нападки и нападения дипломатические и военные на Россию? Причина одна: авторитет русского императора, а главное — мощь России. Вот этого и не могут перенести те, которые привыкли замечать сучок в глазу других, а в своем не видеть бревна (Многое, касающееся истории западных держав, взято нами у профессора Шарля Сеньобоса, из его «Политической истории современной Европы», а именно из I части).

Западные страны в нашем продвижении на восток видели российскую агрессивность, но фактически таковое следует признать естественным явлением. Мы полагаем, оно так же естественно, как законы статики, законы сопротивления материалов.

Действительно, сколь наша Русь страдала от давления Востока! Постоянно внутренне сжимаясь, Русь накапливала энергию отдачи. Нашествие монголов, более чем двухсотлетнее господство татар накопили в сжатой сфере столь энергии, что в дальнейшие четыре века сказывалась эта отдача, наше движение на Восток. И, как показала история, наша страна, наш народ эластичны, а незластичные страны, по тем же законам механики, сжимаясь и не имея силы отдачи, хиреют, превращаясь в призрак прошлого, и на их остатках, по законам биологии, вырастают

новые организмы. Эластичный же организм — вечно молодой, вечно растущий в своем изменении, не теряет корней своей основы, своего внутреннего, присущего ему органического богатства.

Но обратимся к авторитетам.

Ф. М. Достоевский, в том же своем «Дневнике», указывает на недоброжелательность к России Западной Европы: «...И что же: все эти освобожденные нами народы тотчас же, еще не добив Наполеона, стали смотреть на нас с самым ярким недоброжелательством и с злейшими подозрениями. На конгрессах они тотчас против нас соединились вместе сплошной стеной и захватили себе всё, а нам не только не оставили ничего, но еще с нас же взяли обязательства, правда добровольные, но весьма нам убыточные, как и оказалось впоследствии».

Эту тему поднял и А. С. Хомяков: «И сколько во всем этом вздора, сколько невежества! Какая путаница в понятиях и даже в словах, какая бесстыдная ложь, какая наглая злоба! Поневоле рождается чувство досады, поневоле спрашиваешь: на чем основана такая злость? Чем мы её заслужили? Вспомнишь, как того-то мы спасли от неизбежной гибели; как другого порабощенного мы подняли, укрепили; как третьего, победив, мы спасли от мщенья и т. д. Досада нам позволительна; но досада скоро меняется другими, лучшими чувствами — грустию истинной и сердечной...» (А. С. Хомяков. Полное собрание сочинений, т. I, изд. П. М., 1878).

Недоброжелательность к нам Западной Европы А. С. Хомяков, в том же томе сочинений, совершенно четко и ясно объясняет и ставит точки над «и»: «Недоброжелательность к нам других народов очевидно основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы, и на невольной досаде перед этой самостоятельной силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов. Отказать нам в наших правах они не могут: мы для этого слишком сильны; но и признать наши права заслуженными они также не могут...»

Указанное в общей форме давление Востока на Русь можно проиллюстрировать конкретными данными. Как указывает историк Соловьев, за время с 1055 года по 1462 произошло двести сорок пять нашествий на Русь, из которых двести падают на период 1240—1462 гг.

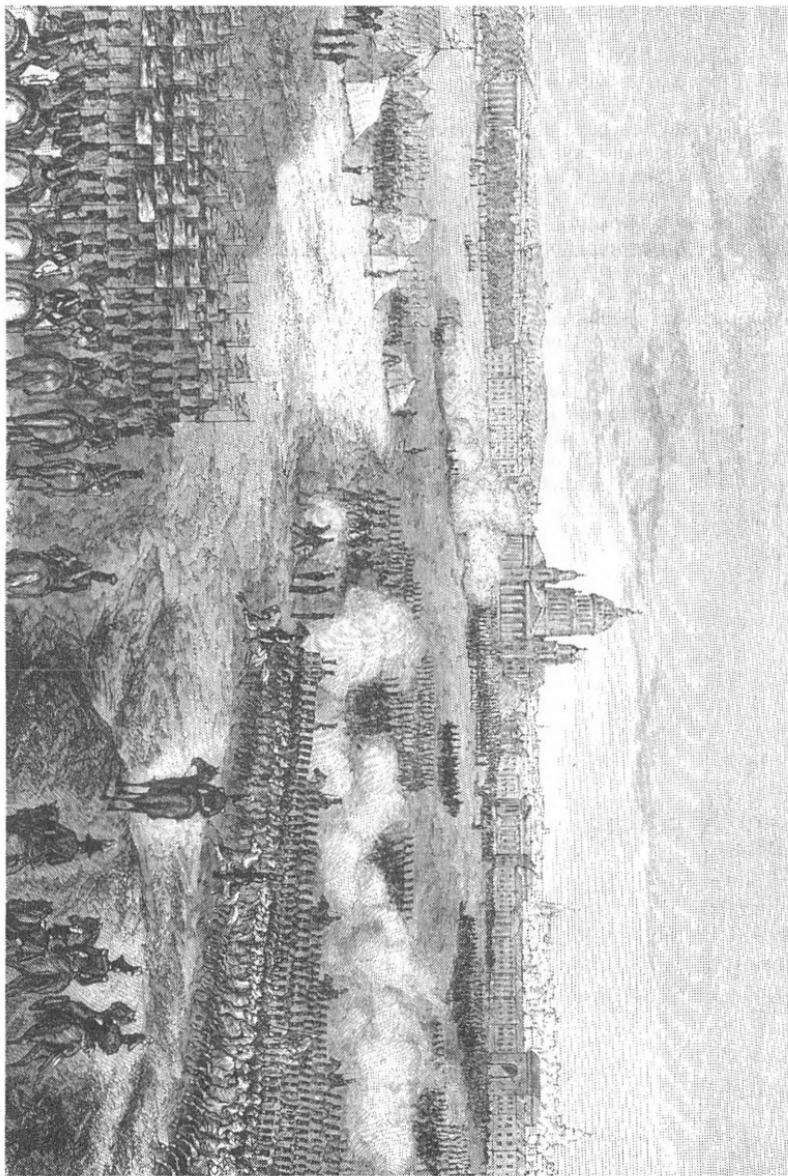
Так и далее — не Россия напала на страны коалиции, а наоборот, Франция, Англия, Турция и Сардиния (и угрожающая нашим границам Австрия) нагрянули в Черное море и в Крым. И даже Пруссия встала на сторону врагов России во время мир-

ной конференции. Было от чего негодовать, было от чего разочароваться, было от чего впадать в пессимизм императору-рыцарю духа Николаю Павловичу. Ведь именно Россия (Александр I) спасла в Тильзите Пруссию, которую Наполеон хотел стереть с карты Европы; ведь тот же Александр I спас Францию от окончательного развала и полного уничтожения, отказав Англии, Пруссии и Австрии поддержать их неумеренные требования в Париже; ведь именно Николай Павлович спас Австроию в 1849 году, что мы ранее показали, как и Оттоманскую империю от угрозы полного уничтожения египетским пашой Мехметом-Али. Видимо, неверные, вероломные, цинично-низкие люди не выносят рыцаря, благородство которого — слишком беспокоящее их совесть зеркало.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Проф. Шарль Сеньобос. Политическая история современной Европы, т. 1.
2. Е. В. Спекторский. Принципы Европейской России в XIX и XX веках. Любляна. 1936.
3. Н. К. Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царствование, т. 1.
4. К. А. Военский. Николай I и Польша, «Исторический вестник», т. 92, 1903.
5. А. М. Белов. Иностранцы о России. «Исторический вестник», т. 136, 1914.
6. Записки графа Бенкendorфа. «Исторический вестник», т. 91, 1903.
7. В. А. Тимирязев. Воспоминания княгини Радзивилл. «Исторический вестник», т. 100, 1905.
8. А. С. Пушкин. Бородинская годовщина.
9. С. С. Татищев. Император Николай I и июльская монархия во Франции. «Исторический вестник», т. 30, 1887.
10. Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Ч. I. СПБ, изд. Маркса, 1895.
11. Н. В. Исаков. Венгерская кампания 1849 года. «Исторический вестник», т. 81, 1913.
12. Memoires, documents et écrits laissés par le prince de Metternich publiés par son fils. Vol. III—IV.
13. С. С. Татищев. Император Николай I и июльская монархия во Франции. «Исторический вестник», т. 30, 1887.
14. Lui Schneider. Aus meinem Leben. I—III, Berlin, 1871.
15. Lui Schneider. Kalisch im September des Jahres 1835. Berlin, 1835. «Der Soldaten Freund».
16. История русских войн. Бесплатное приложение к журн. «Русский паломник» за 1915 г. Вып. 8—9.
17. Н. Г. Макаевский-Зубов. Кавказ и кавказские наместники. «Вестник Европы», кн. 2, 1906.
18. А. И. Зиссерман. Материалы для истории Кавказской войны. «Русский вестник», т. 101, октябрь 1872.
19. М. З. Русский памятник в Константинополе, ж. «Часовой», № 1 (610), январь—февраль 1978.

20. В. Стэд. Правда о России.
21. П. Н. Фирсов. Император Николай I и Александр II. «Исторический вестник», т. 110, 1907.
22. Палатин. Одесские события. «Русский вестник», т. 127, 1877.
23. Лев Жемчужников. Александр Егорович Бейдеман. «Вестник Европы», т. 1, февраль 1906.
24. Отрывки из мемуаров графа А. Ржевусского. «Исторический вестник», т. 82, 1913.
25. Письмо генерала В. А. Перовского к архиепископу Могилевскому Евсевию. Приложение к журналу «Русская старина».
26. Н. Соловьев. Скорбные листы Крымской кампании. «Русский вестник», т. 101, 1872.
27. Барон А. Жомини. Россия и Европа в эпоху Крымской войны.
28. Р. — К истории восточного вопроса. «Русский вестник», т. 127, 1877.
29. Беседа из книги генерала Богдановича «Восточная война 1853—1856 гг.», т. 1.
30. Von Grafen Prokisch-Osten. Mechmed-Ali, Vice-König von Egipfen. Aus meinen Tagebuch 1826—1841.
31. А. С. Хомяков. Собрание сочинений, т. 1, изд. II. М., 1878.
32. Месяцослов на 1853 год. С.-Петербург. Типогр. Императорской академии наук. Цензурой разрешено в 1852 г.
33. М. Г. Веселкова-Кильштет. Колычевская вотчина, ч. I. СПБ., 1912.
34. Бар. Б. Нольде. Юрий Самарин и его время. ИМКА-Пресс.
35. П. Гейсман. Славянский вопрос в понимании русского добровольца 1876 г. Гл. IV. «Военный сборник», № 11, 1916.
36. Роман Дмовский. Германия, Россия и польский вопрос. Санкт-Петербург, 1909.



Маневры на Марсовом Поле. С грав. XIX в.

Глава 7

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

18 февраля 1855 года скончался император Николай Павлович, а с ним ушла в историю Николаевская эпоха. В предыдущих главах мы обрисовали облик императора и в какой-то мере, на конкретных примерах, охарактеризовали его эпоху. Теперь пришла пора подвести конечные итоги и дать общую оценку этой эпохе. Нам представляется верной и обстоятельной такой оценкой (и что важно — сторонней, стало быть объективной, беспристрастной) суждение англичанина Френсиса Скрайна.

Сравнивая два следующих одно за другим царствования и самих российских императоров — братьев Александра и Николая Павловичей, — он, естественно, прежде дает образ старшего брата и отмечает, что человечество в Наполеоновскую эпоху пытались в лице императора Александра I найти жаждущего мессию, которому предстояло примирить Европу и залечить, уврачевать обуянный безумием мир. Но, подчеркивает указанный автор, мир ошибился в Александре Павловиче, поскольку он оказался слишком женственным и слабым для этой цели и имел, к тому же, во многих отношениях недостойных советников, которые хотя и сумели войти в доверие к императору, но советы их были легковесными, неверными и, просто говоря, далеко не соответствовали высоте поставленных задач.

Далее Скрайн отмечает государственную мощь России, что и выдвинуло, по его мнению, Александра I на руководящую в мире роль. Следуя далее за жизнью Александра Павловича, автор отмечает непосильное для императора напряжение воли, громадную затрату энергии, физических и душевных сил и вследствие всего этого последующую реакцию, поведшую к упадку духа и сил. И, как результат последнего, император Александр I оказался вовлеченным в дебри мистицизма, появилось отталкивание от реального бытия и из-за этого сдача государственных дел своим, как автор уже отметил, недостойным и недалеким советникам, вовсе невежественным в деле управления государством, да еще таким громадным, как Россия.

Такова общая характеристика царствования императора Александра Павловича. Далее Ф. Скрайн переходит к следующему царствованию и дает личную характеристику Николаю Павловичу и его характеристику как Государя.

Николай Павлович, как его рисует Френсис Скрайн, был правдивым, ненавидевшим ложь и неправду, как и лесть, преданным

долгу до самозабвения, основательным (thorough), с большим и добрым сердцем, проявившим себя бесстрашным и грозным оплотом против европейской революции, подавившим возмущение поляков, спасшим Австрию от распадения. И далее автор подчеркивает, что все эти качества императора Николая Павловича признавала Европа и величала его «рыцарем духа». Нам думается, хотя европейские политики и признавали его таковым, но, как мы уже отмечали, будучи сами противного типа, боялись и ненавидели этого русского рыцаря. Ведь в Европе забыли эпоху рыцарей и вечным им укором остался памятник испанскому «бедному рыцарю», поставленный в Мадриде.

Как пишет Скрайн, император Николай I, служил отчизне благородно, бескорыстно, беззаветно, с силой, примеров которой не знает история. Но, как утверждает указанный автор, стремление русского императора втиснуть существующий порядок вешей в стереотипные формы, несмотря на железную волю императора Николая I, не удалось, поскольку это нарушило естественный закон развития общества. Однако, подчеркивает Скрайн, реакционное царствование императора Николая I «явилось плодотворною поправкой к коренной ошибке, происходившей еще из времен до Петра Великого, в стремлении денационализировать Россию учреждениями, установлениями и бытом, привитыми извне. По смерти Николая Павловича, когда улеглись страсти, даже наиболее ожесточенные враги императора Николая I должны были признать, что его суровая политика вселила в народ и племена, принадлежащие к империи, сознание братского единения и бодрой веры в мощь России, что явилось предпосылкой к великому будущему».

И Френсис Скрайн отмечает, что российские подданные должны были по справедливости воссоздать в своей памяти стойкий, правдивый, приверженный отечеству и беспощадный к себе образ Государя, ценившего людей исключительно по личным достоинствам, образцового супруга, отца и друга. (Fr. Scrine. The expansion of Russia (1815—1900). Nr. 11 of the Cambridge historical series).

И действительно, широкие народные круги Государя Николая Павловича боготворили — для них он был настоящий русский царь. Любовь и уважение неразделимы, а уважать Николая Павловича было за что, начиная со справедливости, которую никто и никак не может отнять от него. А ведь справедливость для русского человека прежде всего, это самое дорогое, самое важное. Уважали и любили Николая Павловича за его простоту, за его доступность, за человечность, за его любовь к своему наро-

ду, за стремление улучшить жизнь своих подданных. Нельзя исключить и гордость русского человека за своего батюшку-царя, которого в Европе боятся, но и уважают, которому наступить на ногу остерегаются.

Но перейдем к фактам, к деловой оценке царствования императора Николая I. В стране установлен порядок, проведено упорядочение законодательства — составлен М. М. Сперанским Свод законов Российской империи, основа для устраниния взяточничества, ликвидации своенравного толкования законов судьями, основа устраниния судебских фокусов и комбинаций, а также прижимания ими простых людей.

Кроме того, — широкое развертывание просветительных учреждений: академий, институтов, университетов, средних и народных учебных заведений, а также распространение сети женского образования.

Широкое поощрение таланта, развитие журналистики, книгоиздательства, литературы, искусств.

Реформы в отношении государственных крестьян и подготовительные мероприятия к общекрестьянской реформе — ликвидации крепостного права. Устранение зла — в виде военных поселений, иначе говоря, ликвидация аракчеевщины.

Экономическое оздоровление страны и прежде всего государственных финансов. Не забудем, что царствование Екатерины Великой оставило потомству долг в двести восемьдесят миллионов рублей; увеличился дефицит и в царствование Александра I, вследствие войн. При Николае Павловиче же введена строжайшая экономия: в каждом ведомстве были созданы особые комиссии по сокращению расходов, причем эти комиссии как проектировали методы сокращения их, так и контролировали их осуществление. В результате в период 1823—1831 годов никаких дефицитов по государственным расписям не имелось. Приведем пример сокращения расходов по военному ведомству, когда сократили расходы против расписи на пятнадцать миллионов рублей, и по морскому министерству на 4,87 миллионов рублей.

Вообще надо сказать, что финансовая политика строилась на принципе народного благосостояния. Таможенная политика придерживалась умеренного протекционизма, национальной независимости, чтобы защитить развитие русского народного хозяйства, а вместе с тем, не допустить застоя русской промышленности, заставляя угрозой иностранной конкуренции совершенствовать свое производство. Таможенные налоги допускались лишь на предметы роскоши.

В результате всех этих мер русский рубль и русские ценные бумаги поднялись на заграничном рынке и держались твердо на этом достигнутом уровне.

При Николае Павловиче началось усиленное строительство магистральных шоссейных дорог, а также железных дорог, из которых главная Петербург—Москва.

Для развития промышленности и торговли уже в 1826 году был учрежден так называемый Мануфактурный совет с участием фабрикантов. Этот Совет обсуждал важнейшие законопроекты и административные меры, относящиеся к промышленности и торговле.

Для убедительности приведем некоторые данные развития нашей промышленности за время царствования Николая Павловича; так, в 1825 году число фабрик было 5261, с числом рабочих в них — 210568 человек, а в 1855 г., соответственно, — 10000, с числом рабочих — 500000 человек. (П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Том II — Капитализм. Госиздат политической литературы. 1952.)

Металлургия в России развивалась на Урале, снабжавшем английский рынок, и по выплавке железа Россия в середине XIX в. стояла на первом месте в Европе, а хлопкопрядильная промышленность в России производила пряжи больше, чем германская. (Ричард Пайпс. Россия при старом режиме. Кембридж. Масс. 1980. Перевод с английского В. Козловского.)

Перейдем к национальным и политическим темам, к достижениям в этих областях государственной жизни России. И прежде всего отметим замирение Кавказа и приобретение новых областей Средней Азии, ликвидацию в этих краях рабства, прекращение разбойниччьих набегов, заложничества, продажи в мусульманские страны похищенных девушек и мальчиков, устранение беззакония ханов и князьков, а также беков и их ставленников на местах, а главное — прекращение угнетения ими широких слоев населения в этих краях. И также — включение этих краев в экономическое и культурное развитие. И в духовной жизни в царствование Николая I имелись большие успехи, как видно из книги «Царские коронации в России», Николай Павлович смог внушить к себе такое доверие, как помазанник Божий, что 12/III 1839 г. греко-униатские епископы подали прошение об уничтожении уни и возвращении их в лоно русской православной церкви.

Таковы достижения, такова политика внутри страны, посмотрим и на внешнюю политику в западных наших областях, где главным было ликвидировать польский мятеж и приобщить поляков к общей жизни. В предыдущей главе мы подробно рас-

смотрели эти проблемы и потому не станем повторяться.

В целом же, говоря о царствовании Николая Павловича, отметим, что в этот период заложена правовая, культурно-просветительная, социальная и экономическая базы, политико-экономический фундамент, без которых невозможны были бы великие преобразования, совершенные его сыном, царем-Освободителем Александром Николаевичем. Можно также сказать, что Николаевская эпоха стала также основой к развитию и созреванию народной жизни России, когда страна стала перерастать в более сложный комплекс — в российскую нацию.

Но, разумеется, нельзя не заметить, что в последние годы царствования Николая Павловича, под влиянием внешних и внутренних событий, прежняя уверенность его стала ослабевать, что вызывало порой нерешительность в действиях.

Крушение Нидерландской монархии, где королевой была сестра Николая Павловича Анна Павловна, а также февральская революция во Франции, низвергшая монархию Луи-Филиппа, революционные движения в 1848 году в Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, Ирландии и других странах Европы, а также крестьянские бунты, в связи с холерой, тяжелые воспоминания и переживания 14 декабря 1825 года, июльское восстание поляков в 1830 году — всё это поколебало веру Николая Павловича в его идеалы, разрушило фундамент его мировоззрения. Можно сказать поэтому, что император Николай I «потерял себя» и не смог найти новых, иных, до сих пор чуждых ему, путей. А когда возникла Крымская кампания, то само её возникновение, неблагодарность и Турции, и Австрии лишили его былой энергии и непреклонной воли, и, возможно, как и его предшественник — царственный брат Александр, — он заболел не столько физически, сколько духом, что подорвало его здоровье и определило раннюю его кончину. И, пожалуй, как и его старший брат, он стал искать этой кончины — на Крещенский парад, в связи с Иорданью, он пошел в сильный мороз в одном мундире на Неву и простоял всю крещенскую службу, вследствие чего простудился, а затем, не оправившись, несмотря на протесты врачей, вышел провожать полки, отправляющиеся в Крым.

Но, разумеется, даже такой гигант воли, мысли, энергии, как император Николай I, — всё же человек, и ему, как и его ближайшим сотрудникам, свойственны слабости, присущие и простым смертным. К тому же лесть, ложь, утаенная правда часто лишали императора возможности своевременных и правильных решений.

Приведем для иллюстрации беседу Николая Павловича с М. А. Паткуль, супругой совоспитанника цесаревича Александра Николаевича, когда, услышав от нее искренние слова, Государь сказал:

— Это несчастье, что все боятся говорить мне правду и никто не думает о том, насколько облегчили бы мне тяжесть царствования, если бы всегда говорили правду. (К. Г. — Памяти М. А. Паткуль. «Исторический вестник», т. 84, 1901.)

А баронесса М. П. Фредерикс записала в своем дневнике:

«Если бы император Николай I был окружен такими же честными людьми, как он сам, искренне преданными своему отечеству и делу, то величественное царствование его не затмилось бы к концу тем грустным и тяжелым событием, которое его прежде временно свело в могилу. Но, увы, таких честных и благородных людей, забывающих себя ради пользы отечеству, мало рождается на Руси; их всё ищут, ожидают, но тщетно...» (Воспоминания баронессы М. П. Фредерикс. «Исторический вестник», т. 71, 1898).

Настоящая констатация баронессы Фредерикс особенно ценна, и прежде всего тем, что кому-кому, а уж человеку, всю свою жизнь жившему при царском Дворе, было доподлинно известно окружение императора, и она-то лучше всех могла дать истинную характеристику сановным людям. Кроме того, её показания тем цепны для нас, что ониозвучны приведенному нами выводу относительно преждевременной кончины Николая Павловича.

И всё же, как отмечает И. А. Ильин, «надо признать, что весь XVIII век в истории России прошел под знаком борьбы честолюбивых и властолюбивых вельмож и дворян за выгодное им престолонаследие... и только при Николае I власть Государя упрочилась настолько, что «мнение меньшинства» могло быть утверждено его сыном и великие реформы шестидесятых годов могли быть проведены в жизнь» (И. А. Ильин. О монархии. Гл. VII).

Заметим также, что Николай Павлович родился в тяжелое, мятежное время, время легкомысленных, не умеющих смотреть дальше своего носа людей, когда, вследствие этого, управление обширным государством среди бушующего жизненного моря требовало крепких нервов, физических и духовных сил, а к тому же и благосклонности Фортуны, а последнего и не наблюдалось.

Не говоря уже о нечестности, отсутствии благородства и порядочности европейских партнеров, вспомним холеру, впервые посетившую Россию (а тогда средств борьбы с нею еще не знали), и во время этой эпидемии или сразу же после нее пришлось пережить неурожай и принимать для спасения населения экстраорди-

нарные меры, в том числе беспошлинный ввоз хлебов из заграницы, приостановление сбора податей и рекрутских наборов, проводить закупку семян, отпуск зерна из государственных резервов по заниженным ценам, и, как следствие всего этого, — непредвиденно большие затраты из государственного бюджета и сокращение расходов на оборону страны.

Холера принесла горе и непосредственно императорской семье: она унесла брата Николая Павловича — Константина.

Неблагосклонность Фортуны сказалась даже и в пожаре, охватившем Зимний дворец. Но, правда, этот пожар вызвал народное сочувствие Государю. Так, например, в дворцовом саду затем нашли мешок с пятьюстами рублей в мелких монетах и запиской, что эти деньги собраны крестьянами одной деревни с целью помочи Государю при восстановлении дворца, что их скромный дар — взаимосочувствие и взаимопомощь. (Факт приведен А. Я. Бутковской в «Историческом вестнике» за декабрь 1884 года, т. 18.)

Но, конечно, наибольшим несчастьем, отразившимся на физическом состоянии Николая Павловича, была Крымская война, в которой гибли, героически сопротивляясь, защитники Севастополя.

Касаясь вопроса о проигрыше Крымской войны, хочется сравнить его с другим печальным фактом из нашей истории — с русско-японской войной. Севастопольская кампания велась против коалиции, Японская — лишь против Японии. В обеих войнах театром действий были удаленные окраины: в обоих случаях невыгодные условия связи с действующей армией. С Крымом не было сообщения не только железной дорогой, но не было даже шоссейных дорог из Центральной России; во втором случае — Дальний Восток уже был связан, правда, еще не вполне законченной (если считать по требованиям эксплуатации) и необыкновенно растянутой, линией. В Крыму коалиция высадила 62 000 войск, причем, когда Сардиния включилась в войну, она еще выслала 15 000 человек; у Меншикова же в Крыму было всего 33 600 человек. Попытки десанта на других пунктах Черноморского побережья России, на Балтийском море и на Дальнем Востоке противникам не удалось, они были отбиты русскими войсками. В Японскую же войну японцам удался десант у Порт-Артура, а затем и на Ляодунском полуострове, в Южной Манчжурии.

Севастополь пал лишь на 349-й день, отбиваясь от превосходящих сил коалиции, притом проявив геройизм, составивший лучшую страницу русской военной истории; Порт-Артур был позорно сдан, можно даже сказать, предательски сдан Стесселем, во-

преки достаточному наличию средств защиты крепости. В Севастопольскую кампанию выделились талантливые военачальники, в Японскую, увы, таких, как Корнилов, Нахимов, Тотлебен, не оказалось. Понятно, что в Японскую войну были и значительно большие потери: а именно 400 тысяч убитыми, ранеными и больными, — в то время как в Крымскую войну наши потери выражались в 12%.

Но в обоих случаях можно отметить: урок пошел на пользу: военные реформы, перевооружение современными средствами войны, повышение квалификации офицерских кадров и в особенности офицеров генерального штаба подняли российские военные силы на должную высоту.

Говорят, несчастье, если не к счастью, то хороший урок на будущее. Так мыслит и англичанин Френсис Скрайн, ранее нами уже цитированный. Он показывает на примере несчастных эпизодов из истории Западной Европы, как эти несчастья послужили дальнейшему благополучию данных европейских стран. Но Скрайн не ограничился констатацией данного исторического закона, а выразил уверенность, что и Крымская неудача послужит на пользу России. (Fr. Skrine. *The expansion of Russia (1815—1900)*. № 11 of the Cambridge historical series.)

И в заключение нашего скромного труда об императоре Николае Павловиче приведем кое-что весьма существенное и характерное для него из его завещания сыновьям:

«Я был человек со всеми слабостями, коим люди подвержены, старался исправляться в том, что знал за собой худого, в ином успевал, в другом нет, прошу искренне меня простить».

Это признание и обращение — далеко не только к сыновьям Николая Павловича, но, полагаем, ко всему русскому народу, который он любил и для которого он не жалел своих данных ему Богом сил и талантов.

В конце завещания находим предсмертные слова доброго христианина:

«Благодарю всех, любивших меня, прощаю всем ненавидящим, прошу всех, кого мог неумышленно огорчить, меня простить».

А на докладе министра иностранных дел император, передавая его сыну, Наследнику-Цесаревичу Александру, — написал: «Дай Бог, чтоб удалось мне сдать тебе Россию такой, какою я стремился её оставить — сильной, самостоятельной, добродеющей: нам добро — никому зло».

Последние эти четыре слова и были символом веры Николая Павловича.

И, надо сказать, народ сохранил вечную память о Николае Павловиче, воздвигнув ему памятник на Исаакиевской площади. Но почему именно на ней? Здесь всё как бы дышит императором Николаем I. Исаакиевская площадь сливается с Сенатской, где произошло печальное событие 14 декабря 1825 года; здесь гордость и краса северной столицы — Исаакиевский собор, строившийся в течение царствования Николая I (сорок лет); здесь Мариинский дворец, построенный в 1839—1844 годы для высшего управительного органа страны — Государственного Совета; здесь два здания Министерства государственных имуществ, построенных в 1844—1853 годы; здесь здание Военного министерства, перед которым, как в «Медном всаднике» написал А. С. Пушкин:

С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые...

Стоят, как бы охраняя памятник Николаю Павловичу.

Здесь воплощенная в камень Николаевская эпоха, и в центре всего на высоком пьедестале красивый силуэт царственного всадника. Памятник этот сооружен по проекту О. Монферрана. Однако в нем также творчество П. К. Клодта, Н. А. Рамазанова и Р. К. Залемана, из которых первый (Клодт) создал модель в полную величину скульптуры всадника, второй — барельефы «14 декабря 1825 года», «Император Николай I на Сенной площади» и «Открытие Веребинского моста на железной дороге Петербург—Москва в 1851 году»; третий (Залеман) создал барельеф «Подписание Сперанским Свода законов», а также аллегорические женские скульптуры.

Два царствования, два красивых памятника по соседству, не один, а уже два «Медных всадника» охраняют страну и столицу России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Николай Бердяев в главе I своего труда «Смысл истории» ставит вопрос об осмыслиении истории, осмыслиении исторического процесса и, собственно, философии истории. Он пишет:

«Я думаю, что не может быть особенных споров о том, что не только Россия, но и вся Европа и весь мир вступают в катастрофический период своего развития. Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется. Он не таков, каким был до начала мировой войны и последовавших за мировой войной русской и европейской революцией — он существенно иной. И темп не может быть назван иначе, как катастрофический. Открылись вулканические источники в исторической подпочве. Всё заколебалось и у нас получается впечатление особенно интенсивного, особенно острого движения «исторического». Я думаю, что это острое чувство особенно важно для того, чтобы мысль человеческая и сознание человеческое обратилось к пересмотру основных вопросов философии истории, к попыткам построить по-новому философию истории. Мы вступаем в эпоху, когда к этим проблемам будет обращено сознание человеческое более, чем оно было обращено до сих пор...» (Николай Бердяев. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, ИМКА-ПРЕСС).

Читая только что приведенные мысли Николая Бердяева и вспоминая нами написанное о Николаевской эпохе, невольно устремляешься в философию истории, куда и зовет наш русский философ.

Николай Бердяев отмечает вступление в мир новой эпохи, катастрофической, и, глубже вдумываясь, хочется сказать о том, что этот перелом, стремление человечества к катастрофе, началось, пожалуй, уже в Николаевскую эпоху: французская революция 1848 года и революционные движения в других странах Европы. Ломка, порой катастрофического порядка, происходила уже тогда, вулканические сдвиги, подобные геологическим отталкиваниям и сталкиваниям, действительно происходили в ту, Николаевскую, эпоху: бонапартизм, охвативший всю Европу, вовлекший страны Европы, волей или неволей, в наполеоновский авантюризм, поход «двунадесяти языков» на Россию, и затем антитезис — поход России и многих стран, было примкнувших к Наполеону, против него, во Францию. Чем не катастрофические судьбы, то одних, то других. Попытка русского императора Николая I сдержать революционные взрывы и не допустить

их в Россию, и снова антитезис: неблагодарная Европа опять ополчилась на Россию, — произошла Крымская война.

Как геологические катастрофы трудно предвидеть, а тем более устраниТЬ, так и у исторических катастроф есть неведомый закон, и их приложение, размеры и место приложения — та же терра инкогнита, и нахождение средств предупреждения не даны человеку.

Да и в европейской мысли, в творчестве, в самой философии происходили катастрофические сдвиги. Как пишет, цитируя Киреевского, С. А. Левицкий, «господство рассудка над интуицией и верой привело к тому, что «развилась сперва сколастическая философия внутри веры, потом реформация в вере, и, наконец, в последнее время — философия вне и против веры». Поэтому западная цивилизация становится безбожной и материалистической, что грозит ей духовной гибелью» (С. А. Левицкий. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. «Посев», 1968).

Однако продолжим тему о катастрофических сдвигах в философии. Действительно, то Богочеловек определял философию, как и всю жизнь, то появился «сверхчеловек» Ницше, или, как его назвал Достоевский, «человекобог». Затем произошло свержение последнего с пьедестала и стирание человеческой личности; наконец, всё завершилось идолизацией «коллектива», и, как показывает Достоевский в Инквизиторе, — господством духа небытия и самоуничтожения («Братья Карамазовы»).

Мы затронули лишь общий аспект философии истории, а другим, именно — сравнением Николаевской эпохи с настоящей, займемся теперь. Наше сравнение, полагаем, конечно, как закон на повторяемость вулканических извержений. Ведь и в истории человечества происходят через те или иные промежутки исторического времени повторяющиеся катастрофы. Это ясно, и мы уже этой стороны философии истории фактически коснулись в нашем труде, но здесь мы намерены поставить определенный акцент на отличии в характере этих двух эпох: если в Николаевскую эпоху обстановка (исторические, что ли, сдвиги) менялась и сменялась одна другой, и если не по дням и часам, то всё же, порой, по месяцам, — то в настоящую эпоху такой смены мы не наблюдаем: теперь историческая обстановка со всей ясностью выявила разделение мира на две части — на свободную и поработившую человека, на часть мира, который называют коммунистическим.

В начале нашего исторического изложения и исторического анализа, — в нашем замечании «От автора» — мы сказали, что

наша цель дать правдивый портрет императора Николая Павловича. Думаем, что читатель, склонный к философским размышлению, в плане постановки Николаем Бердяевым осмысления исторического процесса, может использовать изложенный нами материал и в этом смысле.

Февраль 1978 г.
Франкфурт-на-Майне

М. Залевский

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ СЕДЬМОЙ И ПОСЛЕСЛОВИЮ

1. Fr. Skrine. *The expansion of Russia (1815—1900)*. Nr. 11 of the Cambridge historical series.
2. П. И. Лищенко. История народного хозяйства СССР. Том II. Госиздат политической литературы. 1952.
3. К. Г. — Памяти М. А. Паткуль. «Исторический вестник», т. 84, 1901.
4. Из «Воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс», «Исторический вестник», т. 71, 1898.
5. А. Я. Бутковская. Рассказы бабушки. «Исторический вестник», декабрь 1884 года, г. 18.
7. Николай Бердяев. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. ИМКА—ПРЕСС. Париж.
8. М. Залевский (А. Самойлов). Исторический опыт и некоторые размышления. 1812—1862. «Посев», № 25, 24/VI 1962.
9. Царские коронации в России.
10. И. А. Ильин. О монархии. Гл. VII.
11. Ричард Пайпс. Россия при старом режиме. Кембридж, Масс, 1980. Перевод с английского В. Козловского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

В данной библиографии, приведенной в алфавитном порядке, мы указываем как номера глав, так и порядковые номера в поглавном перечне источников, расположенных в порядке использования их в тексте главы. Таким образом, тот, кому понадобится по библиографии просмотреть то или иное свидетельство словно, может пользоваться как общей алфавитной, так и поглавной библиографией.

1. Николай Агницев. Сборник стихов «Блистательный Санкт-Петербург». Лондон, 1968. 4-34
2. К. Аксаков. Записка «О внутреннем состоянии России». Полное собрание сочинений под ред. И. С. Аксакова. 1861—1880. 4-23
3. Проф. Архангельский. Очерки по истории земельного строя в России. Казань. 5-26
4. Архив опеки Пушкина. Летопись Государственного литературного музея. 4-18
5. В. Безобразов. Война и революция. «Русский вестник», т. 101, 1872. 3-36
6. А. М. Белов. Иностранцы о России. «Исторический вестник», т. 136, 1914. 3-6, 6-5
7. А. П. Беляев. Воспоминания о пережитом и перечувствованном. «Русская старина». 2-12
8. Гр. Бенкendorф. Записки. «Исторический вестник», т. 91, 1903. 1-29, 6-6, 4-16
9. Гр. Бенкendorф. Записки о путешествии императора Николая I. 5-13
10. Николай Бердяев. Русская идея. ИМКА-Пресс. Париж. 4-22
11. Николай Бердяев. Смысъ истории. ИМКА-Пресс. Париж. 7-7
12. Генерал Богданович. Восточная война 1853—1856, т. I. 6-29
13. А. К. Бородин. Из писем и показаний декабристов. СПБ, 1906. 5-24
14. И. А. Бороздин. Упразднение двух автономий. «Исторический вестник», т. 20, 1885. 3-34
15. А. Я. Бутковская. Рассказы бабушки. «Исторический вестник», т. 18, 1884. Введ. -5, 1-20, 3-13, 7-5, 5-9
16. А. А. Верещагин. Памяти прошлого. 5-1
17. М. Г. Веселкова-Кильштет. Колычевская вотчина. Ч. I. СПБ, 1912. 6-33
18. «Военный сборник», № 11, ноябрь 1916. 1-33
19. К. А. Военский. Николай I и Польша. «Исторический вестник», т. 92, апрель 1903. 6-4
20. То же, т. 92, май 1903. 6-4
21. Воспоминания военного врача. «Исторический вестник» 3-14
22. А. Н. Вульф. Из дневников. Сборник «Пушкин в воспоминаниях современников». Гос. изд. худ. литературы. 1950. 4-12
23. Б. П. Вышеславцев. Кризис индустриальной культуры. Изд. им. Чехова. Нью-Йорк. Введ. -8
24. Кн. П. П. Вяземский. Письмо к А. С. Пушкину от 22 ноября 1827. Архив опеки Пушкина. Летопись Государственного литературного музея. 4-19
25. К. Г. Памяти М. А. Паткуль. «Исторический вестник», т. 84, 1901. 7-3
26. Е. И. Раевская. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 74, 1898. 1-38
27. П. Гейманс. Славянский вопрос в понимании русского добровольца 1876 г. Гл. IV. «Военный сборник», № 11, 1976 6-35
28. А. И. Герцен. Былое и думы. 3-8, 5-27
29. А. И. Герцен. На краю нравственной гибели. 4-25
30. А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. СПБ, 1907. 2-18

31. А. И. Герцен. Письма к старому товарищу. 4-58
32. А. И. Герцен. Письмо к Тургеневу. 1857. 4-26
33. А. И. Герцен. Русский заговор. 2-19
34. Сергей Гессен. Декабристы перед судом истории. Л.-М., 1926. 2-11
35. Ф. Н. Глинка. Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году. Сборник «Пушкин в воспоминаниях современников». Гос. изд. художественной литературы, 1950. 4-9
36. Государственный архив 1В № 11, 55-58. Кн. под ред. А. К. Бородина «Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего её устройства». СПБ, 1906. 2-25
37. А. С. Грибоедов. Из начатой трагедии «Родалист и Зенобия». 2-22
38. А. Ф. Гримм. Русская императрица Александра Федоровна. Лейпциг, 1886. 2-35
39. Роман Дмовский. Германия, Россия и польский вопрос. Санкт-Петербург. 1909. 6-36
40. Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, т. I. СПБ. Изд. Маркса, 1895. Введ. -3, 3-21, 4-29, 6-10
41. Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, т. I, кн. II, СПБ, 1895 6-10
42. Ф. М. Достоевский. Из черновиков к «Бессам». 2-17
43. Ф. М. Достоевский. К Майкову. 4-29
44. А. Е. Евгеньев. Журнальное страстотерпство. «Исторический вестник», т. 118, 1909. 3-23
45. И. Егер. Всеобщая история. 2-16
46. В. В. Ельяшевич. История права поземельной собственности. Париж, 1948—1951. 5-27
47. Александр Жемчужников. Подымовское дело. «Русский архив», кн. II, 1881. 1-15
48. Лев Жемчужников. Александр Егорович Бейдеман. «Вестник Европы», т. I, февраль 1906. 6-23
49. Воспоминания Жерве. «Исторический вестник», т. 73, 1898. 1-28
50. Барон А. Жомини. Россия и Европа в эпоху Крымской войны. 6-27
51. В. А. Жуковский. Письмо к Пушкину от второй половины сентября 1825 года. 4-13
52. Ив. Забелин. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. Москва. 1883. «Исторический вестник», т. 15, 1883. Введ. -4, 3-31
53. М. З. Русский памятник в Константинополе. «Часовой», № 1, 1978. Январь-февраль. 6-19
54. М. Залевский (А. Самойлов). Исторический опыт и некоторые размышления. 1812—1862. «Посев», № 25, 24/VI, 1962. 7-8
55. М. Залевский. Экономическая политика в сельском хозяйстве. Сборник «Экономическая политика Свободной России», изд. Социально-Экономического семинара под ред. М. Залевского. Разд. В, гл. 2. 5-29
56. Ив. Захарьин. Дружба Жуковского с Перовским. «Вестник Европы», апрель 1901. 1-7
57. А. И. Зиссерман. Материалы для истории Кавказской войны. «Русский вестник», т. 101, октябрь 1872. 6-18
58. Р. М. Зотов. Записки, т. 65, 1896. 2-5
59. В. Р. Зотов. Из воспоминаний. «Исторический вестник», т. 40, 1890. 3-10
60. В. Р. Зотов. Цензор и профессор. «Исторический вестник», т. 54, 1893. 5-3
61. И. А. Ильин. О монархии, гл. VII. 7-10
62. Кн. Николай Имеретинский. Пажеский корпус. «Русский вестник», т. 191, 1887. 1-6, 27
63. Н. В. Исааков. Венгерская кампания 1849 года. «Исторический вестник», т. 81, 1913. 6-11

64. «Исторический вестник», т. 36, 1889. 1-19
65. «Исторический вестник», т. 40, 1890. 5-16
66. История русских войн. Бесплатное приложение к журн. «Русский паломник», 1915. Вып. 8-9. 6-16
67. Н. О. К. Сын Декабриста. «Исторический вестник», т. 125, 1911. 2-24
68. М. Г. Казаринов. Император Николай I и Наталия Пушкина. Сборник «А. С. Пушкин и его эпоха», изд. «Иллюстрированная Россия», 1937. 3-19
69. М. Ф. Каменская. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 56, 1894. 4-8
70. А. М. Карагина. Воспоминания. «Русский вестник», т. 152, 1881. 4-7
71. П. А. Карагин. Записная книжка. 4-33
72. П. П. Карагин. Из записной книжки П. А. Карагина. «Исторический вестник». 3-12
73. П. Е. Ковалевский. Исторический путь России. Париж, 1949. Введ.—7
74. Марион Коваль. «Известия», № 234. 3-1
75. А. Ф. Кони. На жизненном пути. Ч. I. Ревель—Берлин. 5-23
76. Корнилов. История России от Смутного времени до наших дней. Изд. «Иллюстрированная Россия». 5-25
77. Бар. М. Корф. Восшествие на престол императора Николая I. СПБ, 1857. 2-34
78. Бар. М. Корф. Материалы и черты к биографии императора Николая I. Сборник Императорского Российского исторического общества, т. 98. 1-32
79. Н. А. Крылов. Кадеты сороковых годов. «Исторический вестник», т. 18, 1884. 1-21
80. Я. И. Костенецкий. Рассказы о Николае I. «Исторический вестник», т. 12, 1883. 1-22, 5-11
81. Д. А. Кропотов. Жизнь М. Н. Муравьева. СПБ, 1874. 2-8
82. А. И. Куприн. Олеся. 3-33
83. Из воспоминаний кавалера Кюсси. «Исторический вестник», т. 68, 1896. 1-26
84. М. С. Лалаев. Исторический очерк «Император Николай I — зиждитель русской школы». СПБ, 1896. 4-1
85. М. Ю. Лермонтов. Сочинения. 6-4
86. Н. Лесков. Блоха. 1-24
87. И. Любарский. Варшавский дневник. «Исторический вестник», т. 54, 1893. 3-11
88. Н. Любимов. Михаил Никифорович Катков. «Русский вестник», т. 194, 1888. 4-6
89. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II. Госиздат политической литературы, 1952. 7-2
90. М. — Павел Андреевич Федотов. «Исторический вестник», т. 54, 1893. 4-40
91. Н. Г. Макиевский-Зубов. Кавказ и кавказские наместники. «Вестник Европы», т. I, 1906. 4-5
92. То же, т. 2. 6-17
93. В. А. Маклаков. Воспоминания (Власть и общественность на закате Старой России). 5-22
94. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI. 3-38
95. Месяцослов в 1853 году. СПБ. 4-2, 7-44
96. И. В. Мещанинов. Памяти принца П. Г. Ольденбургского. «Исторический вестник», т. 129, 1912. 4-39
97. П. В. Митурич. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 33, 1888. 1-4, 2-29, 5-15
98. Д. Менделеев. К познанию России. Изд. Миловида, Мюнхен. 3-20
99. Граф Мариоль. Записки. «Исторический вестник», т. 67, 1896. 1-27, 2-1
100. То же, т. 117, 1909. 3-17

101. А. И. Михайловский-Данилевский. «Исторический вестник», т. 49, 1892. 5-8
102. Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания, тт. I и III. 4-28
103. В. С. Мышецкий. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 66, 1896. 3-16
104. Ольга Н. Из воспоминаний. «Русский вестник», т. 191, 1887. 4-36
105. В. И. Назимский. Крушение Великой России и Дома Романовых. Париж, 1930. 3-15
106. «Наказ» имп. Екатерины II. 4-38
107. Н. А. Некрасов. Княгиня Трубецкая. 2-20
108. М. Николаевич. Историческая объективность или некоторые исторические параллели. Изд. «Эхо», 1948. 4-37
109. М. Николаевич. Крестьянский вопрос в России в эпоху императора Николая I. «Эхо», № 17, 14/IX 1946. 5-28
110. Барон Б. Э. Нольде. Юрий Самарин и его время. ИМКА-Пресс. 3-7, 6-34
111. С. С. Окрец. Воспоминания. 1-23
112. М. И. Осипова. Рассказы о Пушкине. Сборник «Пушкин в воспоминаниях современников». Госиздат художественной литературы. 1950. 4-11
113. В. К. П. — Исторические силуэты. «Исторический вестник», т. 44, 1891. 5-2
114. То же, т. 45, 1891.
115. Ричард Пайпс. Россия при старом режиме. Кембридж. Масс. 1980. Перевод с английского В. Козловского. 7-11
116. Палатин. Одесские события. «Русский вестник», т. 127, 1877. 6-22
117. М. А. Паткуль. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 87, 1902. 1-18, 3-2
118. То же, т. 88, 1902. 1-11
119. В. А. Перовский. Письмо к архиепископу Могилевскому Евсею. Приложение к журн. «Русская старина». 6-25
120. Петербургский старожил. К истории 14 декабря 1825 года. «Исторический вестник», т. 95, 1904 2-7
121. П. А. Плетнев. Стихотворение Дельвигу. 5-30
122. Н. А. Полевой. «Московский телеграф». 3-28
123. В. Д. Поремский. Что такое народ? «Посев», август 1977. 2-14
124. А. С. Пушкин. Бородинская годовщина. 6-8
125. А. С. Пушкин. Вольность. 3-25
126. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Сборник. Гос. изд. художественной литературы, 1950. 3-30
127. Из рукописей Пушкина. «Русский архив», кн. II, 1881. 3-32
128. А. С. Пушкин. К друзьям. 2-27
129. А. С. Пушкин. Медный всадник. 2-30
130. А. С. Пушкин. №оё (Сказки). 3-24
131. А. С. Пушкин. Евгений Онегин. 3-18
132. Сочинения Пушкина. 4-14
133. Р. — К истории Восточного вопроса. «Русский вестник», т. 127, 1877. 6-28
134. Е. И. Раевская. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 74, 1898. 1-3
135. А. А. Раевский. Законодательство Наполеона III о печати. Томск, 1904. 3-29
136. Граф А. Ржевуский. Отрывки из мемуаров. «Исторический вестник», т. 82, 1913 6-24
137. С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПБ, 1902. 3-26
138. Д. Ротштейн-Смейский. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 36, 1889. 1-12
139. В. Е. Рудаков. Последние дни цензуры. «Исторический вестник», т. 125, 1911. 3-27

140. А. Самойлов. О восстании декабристов. «Эхо», № 2 (55) от 15/1 1948. 2-31
141. Проф. Шарль Сеньобос. Политическая история современной Европы, т. I. 3-37, 6-1
142. Н. Н. Сергиевский. Чертова кукла. «Исторический вестник», т. 129, 1912. 5-10
143. А. Н. Сиротин. Князь А. И. Одоевский. «Исторический вестник», т. 12, 1883. 2-9
144. С. В. Скалон. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 45, 1891. 2-13
145. А. О. Смирнова. Записки. Сборник «Пушкин в воспоминаниях современников». Госиздат художественной литературы, 1950. 4-17
146. А. И. Соколова. Встречи и знакомства. «Исторический вестник», т. 123, 1911. 3-9
147. М. К. Соколовский. К характеристике Николая Первого. «Исторический вестник», т. 113, 1908. 5-14
148. Н. Соловьев. Скорбные листы Крымской кампании. «Русский вестник», т. 101, 1872. 6-26
149. Е. В. Спекторский. Принципы Европейской России в XIX и XX веках. Люблин, 1936. 6-2
150. И. В. Сталин. О задачах хозяйственников. Вопросы ленинизма. Введ.-2
151. В. Стэд. Правда о России. 7-20
152. Е. В. Сухонин. Из воспоминаний измайловца. «Исторический вестник», т. 69, 1897. 1-9
153. То же, т. 68, 1897. 1-30
154. Н. Тальберг. Кончина императора. 1-31
155. С. С. Татищев. Император Николай I и июльская монархия во Франции. «Исторический вестник», т. 30, 1887. 6-13
156. И. Телешев. Император Николай I в Курске. «Исторический вестник», т. 33, 1888. 4-21
157. В. А. Тимирязев. Император Александр I и его эпоха. «Исторический вестник», т. 74, 1898. 2-3, 3-5
158. В. А. Тимирязев. Воспоминания княгини Радзивилл. «Исторический вестник», т. 100, 1905. 6-7
159. В. А. Тимирязев. Пионеры просвещения. «Исторический вестник», т. 64, 1896. 2-24
160. И. Р. Тимченко-Рубан. Из воспоминаний. «Исторический вестник», т. 40, 1890. 1-5
161. Л. Тихомиров. Монархическая государственность. Ч. I. «Русское слово». Переизд. с изд. 1905 г. 2-32, 5-31
162. Лев Толстой. Педагогические статьи. 4-27
163. Граф М. Ф. Толстой. Мои воспоминания. «Русский архив», кн. 2, 1881. 5-21
164. А. Тройницкий. Крепостное население в России по десятой народной переписи. СПБ. 1861. 5-32
165. Н. И. Тургенев. Россия и русские. Из перевода с французского издания 1847 г. 2-10
166. Ф. Тютчев. 14 декабря 1825. 2-21
167. Ф. М. Уманец. Проконсул Кавказа. «Исторический вестник», т. 33, 1888. 4-31, 5-17
168. Д. В. Федоров. На царском пути. «Исторический вестник», т. 72, 1898. 1-14
169. П. Н. Фирсов. Император Николай I и Александр II. «Исторический вестник», т. 110, 1907. 6-21
170. Записки сенатора Фишера. «Исторический вестник», т. 113, 1908. 5-4
171. Бар. М. П. Фредерикс. Воспоминания. «Исторический вестник», т. 71, 1898. 1-8

172. Виктор Фукс. Реформа реформы 1864 года. «Русский вестник», т. 190, 1888. 4-3
173. А. С. Хомяков. Собрание сочинений, т. I, изд. II, СПБ, 1878. 6-31
174. Царские коронации в России. 2-33, 7-9
175. Евгений Чириков. Отчий дом. Введ.-1
176. В. Чичерин. Письмо к издателю «Колокола». Сборник «Несколько современных вопросов». 4-35
177. Н. К. Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царствование, т. I. 1-1, 2-4, 3-4, 5-12, 6-3
178. С. Л. Ширяев. Отец-командир. «Исторический вестник», т. 82, 1900. 1-13
179. Фон Штейн. Иностранные о России. Первое пятилетие царствования Николая Павловича. «Исторический вестник», т. 118, 1909. 2-2
180. П. Е. Щеголев. Император Николай I, «Исторический вестник», т. 92, 1903. 1-2
181. То же, т. 95, 1904. 3-35, 5-19
182. П. Е. Щеголев. Дуэль Пушкина и Дантеса. «Исторический вестник», т. 100, 1905. 4-15
183. Кн. М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России. 4-32
184. Л. В. Эвальд. Рассказы о Николае I. «Исторический вестник», т. 72, 1898. 1-16
185. Н. А. Энгельгардт. Цензура в предреформенную эпоху. «Исторический вестник», т. 90, 1902. 5-5
186. И. Я. — К истории французского театра в России. «Исторический вестник», т. 70, 1897. Введ.-6, 1-10
187. Н. М. Языков. Сочинения. 4-30
188. И. Д. Якушкин. Записки. Сборник «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. Госиздат, 1951. 1-25, 3-3, 4-10
189. И. Д. Якушкин. Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. 2-6
190. И. И. Ясинский. Юношеская любовь И. М. Сеченова. «Исторический вестник», т. 120, 1910. 3-22
191. Robert Bremner. Excursion in the Interier of Russia. London. 1839. 5-34
192. John Dundas Cochrane. Negative of Pedestrian. Journey throu Russia and Siberian Tatary. London. 1824. 5-33
193. Daniel Field. «Kritik» No 2. Vol. I Cambridge, Mass, 1964. 5-35
194. Memoires, documents et écrits par le prince de Metternich publiés par son fils. Vol. III-IV. 6-12
195. Von Graf Prokisch-Osten. Mechmed-Ali, Vice-König von Ägypten. Aus meinem Tagebuch 1826—1841. 6-30
196. Fr. Scrine. The expansion of Russia (1815—1900). No 11 of the Cambridge Historical Series. 7-1
197. Lui Schneider. Aus meinem Leben. I-III. Berlin, 1879. 6-14
198. Lui Schneider. Kalisch in September des Jahres 1835. Berlin, 1835. «Der Soldatenfreund». 6-15
199. Frederick Starr. Decentration and Self-Governement in Russia 1830—1870. 3-39

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>M. Залевский.</i> От автора	5
Введение	7
<i>Глава 1.</i> Император Николай Павлович как человек	13
<i>Глава 2.</i> 14 декабря и Николай I	41
<i>Глава 3.</i> Николай I — охранитель	67
<i>Глава 4.</i> Русская культура в Николаевскую эпоху	93
<i>Глава 5.</i> Русское общество в Николаевскую эпоху	125
<i>Глава 6.</i> Окраинная и внешняя политика императора Николая I	155
<i>Глава 7.</i> Общее заключение	197
<i>M. Залевский.</i> Послесловие	206
Библиографический указатель	209

